

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель совета – **С. Н. Сильвестров**, д-р экон. наук, профессор, проректор Финуниверситета, Заслуженный экономист;
В. В. Герасименко, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой маркетинга МГУ им. М. В. Ломоносова;
А. Ю. Грибов, канд. экон. наук, председатель Совета директоров КБ «Платина»;
Г. П. Журавлева, д-р экон. наук, профессор, руководитель научной школы «Экономическая теория» РЭУ им. Г. В. Плеханова, Заслуженный деятель науки РФ;
Л. М. Кветной, канд. экон. наук, член Совета директоров КБ «Национальный стандарт»;
Я. М. Миркин, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института финансовых рынков и прикладной экономики Финуниверситета, зав. отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, председатель Совета директоров ИК «Еврофинансы»;
Р. М. Нуреев, д-р экон. наук, профессор, руководитель Департамента экономической теории Финуниверситета, зав. кафедрой «Макроэкономика» Финуниверситета, Заслуженный работник высшей школы РФ;
А. А. Пороховский, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова;
Д. Е. Сорокин, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, первый заместитель директора Института экономики РАН, зав. кафедрой «Макроэкономическое регулирование» Финуниверситета;
А. В. Холопов, д-р экон. наук, профессор, декан факультета Международных экономических отношений МГИМО (Университет МИД РФ).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Д. Диккинсон, д-р, профессор, руководитель Департамента экономики Бирмингемского университета (Великобритания);
П. Леочи, д-р, профессор университета Саленто г. Лечче (Италия);
А. Мазараки, ректор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина);
Н. Павлов, д-р экон. наук, профессор Государственного университета национального

и международного хозяйства, зам. председателя Экономического и социального совета Республики Болгарии, зам. председателя Союза экономистов Болгарии (Болгария);
Г. Симон, д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи энд маркетинг консалтенс» в Бонне (ФРГ) и Кембридже (США);
Т. Хаймер, д-р, профессор Франкфуртской школы финансов и менеджмента/Университет (ФРГ);
С. Хан, руководитель Департамента экономики Блумбсбергского университета, д-р, профессор (США);
Х. Хирш-Крайсен, д-р, профессор Дортмундского технологического университета (ФРГ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Н. Н. Думная**, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой «Микроэкономика» Финуниверситета, Заслуженный работник высшей школы РФ;
А. Ю. Юданов, заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор кафедры «Микроэкономика» Финуниверситета;
А. С. Генкин, заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН;
С. В. Казанцев, заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор, заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, главный научный сотрудник Финуниверситета;
Л. М. Куприянова, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономический анализ» Финуниверситета, директор инновационного центра прикладных научных исследований «РИМ Университет»;
М. Б. Медведева, канд. экон. наук, профессор кафедры «Мировая экономика и международные финансовые отношения» Финуниверситета;
Г. Л. Подвойский, канд. экон. наук, советник генерального директора Международного союза экономистов, член-корреспондент Международной академии менеджмента;
Б. Б. Рубцов, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой «Финансовые рынки и финансовый инжиниринг» Финуниверситета;
В. Н. Сумароков, д-р экон. наук, профессор, декан факультета «Международные экономические отношения» Финуниверситета.

© Журнал «МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ»,
Свидетельство
ПИ № ФС77-29915.
Издается с 2007 г.
Усл. печ. л. 9,3.
Тираж 151 экз.
Учредители: ФГБОУ ВПО
«Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации»
и Н. Н. Думная

Главный редактор
Н. Н. Думная

Заведующий редакцией
научных журналов
В. А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю. М. Анютин

Корректоры
**О. Ф. Федосова,
М. С. Лещинер**

Верстка
С. М. Ветров

Адрес редакции:
125993, ГСП-3, Москва,
Ленинградский пр., 51,
д. 3, к. 104.

Тел.: 8 (499) 943-95-78,
8 (499) 943-99-09.
E-mail:
info@worldneweconomy.ru,
yumanyutina@fa.ru;
сайт: www.fa.ru.

Мнение редакции и членов
редколлегии может
не совпадать с мнением
авторов.

Перепечатка материалов
только с письменного
разрешения редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Подписано в печать:
17.02.2014

Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 23 от 17.02.2014

Отпечатано:
в ОПП (Настасьинский пер.,
д.3, стр. 1) Издательства
Финуниверситета

СЛОВО РЕКТОРА.....4

НОВЫЙ КУРС – РЕВОЛЮЦИОННАЯ РЕФОРМА

С. Н. Сильвестров

**► Уроки прошлого как воспоминание о будущем
(сходство и различие кризисов).....6**

Р. М. Нуреев

**► Американский опыт выхода из Великой депрессии:
уроки истории для современности.....11**

Е. М. Найденова

**► Реформы «нового курса» Ф. Д. Рузвельта
на фоне кейнсианской революции.....23**

Ю. В. Латов

**► Можно ли было избежать «идеального шторма»?
(Ретропрогнозирование Великой депрессии)28**

А. В. Лапонов

► Великая депрессия и ее преодоление34

П. В. Арефьев

**► Достижения и «заблуждения» политики
«Нового курса» Ф. Д. Рузвельта40**

S. M. Khan

**► 21st Century Global Economic Crisis:
Relevance to the New Deal45**

Н. Н. Становова

**► «Новый курс» Рузвельта: способ преодоления
Великой депрессии или ее продления?.....51**

Ф. Д. РУЗВЕЛЬТ – ЧЕЛОВЕК И РЕФОРМАТОР

С. В. Ксензов

**► Роль личности и «команды»
в борьбе с мировым экономическим кризисом55**

М. М. Скибицкий

► Многогранный гений64

Г. В. Будкевич

► Ф. Д. Рузвельт как патриот и практик69

С. Т. Махаматова

**► Фактор гуманизма как основа
«Нового курса» Ф. Д. Рузвельта77**

▶ EDITOR'S-IN-CHIEF COLUMN	4
THE NEW DEAL – A REVOLUTIONARY REFORM	
<i>S. N. Silvestrov</i>	
▶ Lessons from the past as a memory of the future (similarities and differences of crises)	6
<i>R. M. Nureev</i>	
▶ American experience out of the Great Depression: History lessons for the present	11
<i>E. M. Naydenova</i>	
▶ Reforms of f. d. roosevelt's «new Deal» and keynesian revolution	23
<i>Y. V. Latov</i>	
▶ Was it possible to avoid a «perfect storm»? (Retro prognosis of the Great Depression)	28
<i>A. V. Laponov</i>	
▶ The great depression and its overcoming	34
<i>P. V. Arefyev</i>	
▶ Achievements and delusions of the «New Deal» policies of Franklin Delano Roosevelt	40
<i>Saleem M. Khan</i>	
▶ 21st Century Global Economic Crisis: Relevance to the New Deal	45
<i>N. N. Stanovova</i>	
▶ New course «Roosevelt: ways to overcome the Great Depression and its prolongation	51
F. D. ROOSEVELT: A MAN AND A REFORMER	
<i>S. V. Ksenzov</i>	
▶ The role of person and «command» in the struggle against the world economic crisis	55
<i>M. M. Skibitskiy</i>	
▶ Multifaceted genius	64
<i>G. V. Budkevich</i>	
▶ F. D. Roosevelt: a patriot and an expert	69
<i>S. T. Makhmatova</i>	
▶ Factor of humanism as a basis for the «New Deal» of F. D. Roosevelt	77

М. А. ЭСКИНДАРОВ,
ректор Финансового
университета при
Правительстве Российской
Федерации, доктор
экономических наук,
профессор
**M. A. Eskinjarov, chairman
of the Board, rector, Financial
University**

*«Пришло время сказать правду, всю правду откровенно и смело.
Не пристало нам также уклоняться от честной оценки
положения, в котором находится наша страна...».*

**Из инаугурационной речи Ф. Рузвельта,
4 марта 1933 года у стен Капитолия.**

Финансовый университет при Правительстве РФ по инициативе Департамента экономической теории начал проводить серию международных конференций под общим названием «Великие экономисты и великие реформы». Целью этих конференций является объединение научных и творческих усилий российских ученых, способных на основе исторического анализа экономических воззрений сделать прогнозы направлений трансформации современной российской экономики, а также выявление наиболее талантливых и перспективных авторов с целью поддержки их научного потенциала.

Финансовый университет при Правительстве РФ совместно с Международной ассоциацией институциональных исследований, Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургским государственным университетом провел I Международную научно-практическую конференцию «Кризисы, реформы, революции» (К 80-летию реформ Ф. Д. Рузвельта) из этого цикла. Она была приурочена к «круглой» годовщине реформ Ф. Д. Рузвельта, 32-го президента США от Демократической партии (с 1933 по 1945 г.).

Заметим, что Рузвельт — единственный в истории США, кто четырежды избирался на пост президента страны. Историки ставят его в один ряд с другими выдающимися президентами США, такими как Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон и А. Линкольн.

Строго говоря, проводить эту конференцию следовало в середине лета, поскольку именно тогда исполнялось 80 лет после знаменитых «100 дней» президентства Франклина Делано Рузвельта — проведенных в марте-июне 1933 г. начальных реформ знаменитого

«Нового курса». Эти реформы, как считается, привели не только к преодолению Великой депрессии, но и к формированию новой («кейнсианской») модели рыночного хозяйства — с сильным государственным регулированием.

Реформы Ф. Д. Рузвельта, которые продолжались и после «100 дней», называют наиболее успешными в XX веке социально-экономическими реформами. Впрочем, нередко высказывается и диаметрально противоположная точка зрения — что рузвельтовские реформы привели к неэффективному огосударствлению экономики, которое не столько облегчило, сколько затруднило преодоление кризиса. Обсуждение «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта является поэтому поводом к обсуждению не только событий 1930-х гг., но также и общих проблем регулирования и эволюции рыночного хозяйства.

Чтобы быть более объективными в оценке «Нового курса», следует вспомнить, с какими огромными проблемами столкнулся Ф. Д. Рузвельт как президент США. Ведь именно они и подвигли его на беспрецедентные реформы.

Масштабы кризиса были гигантскими. ВВП США сократился со 104 млрд долл. в 1929 г. до 56 млрд в 1933 г. Объем частных инвестиций за этот же период упал с 17,0 до 1,6 млрд долл. Промышленное производство сократилось на 32%.

Разорилось более 130 тыс. компаний и около 890 тыс. фермерских хозяйств (15% общего их числа). Все 12 тыс. банков страны испытывали серьезные трудности, а многие из них прекратили свою деятельность из-за массового изъятия вкладов.

Безработица составила более 14 млн человек, 2,5 млн человек остались без крова.

Как политик Рузвельт постоянно поддерживал связь с населением, давал им надежду на лучшие времена. Он призывал американцев делиться имуществом, взаимно поддерживать друг друга, стремиться к единению и милосердию, которое, по его мнению, в буквальном смысле слова означало любовь.

С 1933 г. по январь 1945 г. он 31 раз выступил по радио — основному для того времени СМИ. В своих выступлениях Рузвельт излагал все основные шаги по реализации своего «Нового курса», делая это на понятном каждому языке, объяснял, почему тот или иной закон, несмотря зачастую на его суровость, — в интересах нации.

По свидетельствам очевидцев, выступлениям предшествовала тщательная подготовка: регулярное знакомство с письмами американцев, слежение за реакцией прессы. Эти радиовыступления составили сборник под

названием «Беседы у камина». В настоящее время они доступны нашему читателю, так как книга издана на русском языке.

В первые сто дней своего президентства (начавшегося в марте 1933 г.) Ф. Д. Рузвельт осуществил ряд важных реформ. Был принят ряд законов и специальных программ.

В первую очередь была осуществлена *Программа поддержки банков*. Основные ее положения состояли в том, что произошел отказ от золотого стандарта. Золото было изъято из обращения. Произошла девальвация доллара. В практику денежного регулирования была введена норма обязательного резерва, того инструмента регулирования, который активно применяется центральными банками различных стран и сегодня. Банковская система США была восстановлена.

Рузвельт подписал закон о создании *Федеральной чрезвычайной администрации* помощи голодным и безработным.

Программа «*Гражданский корпус сохранения ресурсов*» позволила создать в 1933 г. лагеря для 250 тыс. молодых безработных и ветеранов. К 1935 г. лагеря были расширены вдвое — до 500 тыс. человек. В результате было посажено 200 млн деревьев.

Национальная администрация по оздоровлению промышленности предусматривала ряд правительственных мер по регулированию промышленности, которые позволили достаточно быстро поднять производство на 10%.

Программа «*Управление долины реки Теннесси*» (TVA) позволила превратить долину в цветущий край, река стала судоходной, улучшилось земледелие. На упрек, что эта программа — «социализм», Рузвельт ответил:

«Называйте TVA хоть рыбой, хоть мясом, но оно удивительно вкусно для жителей долины Теннесси».

Важным шагом на пути восстановления национального сельского хозяйства США было принятие двух законов: о рефинансировании фермерской задолженности и о восстановлении сельского хозяйства, предусматривающих государственный контроль за объемом производства сельскохозяйственной продукции.

Реформы были продолжены и за пределами «100 дней». Важные реформы в области труда и социального обеспечения и налогообложения были проведены в 1935 г. Прогрессивный **Закон Вагнера** (*National Labor Relations Act*) о регулировании трудовых отношений закрепил право рабочих на заключение коллективных договоров и право на забастовку. Был создан Национальный совет по трудовым отношениям, который должен был наблюдать за созданием профессиональных союзов и их деятельностью. (В 1947 г. после смерти

Рузвельта Закон Вагнера сменил антирабочий Закон Тафта—Хартли, который зарегистрировал вопросы проведения забастовок, права профсоюзов и пр.)

Главным результатом «Нового курса» стало значительное огосударствление экономики. Благодаря активной регулирующей роли государства страна смогла выбраться из кризиса.

Возвращаясь к нашей конференции, зададимся вопросом: что можно использовать из опыта реформ Рузвельта для России?

На наш взгляд, следует на данном примере еще раз внимательно изучить возможности государства в кризисных условиях; вопросы поддержки национальной банковской системы; проблемы занятости и сельского хозяйства, а также эффективного использования ресурсов.

К числу наиболее общих вопросов, которые так или иначе обсуждались во время конференции, относятся, в частности, следующие.

1. Можно ли было предотвратить Великую депрессию? И если да, то что для этого необходимо было сделать?

2. Удалось ли Ф. Д. Рузвельту добиться прекращения Великой депрессии, или «Новый курс» не оказал на нее существенного влияния?

3. Каковы последствия «Нового курса» для США и для всего мира?

4. Каково соотношение идей «Нового курса» и основных направлений экономической теории?

Во время конференции 18 октября были организованы следующие научные секции.

Секция 1. Институциональные характеристики экономического развития: мир и Россия.

Секция 2. Значение Великой депрессии для США и для рыночного хозяйства.

Секция 3. Значение реформ Рузвельта для США и для всего мира.

Секция 4. Регулирование занятости и трудовых отношений. Социальное страхование и пенсионное реформирование.

Секция 5. Государственный бюджет и государственный долг.

Секция 6. Механизмы финансовых крахов и странственная экономика.

В конференции участвовали экономисты не только из Москвы, но и из других городов России, а также из стран ближнего зарубежья (из Украины и Белоруссии).

В данном выпуске «Мира новой экономики» сделана тематическая подборка работ участников конференции. Публикации будут продолжены в следующих выпусках журнала.

Уроки прошлого как воспоминание о будущем (сходство и различие кризисов)

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СИЛЬВЕСТРОВ

профессор, проректор по научному и инновационному развитию Финансового университета

E-mail: SSilvestrov@mail.ru

Аннотация. В статье проводится детальный анализ двух кризисов в экономике США – 1929–1933 гг. и кризиса, начавшегося в 2007 г. Автором выявляются сходства и различия, причины, вызвавшие кризисы, прослеживается хронология кризисных событий и их последствий.

Ключевые слова: кризис, банковская паника, дефолт, экономическая катастрофа.

Lessons from the past as a memory of the future (similarities and differences of crises)

SERGEY NIKOLAEVICH SILVESTROV

Chairman of the Board, PhD of Economics, Professor, Vice President for Research and Innovation Development Finance University, Honored Economist of the Russian Federation

Abstract. This paper contains a detailed analysis of the two crises in the U.S. economy of 1929-1933 and the crisis that began in 2007. The author reveals the similarities and differences, causes of the crises, and also traces the chronology of crises' events and their consequences.

Keywords: crisis, banking panic, default, economic disaster.

Переживая и наблюдая очередной кризис, невольно вспоминаешь о Великой депрессии и задаешься вопросом, возможно ли повторение экономической катастрофы подобных масштабов.

За тот краткий трехлетний период с осени 1929 г. до весны 1933 г. реальный валовой внутренний продукт ведущих экономик мира сократился более чем на двадцать пять процентов. Почти четверть мужчин работоспособного возраста остались без работы [1]. Цены на сырье упали на 50%, на товары широкого потребления — на 30%, при сокращении почти на треть заработной платы. В США на 40% сокращаются объемы банковского кредитования и, в конечном счете, рушится банковская система [2]. Почти все крупные суверенные должники среди развивающихся стран и в Европе, включая Германию (третья, по масштабам того времени, экономика мира), впадают в неплатежеспособность. Экономический хаос затронул каждый, даже

самый удаленный край планеты. С тех пор в мирное время не было подобного периода экономического беспорядка, который бы по своим масштабам приблизился к такому катаклизму.

Депрессия 1929–1933 гг. — это сумма и последовательность ряда взаимосвязанных кризисов. Спад германской экономики в 1928 г., крах американских финансовых рынков в 1929, последовавший кредитный кризис и банковская паника в 1930 г.; практический распад европейских финансов — в силу разных причин, в том числе в результате отказа Великобритании от золотого стандарта в 1931 г. и прекращения притока американских инвестиций.

Многочисленные эпизоды банковских, кредитных, валютных кризисов, помноженные на несогласованные и часто ошибочные действия финансовых властей разных стран, совпав, привели к всеохватывающему мировому экономическому кризису.

Всем событиям, лишь на поверхностный взгляд давней истории, можно подыскать аналоги в современном кризисе, начавшемся в 2007 г. в США.

Событие первое. Кризис мексиканского песо в 1994 г. напоминает рецессию германской экономики в 1928 г., спровоцированную неожиданным прекращением притока американских капиталов. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. Мексика, подобно Германии в 1920-е гг., привлекла крупные краткосрочные долларовые займы в период роста. Когда же США резко подняли процентные ставки в 1994 г., обслуживание долга подорожало. Только за один год предстояло выплатить 25 млрд долл. при валютных резервах в 6 млрд долл. [3] Для Мексики, как и для Германии в 1929 г., оказалось затруднительно продолжать обслуживание долговых обязательств. Страна встала перед выбором — дефляцией и неплатежеспособностью (дефолтом), вторым после дефолта 1982 г. В условиях возросшей финансовой глобализации долговой кризис мог быстро распространиться на другие страны.

При сходстве общих неблагоприятных условий есть, конечно, и различия в последствиях. Масштабы мексиканской экономики меньше германской тех лет. Доля Мексики в мировой экономике в 1990-е гг. втрое меньше доли Германии в конце 1920-х гг., и структура имеет периферийный характер.

Самое большое различие — в управлении кризисом. Министерство финансов США во главе с назначенным незадолго до этих событий Робертом Рубином разрабатывает детальный план, представленный Б. Клинтону. Первоначально предполагалось использовать Резервный фонд Министерства финансов, созданный еще Ф. Рузвельтом, но Конгресс не одобрил решение. Банкротство Мексики предотвратила быстро предоставленная помощь в форме чрезвычайного кредита в размере 50 млрд долл., подкрепленного гарантиями МВФ. Кроме того, Мексика свободно девальвировала песо, которому удалось вернуть доверие.

Германия же в 1929 г., вскоре после тяжелейшего периода гиперинфляции, остается в одиночестве и никто не может оказать ей помощь. Связанная правилами золотого стандарта, которые соблюдаются вопреки ухудшающейся ситуации, Германия жертвует стабильностью экономики, чтобы сохранить устойчивость рейхсмарки.

Еще одну, совсем явную параллель с кризисом 1930-гг. можно найти в биржевом спаде 2000 г. Оба кризиса на фондовых биржах являются следствием

раздутого вследствие экономического бума «финансового баллона». Оценка акций, особенно высокотехнологичных компаний, потеряла какую-либо связь с экономической реальностью. Они оказались чрезвычайно переоценены, по грубым подсчетам — на 30–40%.

И в одном, и в другом случае после их распродажи становится очевидным, что повышение цен было следствием в значительной степени фактического совпадения интересов, а во многих случаях — сговора корпоративного менеджмента и биржевых спекулянтов.

В обоих случаях характер потерь сходный. Сначала падает уровень капитализации высокотехнологичных компаний — почти на 40% в первый год, исчисленный в отношении к ВВП.

Вслед за этим происходит резкое сокращение инвестиций. Реакция властей почти одинакова. В первый год после краха 1929 г. процентные ставки ФРС снижаются с 6 до 2%, в 2000 г. — с 6,5 до 6%, к лету 2001 г. — до 3,75, а затем и до 2%.

Банковская паника в 1931–1933 гг. началась с банкротства *Bank of US* и напоминает многими чертами финансовый кризис, начавшийся в 2007 г. Все началось с сомнений в надежности финансовых посредников и снижения доверия к сложным банковским продуктам и, в конечном счете, их продуцентам — банкам.

На протяжении двух лет волны банковской паники прокатывались по США, и вкладчики изымали свои деньги из банков. Современный кризис также спровоцирован массовым натиском на финансовую систему. Однако существенное отличие в том, что теперь последствия значительно масштабнее, поскольку свои сбережения стремятся спасти не только отдельные физические лица, вкладчики, но и банкиры, и крупные инвесторы. Они изымают свои средства из различных финансовых источников и институтов, коммерческих и инвестиционных банков, инвестиционных и иных фондов, хедж-фондов, из всех искусственно сконструированных для внебиржевых операций организаций специального назначения, которые размножились в нулевые годы. Каждый финансовый институт в той или иной степени оказался под угрозой неплатежеспособности.

Современный банковский кризис более вирulentный, чем банковская паника 1931–1933 гг. В 30-е гг. большинству вкладчиков нужно было выстроиться в очередь, чтобы забрать свои сбережения. В наше время огромные денежные суммы

могут перемещаться одним кликом по «мышке». Более того, мировая финансовая система по количественным показателям многократно превысила размеры глобального ВВП и представляет сложную структуру разнородных взаимосвязанных элементов. Дестабилизация — один из них — имеет непредсказуемые по масштабам и глубине последствия.

Каналы и инструменты воздействия более разнообразны, и их эффект для мировой экономики намного сильнее. Большинство банков и финансовых конгломератов рассчитывают на доступ к источникам крупных краткосрочных займов. Крупные транснациональные банки сейчас более уязвимы, чем в прежние кризисы. Вследствие этих обстоятельств кризис крупных банков мультиплицируется через границы, распространяется быстро и действует более разрушительно. Это ярко продемонстрировали эпизоды провала AIG и Leman Brothers.

Центральные банки стремятся компенсировать потери и убытки. В 1931–1933 гг. Федеральный резерв стоял в стороне и не вмешивался. Это вызвало банкротство сотен банков и привело к кредитному кризису. Объемы кредитования сократились на 40%. В ходе последнего кризиса центральные банки и министерства финансов, учитывая уроки истории, реагируя с беспрецедентной последовательностью, влили гигантские объемы ликвидности и на время обеспечили капитал банкам.

Нет сомнения, что без этих мер мировая финансовая система могла бы вновь обрушиться. С другой стороны, конечные результаты кризиса и предпринятых антикризисных мер центральных банков не проявились в полной мере. Ясно одно: финансовый кризис, аналогичный по своему размаху кризису тридцатых, удалось предотвратить.

И еще одно событие. Европейский финансовый кризис 1931 г. также имеет современный аналог в кризисе стран с формирующимися рынками в 1997–1998 гг. Впрочем, в этом случае есть свои отличительные существенно новые черты.

В 1931 г. потеря доверия к европейским банкам и валютам вынудила Германию и страны Центральной Европы поставить под контроль потоки капитала, ввести протекционистские меры и остановить платежи по своим долгам. Это выразилось в падении доверия и банковском кризисе, эпидемии страха и заставило Великобританию отказаться от золотого стандарта.

В 1997 г. серия похожих кризисов на финансовых рынках затронула азиатские страны. Таиланд, Индонезия, Южная Корея вынуждены были прекратить обслуживание своих долговых обязательств. Курс большинства азиатских валют по отношению к доллару обрушился, подорвав окончательно доверие к рынкам ценных бумаг в странах с формирующимися рынками. В 1998 г. состоялся частичный дефолт в России, а двумя годами позже — в Аргентине. И вновь различие — в масштабах экономик, затронутых разными кризисами. В 1931 г. европейская экономика была только вдвое меньше американской. В 1997 г. ВВП стран, объявивших дефолт, составил лишь четверть от ВВП США.

Исторические сопоставления крайне полезны для предвидения повторяющихся событий и принятия политических решений. Однако в большинстве случаев они не совсем точны.

Тем не менее опасность экономической катастрофы 1929–1933 гг. намного превосходила суммарный эффект от долговых кризисов 1980–1990-х гг., финансовых кризисов 1997–1998 г., биржевых кризисов 2000–2001 г., ценового кризиса 2000 г. и финансово-экономического кризиса 2007–2010 г., за которым последовали серия долговых кризисов и длительная продолжающаяся стагнация в группе развитых стран.

В прокризисном развитии современной мировой экономики есть особенность, которая, возможно, смягчила последствия кризисов последнего десятилетия. В 30-е годы сошлись результаты наложения и совпадения различных по характеру и месту кризисов. И они реализовались в кратком временном интервале в 2–3 года, и их концентрированное воздействие на мировую валютно-финансовую систему и вызвало Великую депрессию. Мир выходил из экономического провала, по различным оценкам, не одно десятилетие и был погружен в многочисленные локальные военные конфликты и последовавшую за ними мировую войну.

Между последними кризисами можно отметить значительные временные интервалы. Хотя частота кризисов в разных сегментах экономики, их длительность и сложность выхода, как показывают наблюдения, заметно возросли. Нарастает и опасность возникновения резонансного эффекта совпадения разнородных кризисов по времени и месту. Угроза более глубокого экономического кризиса остается вполне реальной.

На протяжении многих лет некоторые считали и продолжают считать, что экономический катаклизм, подобный Великой депрессии, мог быть следствием действия непознаваемых и объективных процессов, противостоять которым правительство не в силах. Множественные исследования описывают депрессию как экономическую неразбериху, землетрясение, сравнивают с потопом и неумолимой фортуной. Вместе с тем есть повторяющиеся кризисы, которые имманентно присущи финансовым системам, и риски их возникновения усиливаются с глобализацией на основе либерализации международных экономических отношений. И они же подталкивают развитие глобальной экономики к поиску новых форм и созданию согласованных методов и инструментов глобального регулирования.

Важно также подчеркнуть, что Великая депрессия и современные кризисы не только следствие противоречий или пороков современного капитализма. Внимательный наблюдатель заметит, что масштабные кризисы часто являются следствием ошибочной экономической политики или неоправданных оценок реальной ситуации и, как следствие, принятия погрешных решений по методам смягчения рисков и кризисного управления.

Что же, кроме описания последовательности событий на финансовых рынках в 1929–1933 гг. и изучения рузвельтовских программ кризисного управления, может объяснить глубину и масштаб Великой депрессии? Одно из объяснений — в послевоенной политике ведущих государств. Решения, принятые на Парижской мирной конференции (январь 1919 г. — январь 1920 г.), обязало страны, не оправившиеся от последствий войны, нести тяжелое долговое бремя. Германия должна была выплатить репарации (общим объемом 132 млрд золотых марок или 33 млрд долл.) только Франции и Великобритании в размере 12 млрд долл., Франция задолжала по военным займам США и Великобритании 7 млрд долл., а Великобритания увеличила долг США до 4 млрд долл. При перерасчете в современные доллары это означает, что Германия имела долг в 2,4 трлн долл., Франция — 1,4 трлн, а Великобритания — 800 млрд долл. Обслуживание столь огромных долговых обязательств поглотило энергию и внимание финансовых властей. Сами же долги стали латентными факторами, подготовившими разлом мировой финансовой системы.

Объяснение второе — поведение центральных банков и финансовых властей в целом. В течение многих лет они стремились смягчить некоторые экономические последствия и политические ошибки, связанные с репарационными платежами и военными долгами. Однако при этом была совершена еще одна ошибка при согласовании экономической политики 1920-х гг. Такой ошибкой стало решение о возврате к золотому стандарту.

Запасы золота в это время соответствуют установленным ценам, распределение их после войны крайне неравномерно, при явной диспропорции в пользу США. Проблему усложнил возврат Европы к золотому стандарту при неадекватных обменных курсах. В результате имперских амбиций Великобритании, в ее стремлении сохранить позиции фунта и ее соперничества с Францией, устанавливает завышенный курс фунта стерлингов. «В 1920-е гг. британскому росту препятствовала продефляционная политика, направленная на снижение уровня оплаты труда и поддержку фунта стерлингов, переоцененного по довоенному курсу. Целью было восстановление роли Лондона в качестве международного финансового центра и обслуживание интересов класса рантье, державших ценные бумаги, номинированные в стерлингах. Как следствие, сохранялся высокий уровень безработицы и упал уровень конкурентоспособности экспорта. Показатели ВВП и экспорта Британии были худшими в Европе», — так Ангус Мэдисон характеризует выбор британской политики, усилившей кризис в Европе [4].

Квартету центральных банков (США, Великобритания, Германия и Франция) какое-то время удается поддерживать относительную стабильность в мировой экономике и в финансовых отношениях. Но достигался этот результат только при условии сохранения низкой процентной ставки ФРС и поддержке германской экономики с помощью заимствований. Эта система изначально содержала семена самоуничтожения.

Принятые условия привели к другим непредвиденным последствиям. В конечном счете, политика низкой процентной ставки в поддержку международных валютно-финансовых отношений ускорила появление и разрастание «финансового баллона» на биржевых рынках США. Уже в 1927 г. Федеральный резерв вынужден был работать в двух взаимоисключающих направлениях — обеспечивать ликвидностью Европу и контролировать спекулятивные операции на фондовых биржах.

В итоге ни одна из целей не достигнута. Опыты президента Г. Гувера обуздать спекулянтов обернулись нерешительностью, но оказались достаточны, чтобы остановить предоставление займов, столь необходимых Германии.

Глубокая рецессия в Центральной Европе стала следствием этих действий. Они же дали начало дефляционным процессам во всей мировой экономике. В конце концов, в последнюю неделю 1929 г. «баллон» лопается и теперь уже США впадают в длительную рецессию. Так американский «финансовый баллон», вобрав в себя международные кредиты, вводит в кризисное состояние экономику Германии и других стран. А его срыв потрясает американскую экономику.

Можно предположить, что усилия, потраченные на поддержку ненадежной валютно-финансовой системы, все еще опирающейся на ненадежный золотой стандарт, привели бы неизбежно к финансовому кризису в той или иной форме. Но это не создавало жесткую предопределенность для перерастания кризиса в мировую катастрофу. Финансовые кризисы не были каким-то новым явлением ни для Европы, ни для американских финансистов. К тому времени уже был накоплен почти столетний опыт кризисных проявлений в экономике. Рынки, и особенно финансовые, управляемые «невидимой рукой», функционируют нормально до вхождения экономики в кризисное состояние. В новой ситуации агенты, действующие на финансовых рынках, как было замечено, теряют ориентиры и впадают в хаотичное состояние. Неоправданно нерациональные и даже панические действия — типичные характеристики их поведения во время кризиса. В подобных обстоятельствах для восстановления равновесия необходима не только «рука», сколько, и прежде всего, голова и институты, способные осуществить интеллектуальное регулирование.

С 1929 г. мировая финансовая система оказывается в руках людей, причастных к руководству ФРС, идеи которых не отвечали требованиям создавшегося положения дел в мировой экономике. Они твердо придерживались мнения, разделяемого президентом США Г. Гувером, что экономика США автоматически вернется в равновесие и нет необходимости противодействовать дефляционным процессам, которые неизбежно пройдут сами по себе. Роль политиков в скатывании к кризису хорошо иллюстрирует дуэт двух президентов. Г. Гувер и его администрация — авторы многих идей

и практических инициатив, которые смог осуществить Франклин Рузвельт на благо восстановления не столько экономического равновесия, сколько веры в его возможность [5]. Для этого понадобилось не сотрудничество, а размежевание с предшественником и его ошибочной для этого момента экономической идеологией. И только затем целенаправленно и во многом интуитивно удалось вернуть доверие большинства населения и начать восстановление экономики, затянувшееся на годы.

В результате не был исполнен основной долг центрального банка. Центральный банк не выступил в роли кредитора, как предполагается в крайних обстоятельствах, чтобы подкрепить банковскую систему в момент проявления первых признаков паники.

В отличие от руководства ФРС, банк Англии и Рейхсбанк были готовы активно вмешаться, но оба испытывали хронический дефицит золота и не имели пространства для маневра. И под давлением условий отмирающего золотого стандарта до 1931 г. вынуждены были оставаться наблюдателями развивающейся дефляции в США. Золотой запас имелся у Банка Франции, но из-за политических противоречий и недооценки ситуации финансовая власть не приняла необходимых мер по сглаживанию кризисных явлений.

Таким образом, то, что началось как скрытая рецессия в США и Германии, переросло в мировой экономический кризис. Великая депрессия, кроме объективных факторов, является результатом отсутствия интеллектуальной воли, слепого следования, непонимания экономических процессов людьми, принимающими решения, политического безрассудства и узкоглядства, а также алчности и эгоизма.

Литература

1. Maddison, Angus. The World Economy, Vol. I: Historical Statistics, OECD. Development Centre Studies, 2006. Table 1b & Table 1c. P. 424–447.
2. Ahamed, Liaquat. Lords of Finance. The Bankers, who broke the World. L: The Penguin Press, 2009. Ch. 23. P. 545.
3. Гринспен Алан. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. С. 164.
4. Maddison, Angus, Ibidem, P. 104.
5. Ротбард Мюррей. Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН «Мысль», 2012. С. 454–459.

Американский опыт выхода из Великой депрессии: уроки истории для современности

РУСТЕМ МАХМУТОВИЧ НУРЕЕВ

доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

E-mail: nureev50@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются причины экономического кризиса 1929 г. и опыт выхода США из Великой депрессии, анализируется «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта как первый опыт комплексного макроэкономического регулирования рыночного хозяйства, показывается его роль в процессе становления смешанной экономики и создания предпосылок устойчивого роста.

Ключевые слова: Великая депрессия, инфляция, безработица, Новый курс, регулирование рыночного хозяйства, смешанная экономика.

American experience out of the Great Depression: History lessons for the present

RUSTEM MAKHMUTOVICH NUREEV

PhD in Economics, Professor, Head of the Chair «Macroeconomics» Financial University, Head of the Chair of Economic Analysis Organizations and Markets of High School of Economy

Abstract. The article investigates the causes of the economic crisis of 1929 and the experience of the U.S. withdrawal from the Great Depression, examines the «New Deal» of F.D. Roosevelt as the first experience of complex macro-economic regulation of the market economy, showing its role in the process of becoming a mixed economy, creating conditions for sustainable growth.

Keywords: The Great Depression, inflation, unemployment, «New Deal», regulation of the market economy, mixed economy.

1. Экономический кризис 1929 г. и его причины

В 1926–1928 гг. экономика США была на подъеме. Национальный доход возрос с 32 млрд долл. в 1913 г. до 89,7 млрд долл. в 1927 г., или в 2,8 раза (в сопоставимых ценах — в 1,7 раза). Повышалась рентабельность производства, увеличивались дивиденды, а в результате росли и курсы акций.

Быстро расширялся рынок ценных бумаг. В 20-е г. стоимость выпущенных ценных бумаг составила 50 млрд долл. Однако вырученные деньги в меньшей мере шли на развитие производства, в большей — на покупку других ценных бумаг. Половина эмитированных ценных бумаг при этом ничем не была обеспечена.

Инвесторы предпочитали вкладывать деньги не в производство, а в ценные бумаги, приобретая их на вторичном рынке (деньги на вторичном рынке ценных бумаг перемещаются от одного портфельного инвестора к другому и не направляются в производственную сферу). Для покупки ценных бумаг они брали кредиты в банках, которые использовали в качестве кредитных ресурсов, кроме собственных средств, денежные вклады граждан, временно свободные средства компаний, кредиты Федеральной резервной системы (далее — ФРС). Росту объемов кредитования портфельных инвесторов способствовали низкие проценты, взимаемые банками. Учетная ставка, на которую ориентировались банки, устанавливая свои проценты, была самой низкой среди развитых стран — 3,5–4%

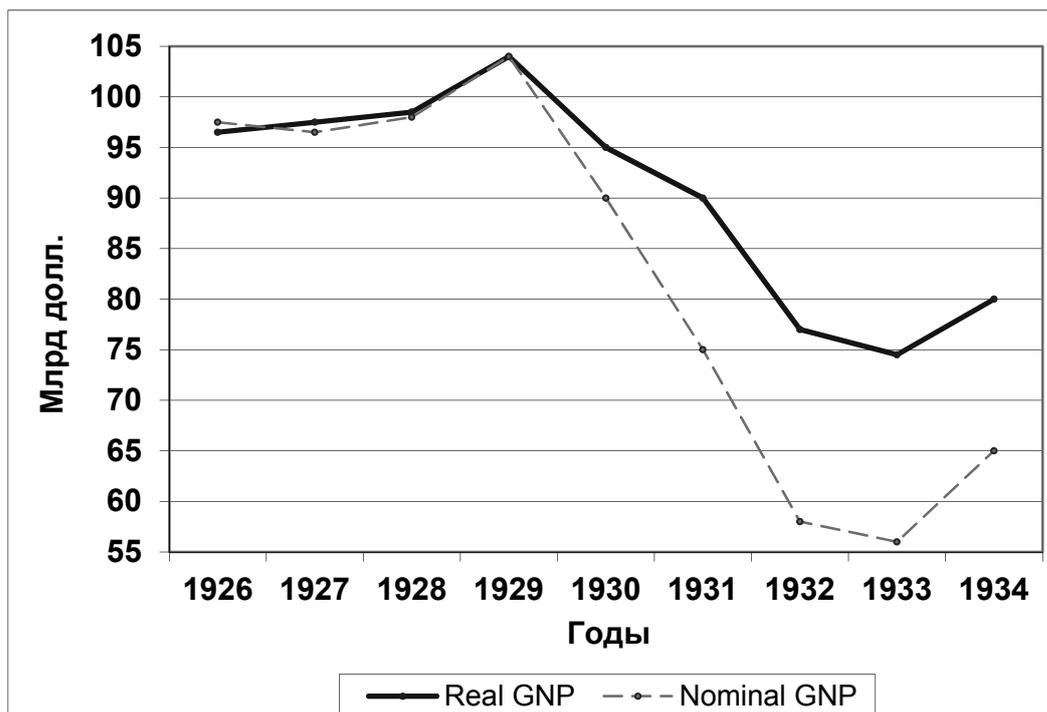

Рис. 1. Номинальный и реальный ВВП США (в ценах 1929 г.)

Источник [3, Series F1 and F5]

в 1926–1927 гг. (в Великобритании — 4,5–5%, Германии — 5–8%, во Франции — 5–7,5%). Да и сами коммерческие банки все больше увлекались куплей-продажей ценных бумаг, которая давала им больший доход, чем кредитование хозяйства.

Эмитенты, владельцы ценных бумаг, охотно продавали их в кредит (маржевые сделки). 40% всех инвесторов покупали акции в кредит под незначительное маржевое обеспечение. В результате произошел инвестиционный «перегрев». Федеральная резервная система не догадалась вовремя «поставить плотины» на пути растущих финансовых потоков вторичного рынка ценных бумаг, направить деньги в производственную сферу.

Обескровленные и потерявшие заказы предприятия начали свертывать производство; курсы акций, резко оторвавшиеся от номинала, стали падать. Коммерческие банки потребовали возврата ссуд, и владельцы ценных бумаг стали продавать их, чтобы погасить кредит. Поскольку покупателей не было, падение курсов приняло лавинообразный характер. 24 октября 1929 г. на Нью-Йоркской фондовой бирже произошел резкий спад курсов акций. В этот день было продано 12,8 млн акций, и затем в течение четырех последовательных торговых сессий цена многих популярных акций упала на 100 пунктов и ниже. Если 1 октября 1929 г. общая

стоимость ценных бумаг составляла 87 млрд долл., то 1 ноября она составляла уже 55 млрд.

Владельцы акций не смогли возратить кредит, следовательно, предприятия потеряли свои деньги на банковских счетах, а граждане — сбережения в банках. Разорились 32 тыс. частных компаний. В период 1929 по 1932 г. прекратили существование 5760 банков (т. е. пятая часть всех банков США) с общей суммой депозитов более чем 3,5 млрд долл. Сокращение спроса обусловило падение цен (за 1929–1933 гг. суммарное снижение составило около 25%), при этом цены на инвестиционные товары и товары длительного пользования упали в меньшей степени, чем на товары кратковременного пользования.

Объем ВВП в текущих ценах за 1929–1933 гг. снизился почти в 1,9 раза, причем производство инвестиционных товаров и товаров длительного пользования уменьшилось более значительно, чем продукции кратковременного пользования (рис. 1).

Экономический кризис проявился в первую очередь в резком падении промышленного производства. В 1930 г. оно составляло 80,7% по сравнению с 1929 г., в 1931 г. — 68,1%, а в 1932 г. всего лишь 53,8%. Спад капиталовложений был большим, чем спад ВВП. Предприятия резко уменьшили капиталовложения, так как упал спрос на их

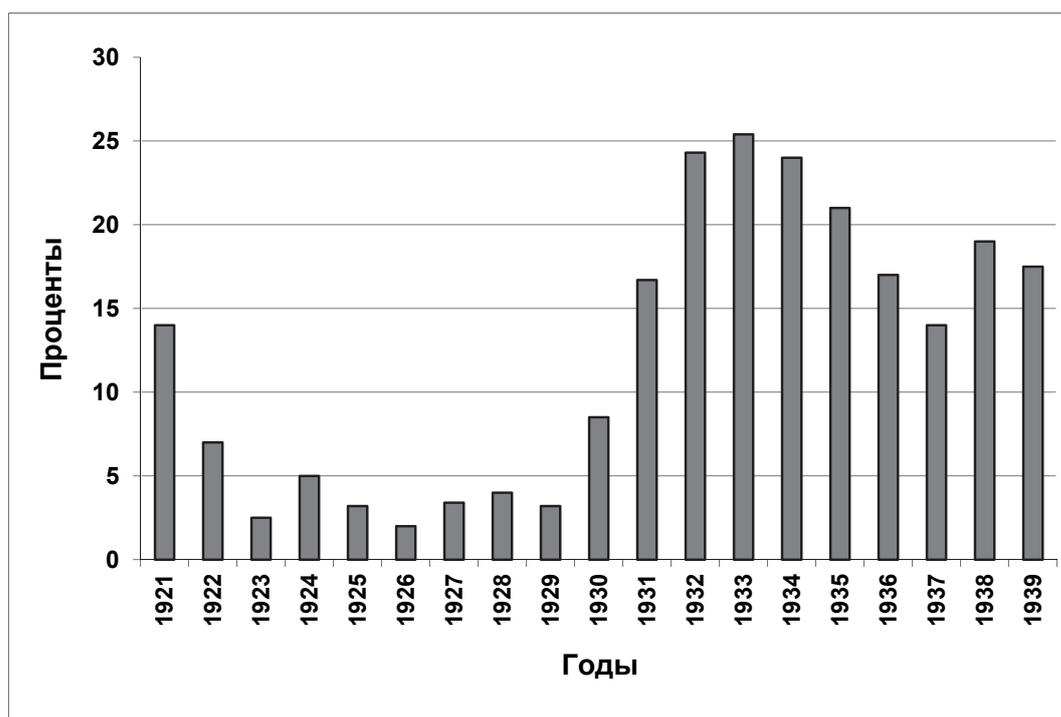

Рис. 2. Уровень безработицы в США (1919–1939)

Источник [3, Series D86]

продукцию, простаивали производственные мощности, не было денег.

Число полностью безработных достигло в 1933 г. 12,8 млн человек, или 25% общей численности занятых (рис. 2). После лишения имущества и выселения невнесшие квартирную плату сотни тысяч трудящихся превратились в нищих и бездомных бродяг. Многие оказались перед реальной угрозой голодной смерти. Только в Нью-Йорке в 1931 г. было зарегистрировано около 2000 случаев голодной смерти. Великую депрессию можно по праву назвать одним из самых необъяснимых событий в истории США. Традиционно о Великой депрессии говорят как о подтверждении негативного воздействия нерегулируемой капиталистической системы. И только сильное государство благосостояния, серьезное экономическое регулирование и различные государственные интервенции могут спасти капитализм от самого себя.

Во время Великой депрессии государственная интервенция в экономику была сильна как никогда прежде. Была специально создана ФРС для предотвращения депрессий и связанных с ними проблем (например, банковские паники). Но, как мы увидим позже, далеко не всегда политика ФРС была разумной, и даже, согласно некоторым

версиям, можно сказать, что эта неудачная политика и спровоцировала и усугубила Великую депрессию.

С середины 1928 до августа 1929 г. ФРС проводило политику высоких процентных ставок и снижения монетарного роста в ответ на «перегрев» рынка ценных бумаг. Монетарная политика оставалась сдерживающей в течение депрессии, а такие, например, события, как банкротство крупных банков, воспринимались как неизбежные издержки в процессе «выздоровления» экономики.

О том, что же и в какой степени повлияло на столь серьезный кризис, историки спорят до сих пор. Многие из них, хотя и по разным причинам, склоняются к тому, что виною всему была проводимая монетарная политика.

Правда, историки ссылаются также и на неэкономические факторы, тем не менее создавшие предпосылки для кризиса. К этим факторам относят изменившуюся к 1920-м гг. мировую структуру кредитования займов (когда объем выданных США кредитов значительно превысил объем долгов США), сильные колебания на рынке сельского хозяйства, окончание массовой иммиграции.

Существовало также мнение, что перепроизводство и недостаточное потребление стали причиной Великой депрессии. Однако, если

посмотреть на показатели, масштабы падения потребления (10%) не могли сами по себе явиться причиной такого серьезного кризиса.

Еще одна версия распространения Великой депрессии, выдвинутая Милтоном Фридманом (Friedman) и Анной Шварц (Schwartz) [4], вращается вокруг такого явления, как банковские паники, вызванные изменениями различных монетарных факторов. По их мнению, если бы все банки в ответ на массовое изъятие денег ответили отказом производить выплаты, цены депозитов не упали бы, не оказались бы большинство банков финансово несостоятельными, и Великую депрессию удалось бы избежать. Правда, есть определенная непоследовательность в рассмотрении Шварц и Фридманом банковского кризиса 1930-х гг. С одной стороны, они утверждают, что на тот момент экономика США была крайне нестабильна, и практически любое незначительное негативное происшествие, влияющее на состояние экономики, могло послужить причиной Великой депрессии. С другой стороны, защищая позицию необходимости ограничения выплат банками, они говорили, что экономика достаточно стабильна, и ограничение выплат приведет к незначительному падению цен депозитов.

Другой механизм воздействия банковского кризиса на развитие Великой депрессии был рассмотрен Беном Бернанке [5]. Он утверждал, что банковские паники отразились на экономике посредством рационарования кредитов. То есть кредиты стали дороже, их стало труднее получить, что нанесло массовый урон не столько крупным компаниям, сколько частным предпринимателям, которые составляли значительную долю коммерческого сектора.

До сих пор идет спор о том, как же именно повлияли провалы банков на Великую депрессию. Присутствие их негативного воздействия неоспоримо, вот только в какой степени, и являлся ли банковский кризис определяющим Великую депрессию фактором?

Не следует оставлять без внимания и падение цен на рынке сельского хозяйства. В результате перепроизводства 1920-х гг. цены на сельскохозяйственную продукцию и ресурсы сильно упали. Накапливающиеся запасы сильно превышали рыночный спрос. Издержки содержания этих запасов в сочетании с ограниченным кредитованием привели к разорению многих фермеров и поставщиков ресурсов. Правда, в США за счет низких цен

на ресурсы оставались в выигрыше другие отрасли и экономика в целом. Но преимущества были краткосрочными из-за последовавшего вскоре общего снижения цен. И снова падение цен на ресурсы стало одним из многих факторов, определяющих и усугубляющих Великую депрессию.

То, как повлияла общая дефляция на усугубление кризиса, можно объяснить с помощью эффекта Манделла [6]. При существующей дефляции ожидания формируются в сторону еще большего снижения цен, за счет чего падают текущее потребление и спрос на кредитование (так как позже, когда цены упадут, придется расплачиваться более «дорогими деньгами»). В результате реальные процентные ставки оказываются выше номинальных. Так как в США, после первых симптомов серьезного кризиса, общество считало, что падение цен будет продолжаться, и снижало потребление и спрос на кредиты, дефляция оказалась дестабилизирующей и привела к усугублению кризиса.

В тот период США не были одиноки в экономическом кризисе. Некоторые европейские страны (Великобритания, Германия, Австрия) испытывали серьезные экономические трудности в связи с падением стоимости своих национальных валют. По мере того как национальные валюты обесценивались, эти страны отказывались от золотого стандарта. После того как девальвировался фунт стерлингов, инвесторы посчитали, что следующим в очереди стоит американский доллар, и устремились продавать имеющиеся у них доллары. Тем не менее правительство США не поддавалось на международное давление и решило не допустить падения стоимости доллара. В качестве защитной политики ФРС повысила ставки процента и ускорила сокращение денежной массы. Это привело к еще большей недоступности кредитов и падению производства. Считается, что именно эти действия привели к интенсификации депрессии и не дали шанса восстановить экономику с меньшими потерями, когда это еще было возможно.

Именно на эту точку зрения мне и хотелось бы обратить внимание. Воздействие проводимой монетарной политики подробно рассматривается в статье «Did Monetary Forces Cause the Great Depression? A Bayesian VAR Analysis for the U. S. Economy» [7]. Статья эта примечательна тем, что авторы, используя экономические показатели времен Великой депрессии, попытались оценить прогнозы динамики изменения экономики до

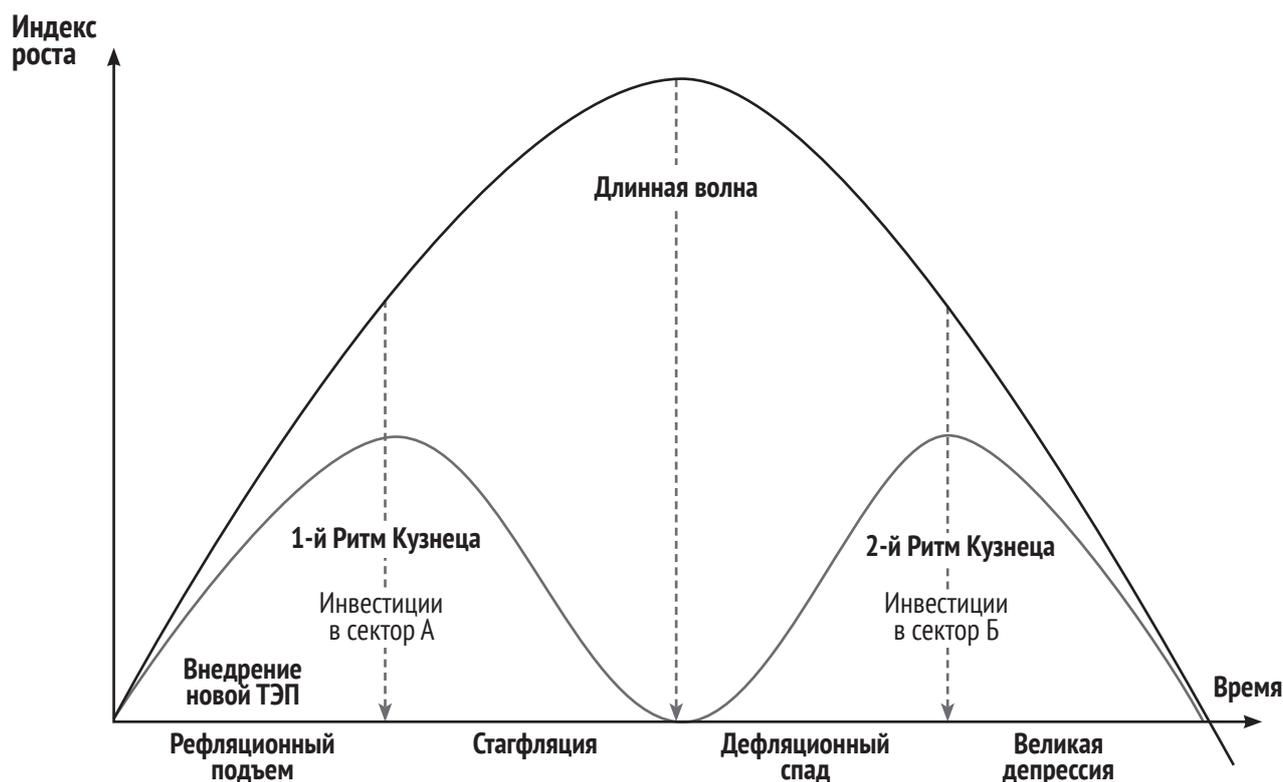

Рис. 3. Логика взаимодействия длинных волн Кондратьева с ритмом Кузнеца (по Б. Берри)

Источник [9]

и после проведения сдерживающей политики государством.

К тому же есть альтернативное объяснение возникновения и развития Великой депрессии. Так, Питер Темин [8] утверждал, что снижение активности на рынке жилья привело к депрессии. Анализируя активность на рынке жилья в совокупности с показателями инвестиционной активности в ведущих отраслях промышленности с помощью разработанной модели временных рядов, модель выдала практически точный прогноз спада, который произошел на самом деле. То есть депрессия достаточно четко прогнозируется через спад в терминах «реальных» показателей финансовой активности. А если добавить в данный прогноз монетарные показатели, то способность модели к прогнозированию резко ухудшается, и прогнозируемое менее точно отражает произошедшее в действительности. Каждая из введенных авторами статьи финансовых переменных скорее «размывала» факты, нежели подтверждала или проясняла что-либо. Более того, в отличие от монетарных показателей, «реальные» показатели финансовой активности правильно указывали в прогнозах поворотные точки динамики депрессии.

Правда, нельзя полностью полагаться на объяснение Великой депрессии динамикой «реальных» показателей. Несмотря на то что прогноз с использованием этих переменных правильно указал, что стремительная рецессия начинается в середине 1929 г., предполагается, что все дальнейшие события были лишь продолжением этого спада. То есть не объясняется динамика распространения рецессии. Поэтому и спад финансовой и инвестиционной активности нельзя назвать ключевым фактором возникновения и распространения Великой депрессии.

Хотя П. Темин достаточно обоснованно аргументирует преувеличение значимости влияния монетарных параметров на распространение Великой депрессии, его собственное объяснение также не лишено изъянов. Поэтому мне бы хотелось еще раз обратиться к одной из самых распространенных версий возникновения Великой депрессии, а именно к версии о значимости монетарных показателей, выдвинутой Фридманом и Шварц. Их книга «Монетарная история Соединенных Штатов, 1876–1960» (Monetary History of the United States, 1876–1960) оказала огромное влияние на образ мысли многих экономистов XX в. относительно

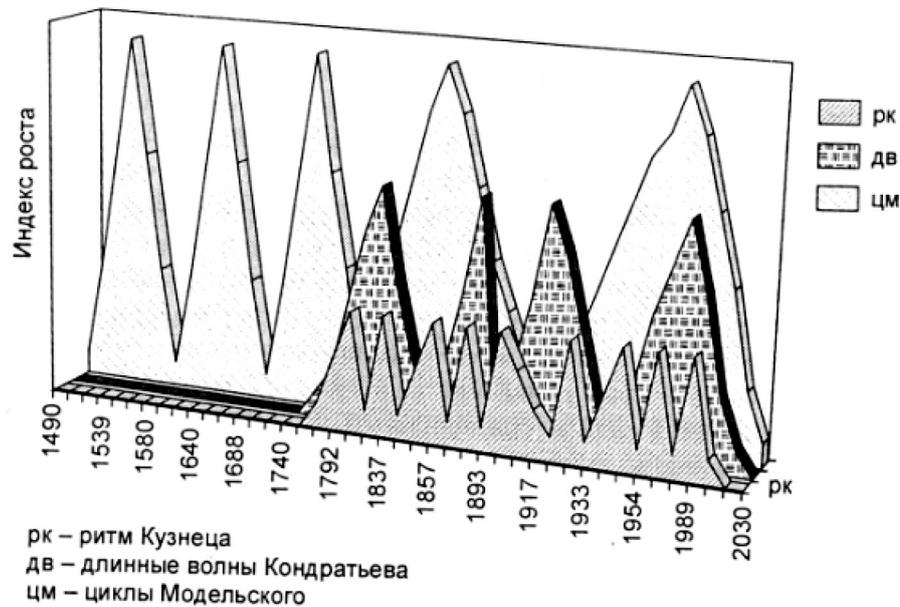

Рис. 4. Совмещенная динамика циклов Модельского, Кондратьева с ритмом Кузнецца

Источник [10]

монетарной теории и политики. Главной мыслью их книги является то, что деньги имеют значение («money matters») и оказывают влияние на экономику в любом случае. Как нам известно сегодня, они утверждали, что бремя Великой депрессии могло быть значительно облегчено путем своевременной и удачной монетарной политики. Эта точка зрения являлась противовесом кейнсианской. Кейнсианцы отводили монетарным параметрам экономики второстепенную роль, как и многие историки, ища объяснение Великой депрессии в других причинах. Однако М. Фридман и А. Шварц [4] сами говорили, что ошибочно утверждать, будто лишь неудачная монетарная политика привела к Великой депрессии. Скорее, они указывают, как многие факторы по-своему усугубляли положение и на фондовом рынке, и на рынке товаров и услуг, и на международной арене. Они обращают внимание на большое количество косвенных факторов: волатильность доллара после гражданской войны, нестабильность золотого стандарта, влияние краткосрочных колебаний цен на долгосрочные тренды экономического роста. Именно такой взгляд на Великую депрессию представляется наиболее правильным.

Как показали прогнозы, нельзя возложить вину за провоцирование Великой депрессии на один или два фактора. Как и многие экономические процессы, стремление к краху было относительно

длительным, начиная с Гражданской войны в США. И вряд ли можно противопоставить одну точку зрения другой. Скорее, все версии, все факторы складываются в пирамиду как негативные события, которые накапливались постепенно. А затем один из кирпичиков пирамиды выпал или осыпался, увлекая за собой остальные и приводя к краху пирамиды.

2. Великая Депрессия в свете больших циклов конъюнктуры Н. Кондратьева и ритма С. Кузнецца

Еще в 30-е гг. С. Кузнец сформулировал теорию лидирующего сектора, инвестиции в основной капитал которого дают импульс к экономическому развитию.

С. Кузнец выделил 2 основных лидирующих сектора: первичный (к которому он отнес добывающую отрасль и сельское хозяйство) и вторичный (включающий промышленное производство). Каждый из них создает предпосылки для развития другого. Если цены на продукцию первичного сектора находятся на относительно низком уровне, это способствует развитию вторичного сектора, и наоборот. То есть происходит своего рода кластеризация отраслей, которая, по мнению С. Кузнецца, носит 30-летний период (см. рис. 3). Таким образом, 2 ритма С. Кузнецца соответствуют одной длинной волне Кондратьева. Справедливость

этого подхода подтвердили исследования У. Ростоу, Дж. Форрестора, Б. Берри, С. Соломоу.

Совпадение фаз оживления обоих циклов приводит к рефляционному оживлению (см. рис. 3) — в этот период происходит активное внедрение новых видов техники и новых технологий. Спад ритма Кузнеца в условиях продолжающегося повышения длинной волны приводит к стагнации. Если на понижающей стадии длинной волны начинается подъем второго ритма Кузнеца, наступает дефляционный спад; если спад ритма Кузнеца совпадает с понижающей волной большого цикла конъюнктуры, наступает глубокий кризис, напоминающий Великую депрессию 30-х гг. в США.

Наложение этих циклов приводит к искажению длинноволновой динамики. К тому же в условиях догоняющего развития происходит ускорение технологических изменений. Догоняющие страны заимствуют технические новшества у передовых. В результате происходит уплотнение и наложение циклов Кузнеца на волны Кондратьева (см. рис. 4).

Ситуация, типичная для XX в., изображена на рис. 4, где к ритмам Кузнеца и длинным волнам Кондратьева добавлены большие циклы Модельского, продолжительностью от 90 до 122 лет. Американский историк Дж. Модельский связывает эти циклы с периодами глобальных мировых войн и эпохой господства той или иной геополитической силы [11]. Наложение циклов стало одной из причин углубления Великой депрессии.

3. Судьба золотого стандарта

Великая депрессия начиналась как обычный спад в экономике, и невозможно было представить, что она окажется такой обширной и «долгоиграющей». Эта рецессия была конвертирована в Великую депрессию из-за неумелой дефляционной экономической политики. Экономисты 1930-х гг. не предотвратили депрессию, а наоборот, усилили ее. Центральные банки считали, что политика поддержания золотого стандарта со временем восстановит занятость, а попытки увеличить занятость напрямую провалятся. Спад в производстве, снижение цен и потеря сбережений по мере банкротства банков были именно тем итогом, от которого, как считалось, золотой стандарт уберезет. Отказавшись играть по правилам золотого стандарта, власти обрекали себя на «злоупотребление» кредитами. Это стерилизовало международные потоки золота и предотвратило регулирование цен и издержек.

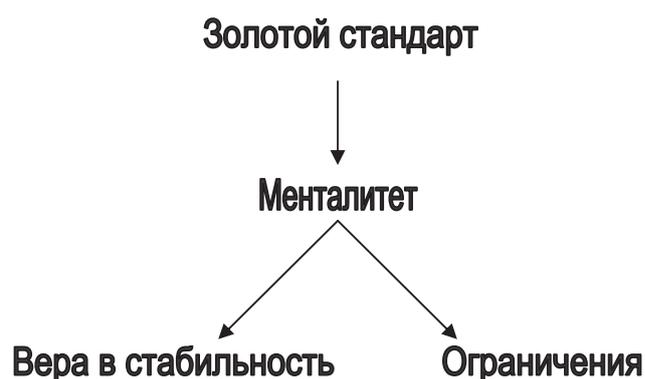

Рис. 5. Золотой стандарт и его последствия

Почему людям было так тяжело отказаться от менталитета золотого стандарта? Дело в том, что викторианские и эдвардианские ценности (такие как бережливость, надежность, стабильность и космополитизм) считались необходимыми атрибутами монетарной системы. Золото было нравственно, принципиально и цивилизованно, а бумажные деньги считались полной противоположностью — чем-то вульгарным.

Первая мировая война была шоком для экономики всего мира, включая эдвардианское общество. Золотой стандарт позволял людям и финансам легко передвигаться из одной страны в другую, гарантируя экономическую стабильность и цивилизованный обмен. Золотой стандарт обладал силой благодаря как реальным, так и символическим причинам. Он символизировал менталитет и окраску поведения интеллектуальных и экономических элит. По Кейнсу, он был интегралом появления «инвестирующего класса», который считал сбережения и обязанностью, и удовольствием. Сбережения и инвестиции поощрялись стабильностью денежных ценностей, так как золотой стандарт выступал гарантом стабильных цен и ограничивал финансовую свободу государства (рис. 5), что ограждало людей от опасности понижения реальной ценности финансового актива. Стабильность обменного курса поощряла интернациональные инвестиции: с 1880 по 1913 г. Великобритания и Франция инвестировали треть своих сбережений за границу, тем самым подогревая экспансию мировой экономики.

Страны с золотым стандартом не могут осуществлять девальвацию своей валюты и позволять спросу на экспорт определять обменный курс, не могут увеличивать денежную массу, что вызвало бы рост выпуска и цен, которые, в свою очередь,

Таблица 1

Основные шаги Федеральной Резервной Системы, октябрь 1929 – март 1933

Дата	Операции на открытом рынке	Ставка дисконтирования	Критические события
октябрь 1929	Покупка \$120 млн	6% $\frac{1}{4}$ 2% в Нью-Йорке 5% $\frac{1}{4}$ 3–3 $\frac{1}{2}$ % в других городах	Обвал фондового рынка
ноябрь 1929 – декабрь 1930	Покупка \$440 млн	–	Первый банковский кризис
январь 1931 – август 1931	Покупка \$130 млн	2–3 $\frac{1}{2}$ % $\frac{1}{4}$ 1 $\frac{1}{2}$ – 3%	Второй банковский кризис
октябрь 1931 – ноябрь 1931	–	повышение 1 $\frac{1}{2}$ – 3% $\frac{1}{4}$ 3 $\frac{1}{2}$ – 4%	Великобритания покидает золотой стандарт
январь 1932 – август 1932	Покупка \$1110 млн	4–3 $\frac{1}{2}$ % $\frac{1}{4}$ 3 $\frac{1}{2}$ – 2 $\frac{1}{2}$	Нет кризиса (Глас-Стигальский акт)
март 1933	–	повышение 2 $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{4}$ 3 $\frac{1}{2}$	Последний банковский кризис (конец)

Источник [12 p. 69–70]

увеличили бы экспорт (так как домашние товары стали относительно дешевле зарубежных, и в итоге обменный курс упал бы). Чтобы справиться с дефицитом торгового баланса и потерей золота, государство могло только проводить дефляционную политику путем ограничения кредитов, для того чтобы понизить внутренние цены до уровня, при котором интернациональный баланс был бы восстановлен. Понижение цен было возможно через понижение одного из важнейших элементов издержек производства — заработной платы. Профсоюзы не были уверены в том, что стоит соглашаться на жертвы сегодня взамен на выгоды в будущем. Они участвовали в войне и хотели получить компенсацию немедленно. Нежелание профсоюзов согласиться с урезкой зарплат привело к трансформации восстановленного золотого стандарта из гаранта стабильности в передатчика Великой депрессии.

Милтон Фридман и Анна Шварц в своей работе «Денежная история США» говорили о «банковском кризисе». Если бы банки ответили на образовавшуюся панику сокращением выплат, то никакой депрессии не произошло бы. Именно такие действия предотвратили набеги на банки и обеспечили быстрое восстановление в 1893 и 1907 гг.

Питер Темин утверждает, что М. Фридманом и А. Шварц была выбрана непоследовательная позиция. С одной стороны, они говорят о том, что экономика была настолько нестабильна, что любой толчок мог привести к депрессии. С другой, утверждают, что экономика стабильна настолько,

что ограничение выплат депозитов привело бы лишь к маленькому колебанию их цен. Те, кто ожидал снижения их стоимости, стали бы продавать, и наоборот, т. е. действовал бы обычный рыночный механизм, как в предыдущих 1893 и 1907 гг. К тому же они говорят, что крах банков в декабре 1930 г. снизил предложение денег за счет необходимых банкам дополнительных резервов и спроса людей на валюту, в результате чего сократились сбережения. Если бы было именно так, денежное ограничение должно было бы повлиять на доход через финансовые рынки. Даже если усиление депрессии привело к снижению спроса на деньги и ставки процента, мы все равно должны были бы заметить рост ставки процента в период банковского кризиса, чего не отмечалось в начале 1931 г.

В своей статье «Предсказание Депрессии: Гарвард против Йеля» А. Домингез, А. Файер и И. Шапиро показывают, что и современные методы временных рядов не позволили бы предсказать сильное сокращение выпуска после краха. Для общестественности и бизнес-кругов 1920-х гг. Гарвард и Йель были основными источниками экономического анализа и прогнозирования.

Гарвардская экономическая служба (HES) выпускала ежемесячные отчеты о текущем и ожидаемом в будущем состоянии экономики, основанные на трех индексах общего состояния бизнеса, отражающих спекуляцию, бизнес и деньги. В 1929 г. индексы показали надвигающийся спад экономической активности, но в тот момент в бизнесе

Таблица 2

**Стоимость контрактов в мировой торговле, январь 1929 г. – март 1933 г.:
совокупный объем импорта 75 стран (ежемесячные объемы, исчисленные в старых
золотых долларах, млн)**

Период	1929	1930	1931	1932	1933
Январь	2997,7	2738,9	1838,9	1206,0	992,4
Февраль	2630,3	2454,6	1700,5	1186,7	944,0
Март	2814,8	2563,9	1889,1	1230,4	1056,9
Апрель	3039,1	2449,9	1796,4	1212,8	–
Май	2967,6	2447,0	1764,3	1150,5	–
Июнь	2791,0	2325,7	1732,3	1144,7	–
Июль	2813,9	2189,5	1679,6	993,7	–
Август	2818,5	2137,7	1585,9	1004,6	–
Сентябрь	2773,9	2164,8	1572,1	1029,6	–
Октябрь	2966,8	2300,8	1556,3	1090,4	–
Ноябрь	2888,8	2051,3	1470,0	1093,3	–
Декабрь	2793,9	2095,9	1426,9	1121,2	–
Среднее	2858,0	2326,7	1667,7	1122,0	–

Источник [13], Р. 170. По данным [14], Р 51

не было замечено никаких опасных симптомов. К тому же пессимистические предположения сами могли оказать негативное влияние на бизнес и экономическую активность. Поэтому ежемесячный доклад был опубликован без них.

Другим уважаемым источником экономической информации был Ирвинг Фишер, работавший в Йеле с 1891 по 1947 г. Он являлся конкурентом *NES*, так как тоже выпускал периодические доклады и очень критиковал систему индексов Гарварда. Он делал выводы об экономической ситуации согласно своему идеальному индексу цен товаров и индексу потребительской силы доллара. Однако, несмотря на различия в инструментах, прогнозы обеих научных школ были слишком оптимистичны в 1929–1931 гг. и одинаково далеки от истинного положения дел. Вот, например, что говорил Фишер в 1930 г.: очевидно, что разница между нынешним, довольно мягким спадом в бизнесе, и тяжелой депрессией 1920–1921 гг. такая же большая, как между громом и торнадо. После краха на фондовой бирже и те, и другие прогнозировали лишь временное снижение процентных ставок, повышение цен товаров и скорое выздоровление экономики. Даже проверка

полученных Гарвардом и Йелем результатов современными статистическими методами вариаций и построением временных рядов подтвердила, что в имевшихся данных о состоянии экономики действительно нельзя было разглядеть приближавшейся депрессии.

Экономический кризис 1929–1933 гг. был ускорен Федеральной резервной системой США (*табл. 1*). Операции на открытом рынке в октябре 1929 г. не только не способствовали ослаблению кризиса, а привели к обвалу фондового рынка. С ноября 1929 по декабрь 1930 г. разразился первый, а с января по август 1931 г. второй банковский кризис. Он оказался настолько силен, что осенью 1931 г. Великобритания была вынуждена отказаться от золотого стандарта (*табл. 2*).

После краха на бирже цены на материалы и сельскохозяйственную продукцию резко пошли вниз. Причиной являлись большие излишние запасы, накопленные из-за расширения производства во время Первой мировой войны. При снижении цен у одной части населения доходы снижались, а у другой на столько же росли, но при этом ее траты росли непропорционально. Поэтому общий уровень трат упал.

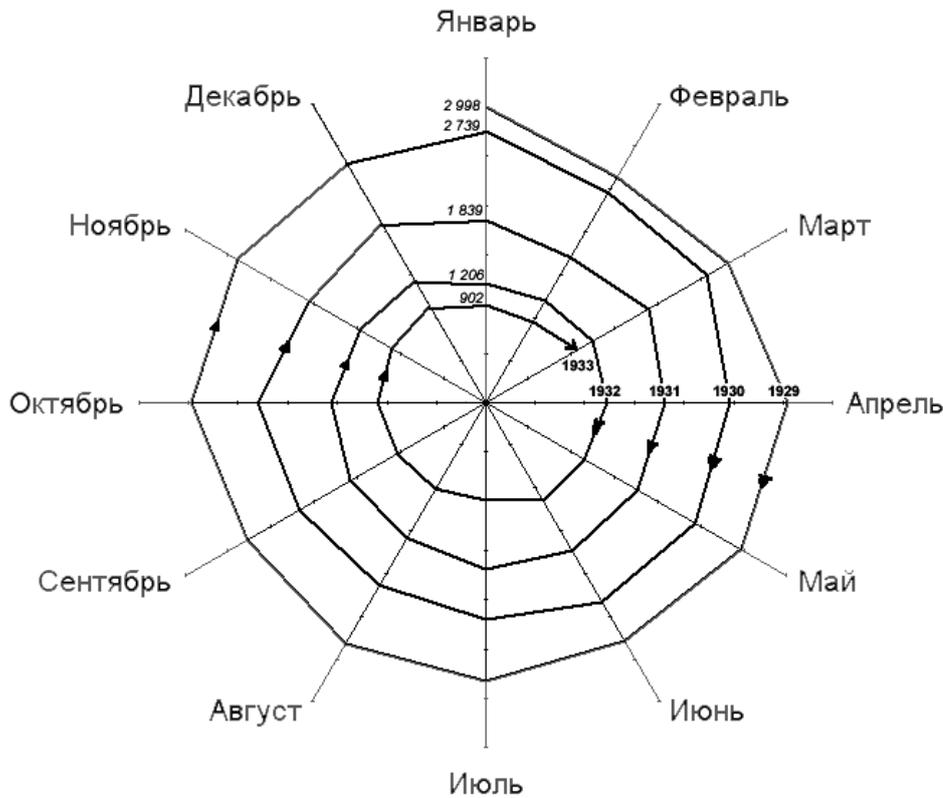

Рис 6. Спираль контрактов в мировой торговле, январь 1929 – март 1933

Источник по данным табл. 2

Все это привело к резкому снижению объемов мировой торговли. Совокупный объем импорта 75 стран упал с 2997,7 млн долларов в январе 1929 г. до 944 млн в феврале 1933 г., что привело к резкому закручиванию спирали контрактов (рис. 6).

Существуют два эффекта дефляции: статический и динамический. Статический, или эффект Кейнса, — на то же номинальное количество денег можно потребить больше товаров, следовательно, реальные денежные запасы растут. Снижение совокупного спроса (табл. 3) влияет больше на цены, чем на производство: дефляция заменяет депрессию. Динамический, или эффект Манделла, — если ожидается дальнейшая дефляция, агенты приостанавливают сделки, чтобы заключить их потом по более низким ценам, не хотят занимать по текущей ставке, так как возвращать придется в более «дорогих» долларах (то же количество при более низких ценах). Реальная ставка процента превышает номинальную, и дефляция становится причиной депрессии. Когда экономика не восстановилась быстро к 1931 г., ожидания начали меняться, второй эффект перекрыл первый, и дефляция дестабилизировала экономику.

4. «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта — первый опыт комплексного макроэкономического регулирования рыночного хозяйства

Франклин Делано Рузвельт (1882–1945)

В чем же заключалась политика Рузвельта по преодолению депрессии?

По его словам, цель политики — не достижение искусственной стабильности на рынке иностранных валют; более важным фактором экономической ситуации нации является ее благополучие, а не цена ее валюты. Правительство наделялось правом регулировать заработную плату, цены, продолжительность рабочего времени, процесс конкуренции в промышленности. Была введена минимальная заработная плата, установлена максимальная продолжительность рабочего дня, действовали «кодексы честной конкуренции».

Правительственные органы приняли и реализовали ряд программ-заказов (на накапливаемые

Таблица 3

Влияние политики Федеральной резервной системы на совокупный спрос (млрд долл)

Год	Государственные расходы (в текущих ценах)	Налоги (в текущих ценах)	Текущий дефицит (-) или профицит (+) бюджета	Фактические расходы	Фактические налоги на занятых	Бюджет занятости (дефицит (-) или профицит (+))	Бюджет занятости (в % от ВВП)
1929	1,4	2,6	1,2	2,5	3,4	0,9	-0,6
1930	1,5	1,8	0,3	2,9	3,0	-0,1	+0,1
1931	1,8	-0,3	-2,1	3,4	0,3	-3,1	+2,1
1932	1,6	0,1	-1,5	3,2	1,5	-1,7	+1
1933	2,5	1,2	-1,3	5,2	4,7	-0,5	+0,3
1934	4,6	1,8	-2,8	8,4	5,6	-2,8	+1,6
1935	4,6	2,1	-2,5	8,3	5,5	-2,8	+1,6
1936	5,4	2,0	-3,4	9,3	5,4	-3,9	+2,1
1937	5,1	4,9	-0,2	8,8	10,2	1,4	-0,7
1938	5,9	3,9	-2,0	10,6	9,4	-1,2	+0,6
1939	5,8	3,6	-2,2	10,2	8,5	-1,7	+0,8

Составлено по [16], Р. 864–65, табл. 1

и приобретаемые государством стратегические материалы, сырье, оборудование). Поставки оплачивались из федерального бюджета. Федеральное правительство организовало общественные работы, затратив в 1933–1939 гг. на их финансирование более 12 млрд долл. Была принята и реализована федеральная программа чрезвычайной помощи. Объем финансирования программы составил 1 млрд долл., из них 500 млн передано штатам непосредственно, а остальная часть предоставлялась с условием, что на каждый доллар федеральных средств правительства штатов и местные органы власти выделяют на меры по снижению безработицы еще 3 долл. Осуществлены организация, государственная поддержка и стимулирование жилищного и дорожного строительства, лесонасаждений, гидромелиорации, обустройства национальных парков. В частности, в 1933 г. создана Ссудная корпорация владельцев жилья, эмитирующая облигации для обеспечения рефинансирования закладных, а в 1938 г. Федеральная национальная ипотечная ассоциация [15].

В марте 1933 г. по решению президента Ф. Рузвельта были закрыты коммерческие банки и за две недели проведена их ревизия. 1/3 банков ликвидирована. Образованная реконструктивная финансовая корпорация взяла на себя функции многих разорившихся банков. Устойчивые банки получили разрешение продолжать операции, неустойчивые

ставились под контроль государственных уполномоченных. Коммерческие банки получили право лишь принимать у акционерной компании депозиты и давать ей кредиты.

Что касается функций инвестиционного института (проведение операций по купле-продаже ценных бумаг), то выполнять их могли лишь специализированные инвестиционные организации (инвестиционные компании, инвестиционные банки, фонды). Однако преодолеть инвестиционный спад в 1930-е г. так и не удалось (табл. 4).

Созданный Федеральный комитет страхования вкладов (FDIC) позволял банкам-участникам застраховать вклады своих клиентов, что давало возможность (с определенными ограничениями по объему индивидуального вклада) вернуть клиентам их депозиты в случае банкротства банка. Плюссом было увеличение уверенности в банковской системе, приводящее к уменьшению вероятности ее краха ввиду «набегов» на банки в периоды паники. Однако у этой реформы имелись и негативные стороны, в частности неэффективность решений менеджмента банков из-за асимметричной информации (*moral hazard*).

Для повышения цен на некоторые виды сельскохозяйственной продукции приняты меры к сокращению ее производства (в целях компенсации ущерба фермерам предоставлялись субсидии, источником которых стали налоги

Джон Мейнард Кейнс
(1883–1946)

за пятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне.

Усилился государственный контроль за деятельностью на рынке ценных бумаг, ужесточились условия включения акций предприятий в листинг бирж, повысилась индивидуальная и коллективная ответственность биржевых посредников за осуществленные операции. Установлены ограничения колебаний котировок акций в течение одного заседания. Под государственный контроль поставлен биржевой кредит.

В 1930 г. был принят закон о таможенном тарифе, в соответствии с которым средний уровень импортных пошлин на облагаемые товары увеличился до 30–40% (по отдельным товарам до 70%), вводилась защита «зарождающихся отраслей». Университетам разрешено распоряжаться своей собственностью, а вырученные деньги направлять на уставную деятельность, прежде всего на финансирование НИОКР.

«Новый курс» не был заранее обдуманной системой реформ, а носил скорее эмпирический характер. Теоретическое обоснование появилось лишь в 1936 г. — «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса. Это в известной мере определялось и тем, что в условиях некоего оживления конъюнктуры реформаторам уже приходилось действовать не на всех фронтах, а более целенаправленно. Однако многие считают, что работа Кейнса «Общая теория...» и произвела кейнсианскую революцию, то есть предложила новую идею — стимулировать спрос через государственные расходы. В этой работе он ввел фиксированность цен как предпосылку и рассматривал горизонтальное предложение труда, что соответствовало действительности, так как количество безработных росло, и они были готовы работать за любую зарплату, не торгуясь. Многие экономисты

считают, что теория Кейнса оказала позитивное влияние на экономику. И лучшим подтверждением успешной стабилизационной политики можно считать сравнительную стабильность ВВП и уровня безработицы в развитых странах после Второй мировой войны, в отличие от более ранних периодов.

Литература

1. Нуреев Р. М. Основные варианты становления смешанной экономики в развитых странах // Terra economicus. 2013. № 2.
2. America's Great Depression (сервер): <http://www.amatecon.com/greatdepression.html>.
3. U. S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States (Washington D. C.: Government Printing Office. 1975)
4. Friedman M., Schwartz A., Monetary History of the United States, 1867–1960, Princeton: Princeton University Press 1963.
5. Bernanke B. «The Macroeconomics of the Great Depression: A Comparative Approach», Journal of Money, Credit and Banking, 1995.
6. Temin P. «The Great Depression. (NBER Working paper, 1994).
7. Ritschl A. and Woitek U. Did Monetary Forces Cause the Great Depression? A Bayesian Var Analysis for the U. S. Economy», Insitute for Empirical Research in Economics, University of Zurich, July 2000.
8. Temin, P. «Did Monetary Forces Cause the Great Depression?, New York: Norotn, 1976.
9. Berry B. J.L. Long-wave Rhythms in Economic Development and Political Behaviour/ Baltimore; London, 1991.
10. Румянцева С. Ю. Специфика смены парадигм длинноволновых технико-экономических колебаний // Вестник СПб. университета. Сер. Экономика. 1998. Вып. 2 (12).
11. Modelsky G. Exploring Long Cycles. New York. 1987.
12. Eastburn David P. The Federal Reserve on Record (Philadelphia: Federal Reserve Bank of Philadelphia, 1965).
13. Kindleberger Ch. The World in Depression. Berkeley: University of California Press, 1986.
14. League of Nations Monthly Bulletin of Statistics. February 1934.
15. «Новый курс» Франклина Делано Рузвельта. <http://newcourse.chat.ru/main.htm>.
16. Brown E. C. Fiscal Policy in the Thirties // American Economic Review 46 (1956).

Реформы «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта на фоне кейнсианской революции

НАЙДЕНОВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА

канд. экон. наук, доцент кафедры «Макроэкономика» Финансового университета при правительстве РФ
E-mail: emn2011@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать взаимосвязи реформ «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта со взглядами Дж. М. Кейнса. Как показывают факты, эта взаимосвязь имела место, однако между Кейнсом и Рузвельтом существовали серьезные разногласия по поводу средств и методов достижения восстановления экономики и осуществления реформ.

Ключевые слова: Рузвельт, Кейнс, «Новый курс», Великая депрессия, кейнсианская революция, письма Кейнса Ф. Д. Рузвельту, реформы, восстановление, государственные расходы, дефицитное финансирование расходов, занятость, безработица, долгосрочный анализ, краткосрочный анализ.

Reforms of F. D. Roosevelt's «New Deal» and keynesian revolution

NAYDENOVA ELENA MIKHAYLOVNA

andidat of Economics, Docent of the Chair «Makroconomics' Financial University

Abstract. The article is a try to analyze if there were any interconnection between the «New Deal» reforms and Keynes's views. This interconnection was indeed present, besides some essential contradictions between Keynes's and Roosevelt's interpretation of techniques to implement reforms and methods of recovery.

Keywords: Roosevelt, Keynes, Great Depression, «New Deal», Keynesian revolution, Keynes's letters to F. D. Roosevelt, reform, recovery, government expenditure, loan expenditure, employment, unemployment, long-run analyses, short-run analyses.

Более 80 лет назад, в марте 1933 г., в Белом доме появился новый хозяин — 32-й президент США Франклин Делано Рузвельт. С первых же дней он стал проводить в жизнь реформы, обещанные американскому народу во время предвыборной кампании, которые вошли в историю как «Новый курс». Перед Рузвельтом стояли очень сложные задачи, требовавшие немедленных действий: экономика достигла дна кризиса, многомиллионные массы безработных, рухнувшее наполовину промышленное производство, умирающее сельское хозяйство, задыхавшаяся банковская система.

И с первых дней новая администрация — команда единомышленников нового президента — взялась за работу, которая привела к успеху. Были созданы государственные агентства и управления,

занимавшиеся организацией общественных работ, возрождением промышленности, сельского хозяйства, а также науки и культуры. Уже к 1934 г. страна начала постепенно выходить из кризиса.

Весь мир пристально наблюдал за деятельностью американской администрации, но с особым вниманием следил за ситуацией в США английский экономист Дж. М. Кейнс, 130 лет со дня рождения которого исполнилось в этом году. Дело в том, что среди наиболее острых проблем, стоявших не только перед американской экономикой, но и перед экономикой всех развитых стран, которые были охвачены Великой депрессией, были проблемы, требовавшие не только практического решения, но и теоретического осмысления. Прежде всего это проблема занятости (безработицы).

Для Кейнса безработица являлась привычной, наболевшей проблемой. В отличие от экономики США, для которой 1920-е гг. были периодом «процветания» («*prosperity*»), английская экономика в 1920-е гг. характеризовалась экономической стагнацией и высоким уровнем безработицы, достигнувшем в 1925 г. 10% [1, с. 753]. Разразившаяся Великая депрессия (в Англии она началась несколько позже, чем в США, — в 1930 г.) лишь ускорила необходимость ее теоретического осмысления, а также поисков путей ее преодоления.

Еще в 1925 г. в статье «Экономические последствия валютной политики мистера Черчилля» Кейнс высказал мысль о том, что политика дорогих денег способствует росту безработицы. Соответственно политика дешевых денег способствует росту занятости [1, с. 764]. Однако уже к 1933 г. взгляды Кейнса на средства преодоления безработицы сильно изменились.

В знаменитом «Открытом письме президенту Рузвельту», опубликованном в «Нью-Йорк Таймс» 31 декабря 1933 г., Кейнс отводит политике дешевых денег лишь 2-е место в политике преодоления спада, выдвигая на 1-е место необходимость широкомасштабных государственных расходов за счет дефицитного финансирования. Причем он подчеркивает необходимость увеличения *капитальных расходов*, например, на реконструкцию железных дорог, полагая, что в данный момент они важнее пособий по безработице: «Вы, наконец, убедитесь, что страна скорее разбогатеет с помощью таких проектов, нежели от вынужденного безделья миллионов» [2, с. 5].

Это письмо Кейнса примечательно во многих отношениях, и на него часто ссылаются, в частности авторы, которые возводят водораздел между взглядами Кейнса и взглядами Рузвельта. При этом довлеет исходная предпосылка о том, что анализ Кейнса — это краткосрочный анализ, а Рузвельт осуществлял долгосрочную программу реформирования социально-экономической системы США. Постоянно приводится цитата из «Трактата о денежной реформе», опубликованного еще в 1923 г., что «в долгосрочном периоде мы все покойники». Да еще с легкой руки Дж. Хикса многие трактуют теорию Дж. М. Кейнса как частный случай классической теории, пригодный для анализа только депрессивной экономики [1, с. 355]. Но если это так, то почему появление книги Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» назвали «кейнсианской революцией»?

А он действительно совершил научный переворот, создав свой собственный, отличный от классиков, метод и, следовательно, собственную научную школу (Й. Шумпетер считал, что в экономической теории существуют всего три научные школы в полном смысле этого слова: физиократия, марксизм и кейнсианство [3, с. 393]).

Не вдаваясь в подробности, хочется отметить, почему, на наш взгляд, Кейнс так заинтересовался «Новым курсом». Ведь кризис начался в 1929 г., но Кейнс не писал писем 31-му президенту Г. К. Гуверу, хотя он мог бы ему посоветовать проводить более мягкую денежно-кредитную политику, что тогда соответствовало его взглядам на способы преодоления безработицы. А тут не прошло и 10 месяцев с начала реформ «Нового курса», как Кейнс спешит поделиться своими мыслями. Дело, видимо, в том, что Кейнс почувствовал в 32-м президенте единомышленника, родственную душу.

Кейнс, как и Рузвельт, был демократом до мозга костей. Только демократизм Кейнса опирался на прочный философский фундамент. Не случайно Р. Скидельки считает его больше философом-моралистом, чем экономистом [4, с. 18, 166–190]. Поэтому, приступив к своему главному труду, Кейнс прежде всего отказывается от исходной классической гипотезы — гипотезы *экономического человека*. И это проявляется не только в том, что он обращается к конкретным примерам. К этому прибегали многие классики и даже чаще, чем Кейнс. Он вводит в категориальный аппарат экономической науки *психологические законы и категории*: основной психологический закон, предельную склонность к потреблению, предельную эффективность капитала, предпочтение ликвидности. В советской литературе такой метод был назван субъективно-психологическим, закрывающим путь к истинно научному анализу. А на самом деле это был научный прорыв. Пройдет совсем немного времени, и станет ясно, что все самые яркие открытия делаются на стыке наук. Кроме того, упрек в субъективизме не очень состоятелен, так как Кейнс анализировал объективные факторы, влияющие на психологические категории. Да и анализировал он психологические категории, лежащие в основе развития экономики в целом, то есть рассматривал скорее социальную психологию.

Именно такой подход позволил Кейнсу обратить внимание на структуру распределения

дохода в обществе: при изменении этой структуры изменяется предельная склонность к потреблению, от которой, при прочих равных условиях, зависит значение функции потребления. Эта функция лежит в основе кейнсианской функции планируемых совокупных расходов, поведение которой, при прочих равных условиях, определяет уровень занятости (безработицы) в экономике страны. Изменение же структуры распределения дохода зависит от изменения социальной структуры общества, а это отнюдь не краткосрочная проблема.

Мысли о необходимости подобных изменений встречаются во многих его работах еще до появления «Общей теории», например в статье «Экономические возможности наших внуков», последний вариант которой (1930 г.) был опубликован в нашей стране [5] (с очень интересной статьей-послесловием Д. Шестакова) [6]. Правда, тогда Кейнс возлагал надежды на изменения, которые произойдут в психологии общества под влиянием развития научно-технического прогресса. Как бы то ни было, мысль о том, что каждый человек заслуживает материального благополучия, была ему близка. Именно с этой мыслью начал свои реформы Ф. Д. Рузвельт.

Его демократические убеждения сформировались еще в ранней юности под влиянием дяди, ставшего его кумиром, Т. Рузвельта — 26-го президента США. Именно в годы его президентства (1901–1909 гг.) были предприняты попытки создать хоть какие-то основы социальной защиты тех, кого Франклин Делано назовет впоследствии «забытыми американцами». И свою политику он не случайно назвал «Новым курсом»: политика дяди Теодора называлась «честным курсом».

Хотя Ф. Д. Рузвельт окончил Гарвардский университет, учился он неважно. Особенно он не жаловал как раз экономику и философию. Зато стал редактором студенческого журнала. По окончании университета стал готовить себя к политической деятельности (по примеру дяди). Природная застенчивость и отсутствие ораторских навыков поначалу приводили его в отчаяние. Но отличительной чертой будущего президента было упорство в достижении поставленной цели. Оно и привело его спустя много лет в Белый дом.

Вернемся к открытому письму Кейнса.

Кейнс обращался к Рузвельту как к человеку последовательно демократических убеждений, выразив уверенность, что от политики Рузвельта

зависят судьбы демократии во всем мире. Он справедливо указывал, что перед президентом стоит двойная задача: обеспечить восстановление экономики после кризиса и осуществить назревшие социально-экономические реформы [2, с.2].

Возникает вопрос: зачем он это писал. Ведь, наверное, Рузвельт, который в инаугурационной речи обозначил данные проблемы, знал это и без него.

Представляется, что причина в следующем. Рузвельт, судя по всему, видел только *единство* этих бесспорно схожих задач. Но вот чего он не видел, так это того, что *единство противоречиво*. Конечно, решение одной задачи приводит к решению другой. Но с какой нужно начать, чтобы эффективно решить обе? Этому, как нам представляется, и посвящено письмо Кейнса.

Кейнс отнюдь не противопоставлял долгосрочные реформы и краткосрочное восстановление экономики. Он ставил вопрос не о приоритете целей, а о последовательности средств достижения целей [2, с. 2]. Средства-то были во многом схожими, но были и различия, на которые он указывал [2, с. 2–3]. Просто Кейнс как ученый понимал проблемы глубже Рузвельта. Известно, что первые сто дней его президентства ознаменовались принятием огромного количества законов. Некоторые из них, в частности закон о возрождении национальной промышленности (*NIRA*), Кейнс считал сырыми, принятыми в спешке, а главное, не только не связанными с решением задачи восстановления, но и тормозившими решение этой задачи. И Кейнс справедливо указывал, что законы, преследующие долгосрочные цели реформирования, должны быть хорошо продуманы и приниматься на основе накопленного опыта. Главное, они не должны задерживать восстановление. И не потому, как считает В. Г. Наймушин, что для Кейнса было приоритетом дефицитное финансирование расходов государственного бюджета, к которому он якобы упорно склонял Рузвельта. И не потому, что он защищал интересы бизнес-сообщества, в отличие от Рузвельта [7]. То, что Рузвельт не поддавался требованиям применить силу против многотысячных демонстраций и забастовок рабочих, еще не делает его выразителем их интересов. И Кейнса, и Рузвельта объединяло то, что они выражали интересы правящего класса, только они видели проблемы, которые не видели или не хотели видеть многие представители этого класса. И тот, и другой имели общую цель, спасение

капитализма, хотя и того, и другого многие современники и потомки обвиняли и продолжают обвинять в социализме.

Кейнс был уверен, что задержка восстановления экономики обязательно отрицательным образом скажется и на осуществлении реформ. Он призывал Рузвельта «свободно использовать в интересах мира и процветания те средства, которым до настоящего времени разрешалось служить целям войны и разрушения». Речь шла о дефицитном финансировании государственных расходов, потому что в условиях кризиса, когда частный бизнес не осуществлял инвестиций, не было другого средства увеличить совокупный спрос и обеспечить восстановление экономики, а без этого невозможен успех реформ [2, с. 3].

Личная встреча великого политика и великого ученого состоялась через два месяца в Белом доме, куда Кейнс приехал по приглашению Рузвельта. Беседа разочаровала обоих участников: Кейнс был удивлен тем, что Рузвельт, по его мнению, слабо разбирался в экономике. В свою очередь, у Рузвельта сложилось впечатление, что он говорил не с экономистом, а с математиком.

Второе (уже частное, а не публичное) письмо Рузвельту Кейнс написал 1 февраля 1938 г., после того как в 1937 г. в США произошла следующая рецессия. Это послание Кейнса было вызвано его искренней заинтересованностью в успехе как реформ «Нового курса» в целом, так и конкретных действий, направленных на борьбу с кризисом и безработицей.

Кейнс подробно проанализировал ошибки и даже «провалы» («*failure*») политики администрации Рузвельта в предыдущий период. По его мнению, именно они привели к новому спаду, который был вполне предсказуем. Он также предложил конкретные шаги для исправления сделанных ошибок и дальнейшего продвижения реформ [8, с. 1–8]. Интересна оценка Кейнсом политики дешевых денег того периода. Назвав ее предварительным условием восстановления («*recovery*»), «так как бесполезно создавать спрос на кредиты, если отсутствует предложение», он в то же время заметил, что «рост предложения сам по себе не вызовет соответствующего спроса» [8, с. 2].

Больше в этом письме он не возвращался к денежно-кредитной политике, сосредоточившись на предложениях увеличить государственные расходы в реальном секторе, прежде всего на жилищное строительство, коммунальные сооружения

и реконструкцию железных дорог, подчеркнув их значение как источников «потенциального спроса» [8, с. 4–6]. Кстати, он предлагал отдать их под общественный контроль и даже национализировать. Это уж точно не краткосрочные цели!

Трудно сказать, оказывали ли советы Кейнса влияние на политику Рузвельта.

Содержание письма 1938 г. доказывает, что Рузвельт и его команда не прислушались к советам, которые Кейнс высказал в письме 1933 г.

Что касается программы выхода из рецессии, изложенной Кейнсом в письме 1938 г., достоверно известно лишь то, что США вышли из рецессии только с началом Второй мировой войны. В том, в чем не смог убедить Рузвельта Кейнс (необходимость дефицитного финансирования государственных расходов), убедила война. Правда, отказ от стремления к сбалансированному бюджету любой ценой произошел ранее, но не под влиянием Кейнса, а под давлением обстоятельств.

Из писем Кейнса к Рузвельту следует, что он пристально наблюдал и серьезно анализировал все происходящее в экономике США. Но эти же письма свидетельствуют и о том, что его главные идеи (как в области теории, так и в области государственной стабилизационной политики) отнюдь не явились результатом обобщения опыта «Нового курса». Каждый из этих двух великих людей шел своим путем.

Рузвельт как политик-практик и даже прагматик двигался к своим целям методом «проб и ошибок».

Кейнс создавал новую теорию, которая, как он сам писал, предназначалась прежде всего коллегам-ученым, а уже потом широкой публике, включая политиков [1, с. 39]. Его «Общая теория» совершила революционный переворот не только в теории кризисов и безработицы, но в экономической теории в целом и по существу положила начало формированию новой науки — макроэкономики.

Кейнс стал невероятно популярен в США, особенно среди студентов Гарвардского университета. Как вспоминает Й. Шумпетер, когда в США вышла «Общая теория» Дж. М. Кейнса, «гарвардские студенты были не в силах ждать, пока она поступит в магазины: они скинулись и организовали прямую поставку первых экземпляров книги прямо в университет» [3, с. 383]. Впоследствии некоторые из них приезжали в Белый дом

пропагандировать идеи Кейнса. Позднее многие пришли туда работать, воплощая эти идеи в жизнь по мере сил и способностей. Они внесли свою лепту в создание «государства всеобщего благосостояния», основы которого были заложены «Новым курсом». Продолжая осуществление замыслов Рузвельта, они уже вполне сознательно использовали идеи Кейнса. И этот синтез давал впечатляющие результаты в течение более чем тридцати лет [4, с. 151–158].

Впоследствии, в 1970-е гг., начало меняться отношение как к «Новому курсу», так и к учению Дж. М. Кейнса. Кейнсианство вытесняется из мейнстрима экономической теории, который все активнее заполняют неоклассические концепции. Начало процессу вытеснения положил монетаризм во главе с его основоположником М. Фридманом. Параллельно происходили изменения в отношении к реформам «Нового курса». Из спасителя нации Рузвельта постепенно превращают чуть ли не в ее губителя [9, 10, 11]. 125-летие со дня его рождения (2007 г.) в США прошло почти незаметно [12].

Однако уроки глобального финансового и экономического кризиса, разразившегося в 2008–2010 гг., дают надежду на то, что еще не поставлена последняя точка в оценке как уроков «Нового курса», так и учения Дж. М. Кейнса.

Время покажет, каково их истинное место в истории. Воспользуемся словами Кейнса из письма Рузвельту о значении его реформ: «это много будет значить не только для материального процветания Соединенных Штатов и всего мира, но и для человеческого разума, восстановив веру в мудрость и мощь государства» [2, с. 5].

Литература

1. Кейнс Джон Мейнард. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
2. URL: <http://newdeal.feri.org/misc/keynes2.htm>.
3. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М., 2011.
4. Скидельски, Р. Кейнс. Возвращение Мастера. М., 2011.
5. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67.
6. Шестаков Д. Возможности, которые мы упустили // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 68–69.
7. Наймушин В. Г. Уроки Великой депрессии для современной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. Т. 7. № 2. С. 46–48.
8. http://www.fdrlibrary.marist.edu/aboutfdr/pdfs/smFDR-Keynes_1938.pdf
9. Best Gary Dean. Pride, Prejudice, and Politics: Roosevelt Versus Recovery, 1933–1938, 1990.
10. Folsom Burton. New Deal or Raw Deal?: How FDR's Economic Legacy has Damaged America, 2008.
11. Powell Jim. FDR's Folly: How Roosevelt and His New Deal Prolonged the Great Depression, 2003.
12. «Уроки «Нового курса» для современной России и всего мира». К 125-летию со дня рождения 32-го президента США Франклина Рузвельта. М.: Институт общественного проектирования, 2007. С. 24.

Можно ли было избежать «идеального шторма»? (Ретропрогнозирование Великой депрессии)

ЛАТОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

д-р соц. наук, канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра Академии управления МВД России

E-mail: latov@mail.ru

Аннотация. Для анализа соотношения объективных и субъективных факторов Великой депрессии в США большое значение имеет методика ретропрогнозирования. Согласно разработанному в 1960-е гг. логическому ретропрогнозу М. Фридмана и А. Шварц, ключевой фигурой «монетарной истории США» 1920-х гг. является Бенджамин Стронг, наиболее авторитетный руководитель Федеральной резервной системы (ФРС). После его смерти в 1928 г. руководство ФРС снизило активность, превратившись в группу «людей, ни один из которых не знает, что следует делать, но которые совместно решают, что ничего сделать нельзя». В 1990-е гг. А. Ритшл и У. Войтек построили экономико-математический ретропрогноз для проверки гипотезы об ошибочности монетарной политики. Согласно их модели, в частности, если бы в США с 1928 г. не проводилась политика, направленная на поддержание высоких процентных ставок и снижение кредитования, то произошел бы лишь небольшой спад в 1930 г., но отнюдь не глобальный кризис. Таким образом, ретропрогнозирование доказывает, что к экономической катастрофе Америку привели во многом случайные обстоятельства.

Ключевые слова: Великая депрессия, ретропрогнозирование, Федеральная резервная система.

Was it possible to avoid a «perfect storm»? (Retro prognosis of the Great Depression)

LATOV YURIY VALERYEVICH

PhD in Social Science, Candidat in Economics, Docent, Leading Researcher Scientific Center Academy of the Interior Ministry of Russia

Abstract. The technique of retro prognosis is very important to analyzing the correlation of objective and subjective factors of the Great Depression in the United States. According to the logical retro prognosis developed in the 1960s. by M. Friedman and A. Schwartz, the key figure of the «monetary history of the U.S.» in the 1920s. is one Benjamin Strong, the most authoritative head of the Federal Reserve System (FRS). After his death in 1928, the FRS reduced its activity and turned into a group of «people, none of whom do actually know what to do, but which together decide that nothing can be done.» In the 1990s. A. Ritshl and W. Wojtek built Economics and Mathematics retro prognosis to test the hypothesis about the fallacy of monetary policy. According to their model, in particular, if a policy aimed at maintaining high interest rates and reduced credit would not be carried out in the U.S. since 1928, then there would have been only a small decline in 1930, but not a global crisis. Thus, retro prognosis proves that economic disaster America faced was a result of many accidental circumstances.

Keywords: Great Depression, retro prognosis, the Federal Reserve System.

Великая депрессия — это, как известно, самый черный период истории США минувшего века. Хотя экономический кризис 1929–1933 гг. прокатился по всем развитым капиталистическим странам, Америка пострадала от него

сильнее остальных. Великая депрессия произвела шоковое впечатление на современников не только потому, что она была самым глубоким и продолжительным спадом производства за всю историю рыночного хозяйства. Этот спад ужасал еще и тем,

что он последовал после периода необычайно бурного роста¹, «просперити». Казалось, что глубокие экономические кризисы остались в XIX в. Великая депрессия обрушилась неожиданно и гиперразрушительно, как цунами, далеко превзойдя предыдущие циклические кризисы и по продолжительности, и по глубине. В частности, в США сокращение ВВП достигло 30%, и к уровню 1929 г. национальная экономика «выползла» только в 1937 г. [1, с. 43]. К тому же именно в те годы, когда развитые страны Запады переживали катастрофический спад, в СССР развертывалась сталинская индустриализация, демонстрирующая невиданные (правда, как позже выяснилось, не совсем достоверные) темпы роста. Этот контраст между прошлым и настоящим, между «загнивающим капитализмом» и «процветающим социализмом», породил у людей Запады ощущение краха всей привычной им цивилизации.

Катастрофический характер кризиса 1929–1933 гг. первоначально маскировался тем, что его механизм в общем совпадал с механизмом обычного циклического кризиса (отрыв производства от спроса, затоваривание, лавинообразный спад производства, снижение цен...). На этом основании в СССР 1930-х гг. злорадно предрекали капитализму скорый крах — мол, если такой кошмар будет повторяться раз за разом, то система неизбежно рухнет². На самом деле события Великой депрессии были во многом экстраординарны, и их принципиально нельзя сводить *только* лишь к одному из циклических кризисов.

Причины возникновения и затягивания Великой депрессии до сих пор остаются объектом оживленных дискуссий историков-экономистов. В принципе, возможны два основных подхода к объяснению этой экономической катастрофы — концепция закономерности/неизбежности

¹ По подсчетам П. Байроха, «в 1920–1929 гг. в развитых странах средний темп ежегодного прироста ВНП на человека составлял 3,1%. Такого быстрого роста ранее в истории рыночного хозяйства никогда не было, вновь подобная ситуация будет наблюдаться только в 1950–1970-е гг.» [2, с. 7].

² «Перспективы таковы: для современного капитализма вообще продолжительность промышленного цикла будет короче, подъем меньше, депрессия длиннее и кризисы будут глубже, — писал о Великой депрессии, например, известный советский экономист Е. Варга. — Это можно назвать кризисным состоянием всего капиталистического общества. Вполне вероятно, что в некоторых странах этот кризис доведет до острой революционной ситуации и даже до боев за власть» [3, с. 69].

и концепция «идеального шторма». В первом случае Великая депрессия интерпретируется как результат совпадения нисходящих волн различных циклических волн (цикла Жуглара, цикла Кондратьева, цикла Кузнеца и т. д.). Во втором случае катастрофа рассматривается как своего рода «идеальный шторм», т. е. как результат совпадения нескольких не очень вероятных событий. В принципе, оба этих подхода допускают синтез. Если, не пускаясь в обсуждение объективной реальности экономических циклов, признать, что на колебания конъюнктуры можно сознательно влиять, тогда резкий спад экономики становится результатом не только объективного «фатума», но и субъективного «человеческого фактора».

Если экономические кризисы XIX в. воспринимались современниками как полная неожиданность, которую можно только терпеливо пережидать, то в начале XX в. в наиболее развитых странах мира постепенно стали формироваться институты сознательного макроэкономического регулирования. Речь идет прежде всего об организации центральных банков, которые контролировали «кровь нации» — финансовые потоки. В США роль центрального банка выполняла, как известно, созданная ровно 100 лет назад, в декабре 1913 г., Федеральная резервная система (ФРС).

Авторы опубликованной в 1963 г. «Монетарной истории США», будущий нобелевский лауреат Милтон Фридман и Анна Шварц еще 50 лет назад утверждали, что ФРС вполне могла бы до конца 1930 г. остановить катастрофическое снижение денежной массы и таким образом предотвратить кризис ликвидности. Однако антикризисная политика Федеральной резервной системы оказалась в период Великой депрессии, по их мнению, на удивление вялой.

Как известно, для борьбы с кризисом рекомендуется проводить политику «дешевых денег»: Центральный банк (в США — федеральные резервные банки) скупает у коммерческих банков государственные ценные бумаги, в результате чего у коммерческих банков увеличивается наличность, они дают больше кредитов под более низкий процент и т. д. Эта методика будет в 1936 г. теоретически обоснована в «Общей теории занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса, но практики-банкиры хорошо знали ее и раньше. В 1920-е гг. в США уже были эпизоды (в 1923–1924 и в 1926–1927 гг.), когда ФРС, столкнувшись со спадом экономической активности, проводила активную скупку

государственных ценных бумаг, в результате чего рецессии удавалось быстро погасить.

Однако «после активной, энергичной и самоуверенной политики, проводившейся в 1920-х гг., с 1929 г. по 1933 г. имела место пассивная, оборонительная и нерешительная политика» [4, с. 397]. Проявлением этой пассивности является, например, тот факт, что закупки у коммерческих банков государственных ценных бумаг федеральными резервными банками в 1929–1930 гг. хотя и производились, но в меньших масштабах, чем во время рецессии 1923–1924 гг. Лишь весной 1932 г. ФРС попыталась начать крупномасштабные покупки ценных бумаг. Когда оказалось, что немедленного улучшения не происходит, «ФРС быстро впала в состояние своей прежней пассивности» [4, с. 403].

Отвечая на вопрос, «почему монетарная политика была такой неуместной» (именно так называется один из разделов книги М. Фридмана и А. Шварц), авторы «Монетарной истории...» предлагают следующее объяснение.

«Детальный рассказ о каждом банковском кризисе в нашей истории, пишут историки-монетаристы, показывает, как много зависит от присутствия одной или нескольких выдающихся личностей, пожелавших взять на себя ответственность и руководство» [4, с. 402]. Ключевой фигурой событий 1920-х гг. являлся, по мнению американских монетаристов, Бенджамин Стронг (1872–1928), руководитель Федерального резервного банка Нью-Йорка и наиболее авторитетный руководитель ФРС.

Об этом человеке можно сказать словами Честертона: он сыграл в событиях монетарной истории США очень любопытную роль, но роль, которую он *не* сыграл, еще любопытней. Дело в том, что Б. Стронг был активным сторонником проведения политики «легких денег» для оживления деловой активности — отсюда активная политика ФРС в 1920-е гг. Однако он умер в октябре 1928 г., ровно за год до «черных дней» («черного четверга» и «черного вторника» 24 и 29 октября 1929 г.), когда на Нью-Йоркской фондовой бирже один за другим произошли два резких обвала курсов акций, что считают началом экономической катастрофы.

Смерть Стронга оставила ФРС без решительного руководства в самый ответственный момент времени. Управление делами ФРС стало, с одной стороны, более демократичным. Раньше Комитет по инвестициям на открытом рынке состоял из управляющих только 5 крупнейшими федеральными резервными банками, которые обычно

подчинялись Стронгу как руководителю самого крупного Федерального резервного банка Нью-Йорка. Теперь же в Комитет вошли управляющие всех 12 федеральных резервных банков. Однако, с другой стороны, в результате этой реформы Комитет, выиграв в количестве, потерял в качестве. По оценке авторов «Монетарной истории США», он превратился в группу «людей, ни один из которых не знает, что следует делать, но которые совместно решают, что ничего нельзя сделать» [4, с. 401].

Предложенное М. Фридманом и А. Шварц объяснение Великой депрессии напоминает хрестоматийную английскую песенку: «Не было гвоздя — подкова пропала...». Действительно, получается, что стоило Стронгу прожить еще хотя бы пару лет (великий финансист умер в отнюдь не дряхлом возрасте — всего 56 лет), и Великая депрессия превратилась бы в обычный циклический спад³. Позже, в одном из телеинтервью, Милтон Фридман прямо так и заявил: «Проведение неправильной монетарной политики частично стало результатом обычной случайности, так как в 1928 г. умер Бенджамин Стронг, пользовавшийся огромным влиянием в Центральном банке. Я со всей ответственностью могу сказать — если бы он прожил еще два или три года, то Великой Депрессии, возможно, вообще бы не было» [5].

Авторы «Монетарной истории...» явно предвидели, что их объяснение многие посчитают несколько легковесным. «...Объяснение финансового краха как главным образом результата перераспределения полномочий от Федерального резервного банка Нью-Йорка к другим федеральным резервным банкам, а также результат биографий и характеристик людей, которые номинально находились при власти, может казаться надуманным, — пишут они. — В соответствии с общепринятым принципом, великие события всегда имеют великое начало; следовательно, для объяснения такого значительного события, как финансовая катастрофа в Соединенных Штатах с 1929 г. по 1933 г., требуется нечто большее, чем характеристика отдельных личностей или официальных органов, которые оказались у власти» [4, с. 403]. Однако «небольшие события иногда имели

³ Мнение, что Б. Стронг был в некотором смысле ключевой фигурой Великой депрессии и мог бы ее предотвратить, выражают и некоторые другие западные историки-экономисты (см., например [6]).

значительные последствия, и при этом существуют такие вещи, как цепные реакции и кумулятивные силы» [4, с. 403].

Как известно, во второй половине 1960-х гг. бельгийский ученый Илья Пригожин начал целенаправленно изучать изменения системных состояний, обращая особое внимание, в частности, на ситуации лавинообразных последствий мелких изменений. В начале 1960-х гг., когда Фридман и Шварц работали над «Монетарной историей...», до формирования теории синергетики, оперирующей для объяснения «эффекта бабочки» понятиями аттракторов и бифуркации, оставалось еще примерно десять лет. Поэтому американским монетаристам пришлось для подкрепления своей точки зрения обратиться к метафоре: «Тот факт, что для удержания скалы, которая начинает обвал, требовалась небольшая сила, совсем не означает, что масштабы оползня будут незначительными» [4, с. 404].

Можно заметить определенное противоречие между рассуждениями монетаристов о причинах Великой депрессии и общеметодологической установкой неоклассиков на то, что «невидимая рука» рынка наилучшим образом справится со всеми экономическими проблемами. Ведь во многом именно из-за убежденности, что «проблемы решатся сами по себе», руководители ФРС так вяло реагировали на развертывание кризиса. Предложенное авторами «Монетарной истории...» объяснение причин Великой депрессии доказывает от противного, что централизованное регулирование при помощи Центрального банка есть необходимый элемент развитого рыночного хозяйства. Конечно, ФРС — это не правительство, однако 12 руководителей федеральных резервных банков США уже сто лет образуют, по существу, «второе правительство» Америки, которое во многих отношениях более влиятельно, чем первое. И если это правительство в критической ситуации предоставит «делам идти своим ходом», они могут прийти в полное расстройство и дойти до катастрофы⁴.

⁴ В «Монетарной истории...» есть и другой интересный ретропрогноз, доказывающий, что ошибочная деятельность ФРС могла даже усугубить ситуацию. Речь идет о депрессии 1920–1921 гг., которая стала первым испытанием новой системы монетарного контроля. «Имела место естественная, печальная тенденция чрезмерно долгого ожидания того, чтобы надавить на тормоз... а затем давить на тормоз очень сильно...» [4, с. 232]. В результате, по оценке историков-монетаристов, рост цен в первые послевоенные годы оказался минимум на

Современные экономисты проводят ретропрогнозирование экономической истории на основе уже не логических рассуждений, как М. Фридмен и А. Шварц, а экономико-математических моделей⁵. В этой связи большой интерес вызывает, в частности, ретропрогнозное исследование швейцарского экономиста Альбрехта Ритшля и английского экономиста Ульриха Войтека «Являлись ли монетарные факторы причиной Великой депрессии?» [7]. Эти современные экономисты, занявшись моделированием «альтернативной истории» Великой депрессии, тоже считают, что существенным фактором, который превратил обычный экономический кризис в «американскую трагедию», были ошибки Федеральной резервной системы. Однако их клиометрические выводы существенно отличаются от чисто логических оценок авторов «Монетарной истории США».

Как известно, в годы Великой депрессии завершилась эпоха бумажных денег с золотым обеспечением: по мере того как национальные валюты обесценивались, развитые страны одна за другой отказывались от золотого стандарта. После того как в 1931 г. девальвировался фунт стерлингов, инвесторы посчитали, что следующим в очереди стоит американский доллар, и устремились продавать имеющиеся у них доллары. Однако правительство США не поддавалось на международное давление и решило не допустить падения стоимости доллара. В качестве защитной политики ФРС повысила ставки процента и ускорила сокращение денежной массы. Это привело к еще большей недоступности кредитов и падению производства. Считают, что именно эти действия привели к интенсификации депрессии и не дали шанса восстановить экономику с меньшими потерями, когда это еще было возможно. Но и золотой стандарт в США все

треть выше, чем если бы не был принят Закон о ФРС. В связи с этим надо подчеркнуть, что необходимость регулирования отнюдь не означает, что *любое* регулирующее воздействие окажется позитивным.

⁵ Ретропрогнозирование — метод клиометрических (историко-экономических) исследований, основанный на моделировании несвершившихся событий (контрфактическом моделировании), чтобы сравнить разные варианты возможного развития и дать оценку, насколько плох или хорош был выбор, сделанный в реальной истории. Основателем клиометрического ретропрогнозирования стал в 1960-е гг. американский экономист, нобелевский лауреат Роберт Фогель; в современных исследованиях по экономической истории этот некогда «экзотический» метод постепенно становится вполне обычным (см., например, [8, с. 372–400]).

Бенджамин Стронг
(1872–1928)

равно пришлось отменить в 1933 г.

Гипотеза об ошибочности проводимой при Гувере монетарной политики стала объектом ретропрогнозного моделирования в работе А. Ритшля и У. Войтека. Используя экономические показатели 1930-х гг., эти исследователи попытались дать прогнозы динамики изменения экономики до

и после проведения американским правительством сдерживающей политики. Для этого они разработали динамическую модель, в которой для оценки эффективности воздействия на зависимую переменную изолировали реакцию одной независимой переменной на шоки другой независимой переменной. Таким образом клиометрики стремились отделить непосредственное влияние, например, снижения предложения денег от воздействия многих других факторов, прямо или косвенно влияющих на выпуск, уровень цен и т. д.

Сначала экономисты-историки сделали прогноз ситуации в экономике в период 1928–1930 гг. Дело в том, что фактором, «подтолкнувшим» обвал, некоторые исследователи считают проведение монетарной политики, направленной на поддержание высоких процентных ставок и снижение кредитования, которое началось в США с середины 1928 г., еще при жизни Б. Стронга. Первый прогноз был сделан на основе контрфактического допущения, что никакой политики не проводилось, и все изменения в экономике происходили под воздействием других экономических факторов.

Оказалось, что в этом случае в экономике США ожидался небольшой спад в начале 1930 г., не имеющий ничего общего с глобальным кризисом, который произошел на самом деле. Более подробный прогноз предсказывал некоторый подъем производства уже к концу 1930 г. Получается, что под конец своей жизни Б. Стронг допустил существенную ошибку, согласившись проводить политику «дорогих денег», которая подтолкнула резкий спад.

Возможно, решив ускорить процесс «выздоровления» и стабилизации экономики, правительство США при Гувере решило бы провести сдерживающую монетарную политику. А. Ритшль и У. Войтек проанализировали, каков был бы прогнозируемый эффект от такой политики.

Во втором ретропрогнозе они сначала рассмотрели влияние снижения предложения денег. Оказалось, что при существующей экономической ситуации цены должны были упасть вместе со снижением предложения денег, то есть усугубилась дефляция, как и произошло на самом деле. Однако эксперты ФРС ожидали в 1931 г. совершенно иного — увеличения уровня цен.

Эффект, далекий от ожидаемого, получился и от второй компоненты сдерживающей монетарной политики, — от повышения ставок процента. И снова результат оказался противоположным ожидаемому: цены изменялись в том же направлении, что и ставка рефинансирования. До конца 1931 г. проводимая в отношении процентных ставок политика давала желаемый результат, снижая уровень резервов во время бурного развития фондового рынка и увеличивая резервы во время спада. Однако позднее уровень выпуска и резервов перестал адекватно реагировать на политику процентных ставок, и в целом она оказалась неспособной стабилизировать экономику.

Таким образом, по расчетам А. Ритшля и У. Войтека, на рубеже 1920–1930-х гг. ФРС не удалось бы сократить дефляцию на рынке товаров и услуг и снизить цены на рынке ценных бумаг. Ретропрогнозисты пришли к выводу, что ни одна из компонент проводимой монетарной политики не могла оказывать достаточно сильного стабилизирующего влияния на экономику США.

Итак, согласно второму ретропрогнозу, реальные масштабы воздействия процентных ставок не позволяют подтвердить точку зрения известного американского историка-экономиста Питера Темина⁶, будто именно их изменения спровоцировали масштабное усугубление кризиса. Тем не менее получается, что в сочетании с неожиданной реакцией цен на снижение предложения денег неудачная политика ФРС в 1931 г. в отношении процентных ставок действительно усугубила (пусть и не слишком сильно) уже начавшийся кризис. В Америке тоже бывает, что хотели как лучше, а получилось как всегда.

Таким образом, согласно ретропрогнозным моделям А. Ритшля и У. Войтека, американские эксперты-экономисты 1920–1930-х гг., возглавлявшие Федеральную резервную систему, сделали ряд серьезных ошибок. Впрочем, это свидетельствует вовсе не об их непрофессионализме или

⁶ См., например, [9; 10].

о сознательном умысле, а о том, что они не обладали доступными нам сейчас эконометрическими средствами, чтобы провести столь детальный анализ и сделать столь точные прогнозы. Воистину, нет ничего практичнее хорошей теории.

Уроки Великой депрессии были в значительной степени усвоены — «идеальный шторм» больше не повторялся, хотя случались отдельные катастрофические события, напомиравшие «черные годы». Например, во время «черного понедельника» 19 октября 1987 г. наблюдалось самое глубокое падение в истории фондового рынка США, которое превзошло биржевой крах 1929 г., однако никакой депрессии после этого вообще не наблюдалось. В этой связи можно вспомнить выступление Бена Бернанке, известного современного американского экономиста, который, являясь членом Совета управляющих ФРС, в 2002 г. в речи к 90-летию Милтона Фридмана сказал: «Как представитель ФРС, я хочу сказать Милтону и Анне: в отношении Великой депрессии вы правы — это мы допустили ее. Мы очень сожалеем об этом. Но благодаря вам мы никогда больше не повторим этого» [11].

Литература

1. Соколов В. Причины и уроки прошлых экономических кризисов в США. Великая депрессия 1930-х и экономическая рецессия 1970-х годов // Экономическая политика. 2009. № 6 (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/12/27/1251396427/4.pdf>).
2. Bairoch P. Economics and World History. University of Chicago Press, 1993.
3. Экономический кризис в С.А.С.Ш. Дискуссия. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1930.
4. Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов 1867–1960 гг. Киев: Ваклер, 2007.
5. Маслов О. Риск-менеджмент, управление рисками и риск наступления Первой глобальной Великой депрессии XXI века [2008] (<http://iraqwar.mirror-world.ru/article/163028>).
6. Kindleberger Ch. The World in Depression, 1929–1939. University of California Press, 1986.
7. Ritschl A., Woitek U. Did Monetary Forces Cause the Great Depression? A Bayesian VAR Analysis for the U. S. Economy. Institute for Empirical Research in Economics, University of Zurich. Working Paper № 50. July 2000 (<http://www.iew.unizh.ch/wp/iewwp050.pdf>).
8. Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2. 1870 — наши дни. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
9. Temin P. Did Monetary Factors Cause the Great Depression? N.Y.: W. W. Norton, 1976.
10. Temin P. Lessons from the Great Depression. Cambridge MA: MIT Press, 1989.
11. Зотин А. Бен Бернанке vs Великая рецессия // Финансы. 2011. № 23 (402), 27 июня (<http://bankir.ru/publikacii/s/ben-bernanke-vs-velikaya-retsessiya-10000322>).

Великая депрессия и ее преодоление

ЛАПОНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ

канд. ист. наук (Брянский филиал Финансового университета)

E-mail: vik.lapov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется ситуация в экономике США в годы Великой депрессии. Рассматривается комплекс финансовых, производственных, социальных, внешнеторговых причин, приведших к экономическому спаду. Автор анализирует основные мероприятия, осуществленные правительством Франклина Рузвельта по преодолению кризиса в сфере банковского сектора экономики, промышленности, сельского хозяйства. Особое внимание уделяется реформированию социальной сферы жизни американского общества.

Ключевые слова: фондовый рынок, спад производства, девальвация, бюджетный дефицит, безработица, социальные права, промышленность, сельское хозяйство, регулирование экономических процессов.

The Great depression and its overcoming

LAPONOV ANDREY VIKTOROVICH

Candidate of Science in History, Bryansk branch of Financial University

Abstract. In this article the situation in the USA economy in the time of the Great Depression is analyzed. The complex of financial, production, social, trade reasons which brought to the economic decline is considered. The author analyzes the main activities which were carried out by the government of Franklin Delano Roosevelt to prevent the crisis in the banking sector of economy, industry, agriculture. The reformation of social sphere of American society is considered.

Keywords: funding market, production decline, devaluation, budget deficit, unemployment, social rights, industry, agriculture, regulation of economic processes.

Соединенные Штаты Америки, объявившие в начале Первой мировой войны о своем нейтралитете, не были напрямую ею затронуты, но она предоставила им благоприятные возможности для ускорения экономического развития. На протяжении всей войны США обеспечивали усиливавшийся спрос государств Антанты на вооружения, боеприпасы, обмундирование, транспортные средства, продовольствие и т. д. Ослабленные войной европейские страны вынуждены были уступить американцам значительную часть рынков сбыта готовой продукции, источников сырья и сфер приложения капиталов.

В апреле 1917 г., на заключительном этапе войны, США открыто присоединились к противникам Тройственного союза. В военных действиях американская армия стала участвовать только с лета 1918 г. Соединенным Штатам удалось избежать значительных людских потерь, на их территории не было никаких военных разрушений. Во время войны американское производство

получило дополнительные стимулы для быстрого роста. Промышленность и сельское хозяйство США стали развиваться за счет значительных государственных заказов. Произошли изменения в структуре производства: увеличилась доля тяжелой промышленности, особенно военных отраслей. Государство усилило свое присутствие в экономике. Правительство через Управление военной промышленности и ряд других отраслевых ведомств получило право вмешиваться практически во все сферы экономической жизни, стали выпускаться военные займы, монополии начали получать кредиты и субсидии от государства. Под государственный контроль перешли железные дороги.

Оплачивая американские поставки, европейские страны рассчитывались с Соединенными Штатами золотом. Однако средств у союзников США не хватало, они вынуждены были более чем в 2 раза (до 3,3 млрд долл.) сократить свои американские капиталовложения. Часть товаров

страны Антанты приобретали в рассрочку, и Соединенные Штаты из должника европейских стран в 1914 г. превратились к концу войны в крупнейшего кредитора. Европейские государства задолжали им 11 млрд долл. Значительно увеличились частные американские инвестиции в другие страны, в 1918 г. они достигли 7 млрд долл. Национальное богатство США за годы войны увеличилось более чем в 2,5 раза. В стране сконцентрировалась половина мирового запаса золота. США стали не только крупнейшим индустриальным, но и финансовым центром мира.

В начале 1920-х гг. в американской экономике возник непродолжительный кризис, связанный с конверсией производства. После его преодоления и до 1929 г. наблюдался сильный экономический рост. Этот период получил название «эпоха процветания» («просперити»). Для него было характерно сведение к минимуму экономических и социальных функций государства. Правительство отказалось предоставлять материальную помощь безработным и фермерам. Резко снизилось налогообложение лиц с высокими доходами. Образовавшиеся дополнительные средства и прибыли, полученные во время Первой мировой войны, направлялись на строительство новых фабрик и заводов, на оснащение предприятий новейшими технологиями. По уровню производительности труда США прочно удерживали мировое лидерство.

В этот период интенсивно развивались новые отрасли — электротехническая, химическая, производство синтетических материалов, автомобилестроение. Благодаря конвейерному производству, на заводах Форда был налажен выпуск дешевого и надежного автомобиля. «Дженерал моторс» и «Крайслер моторс» стали осуществлять массовое изготовление автомобилей разных категорий, удовлетворяя спрос американцев с различными потребностями и уровнем доходов. В 1929 г. в США было зарегистрировано 26,5 млн автомобилей. Ежегодное американское производство автомобилей составляло более 75% общего объема их выпуска в мире.

В конце 1920-х гг. американские предприятия производили 45% мировой промышленной продукции. Экономический подъем способствовал росту занятости населения и увеличению заработной платы. Широкое распространение получила идея об «американской исключительности».

Утверждалось, что в стране наступил этап бескризисного развития [1, с. 94–95].

За 7 предшествующих кризису лет американский биржевой индекс Доу-Джонса увеличился в 3 раза. Американцы, в том числе и рабочие, стараясь быстро разбогатеть, приобретали акции предприятий. На покупку ценных бумаг направляли свободные капиталы банки и тресты. Массовым явлением стало приобретение акций в кредит. В конце 1920-х гг. акции можно было приобрести, оплатив наличными всего 10% их стоимости, остальные 90% составляли заимствованные средства. Покупатели шли на это, потому что процент кредита практически сразу перекрывался повышением курса акций, которые были приобретены. Ценные бумаги, хотя и являлись собственностью покупателя, оставались в залоге у фирмы-продавца. Брокерским фирмам, торгующим ценными бумагами в кредит, не хватало средств для кредитования, и они брали ссуды у банков. При этом залогом являлись ценные бумаги, которые им не принадлежали, а находились у них в залоге.

Такие ссуды имели высокую доходность и привлекали не только американские, но и иностранные банки и кредиторов. В результате возникло большое количество инвестиционных компаний. Крупные компании-тресты определяли, куда вкладывать собранные средства (в основном это были акции крупнейших предприятий), освобождая инвесторов от сложного выбора и уменьшая риск потери вложенных средств. Инвестиционные компании выпускали собственные ценные бумаги, которые приобретались мелкими инвесторами. Тресты могли распоряжаться находящимися у них средствами с наибольшей выгодой для себя, так как законов, регулирующих инвестиционную деятельность, не было. Они брали себе высокий коммиссионный процент за все операции, которые проводили.

Акции промышленных компаний возрастали в цене, в том числе и за счет инвестиционных фондов. Фонды создавали ажиотажный спрос, превышающий предложение. Этому способствовали и различные спекулятивные действия, в том числе слухи о скором росте. Такими действиями достигалось повышение курса почти в 2 раза. Акции самих инвестиционных трестов продавались также со значительным увеличением стоимости за счет все тех же слухов.

Одновременно с противоречиями на американском фондовом рынке сохранялись и нарастали негативные процессы в производственном секторе американской экономики. Не вышло из кризисного состояния сельское хозяйство. Внутри страны спрос на товары аграрного сектора не увеличивался, что привело к перепроизводству и разорению тысяч фермеров. Традиционные отрасли — судостроительная, текстильная, угледобыча — сокращали выпуск продукции. Конвейерное производство позволило создавать огромные объемы товаров. Их реализация на внутреннем рынке была ограничена. Выход был найден в широком распространении продаж в кредит. В условиях экономического подъема предприниматели приобретали промышленное оборудование за счет заимствованных средств. Это позволяло и далее наращивать объемы производства. Но полностью проблема сбыта не была решена, о чем свидетельствовала дефляция — снижение цен на товары.

Перегрев фондового рынка, сокращение спроса и дефляция привели к кризису. В американской истории этот кризис не имел себе равных. Он оказался самым глубоким, масштабным и продолжительным в истории США.

Кризис, получивший название «Великая депрессия», начался в октябре 1929 г. с резкого падения курса акций на Нью-Йоркской фондовой бирже. 21 октября 1929 г. по снижающимся ценам было продано более 6 млн акций. Это вызвало панику среди держателей ценных бумаг и массовую продажу акций. 24 октября после открытия торговой сессии курсы акций резко снизились, все кинулись их продавать, началась паника. Акции некоторых компаний нельзя было продать даже за 1 цент. 29 октября на Нью-Йоркской фондовой бирже было продано уже 16 383 700 акций. Суммарная стоимость акций уменьшилась на 9 млрд долл., то есть 9 млрд долларов кредитных денег ушли из оборота. За 1929–1932 гг. индекс Доу-Джонса снизился в 10 раз. Ценные бумаги ряда компаний подешевели намного больше этого показателя. Стоимость акций банка «Голдман Сакс» снизилась со 104 долл. за штуку в 1929 г. до 1 долл. 75 центов в 1932 г. Акции «Дженерал моторс» подешевели с 1075 до 40 долл. На Нью-Йоркской фондовой бирже 1 сентября 1929 г. суммарная стоимость акций составляла около 90 млрд долл., но к лету 1932 она сократилась до 16 млрд долл., потери составили 74 млрд долл.

Резко снизились активы банковской системы США. Вкладчики стремились изъять вклады. Активы банков состояли в основном из ценных бумаг и ссуд под залог ценных бумаг, но кризис обесценил эти бумаги. Ссуды под заклад недвижимости стали невозвратными, так как сам заклад также обесценился.

Облигационный портфель банков был последним резервом ликвидности, но и он обесценился в 1931–1933 гг. Крупные банки являлись держателями разного вида облигаций стран Латинской Америки и Азии. Теперь, под давлением вкладчиков, они были вынуждены продавать относительно ликвидные облигации, что привело к удешевлению их рыночной стоимости. Банки стремились под любым предлогом ограничить прием вкладчиков, которые хотели вернуть вклады.

Кризис охватил все отрасли экономики. В этих условиях стали сокращаться потребительские расходы значительного числа людей. Уменьшение спроса привело к падению уровня производства. Началось сокращение рабочих мест. Предприятия уже не могли погашать кредиты, что также провоцировало банковские банкротства. Для предприятий стало сложно получить в банках даже краткосрочные кредиты. К 1933 г. промышленное производство сократилось на 46%. Наиболее пострадавшим оказалось машиностроение — выпуск автомобилей уменьшился на 80%. Значительное снижение производства произошло и в металлургии: на 79% сократился выпуск чугуна, на 76% стали. Добыча угля снизилась на 42%. 150 тыс. американских компаний и 5760 банков обанкротились. Огромный урон был нанесен сельскому хозяйству. На 36% снизились посевы пшеницы, на 45% кукурузы. Одновременно с этим цены на пшеницу и кукурузу упали в 2,7 раза, на хлопок — в 3 раза. Разорилось около 1 млн фермерских хозяйств. За годы кризиса объем внешней торговли сократился втрое, почти полностью был прекращен вывоз капитала [1, с. 151–153].

Великая депрессия тяжелейшим образом отразилась на положении американцев. Число безработных значительно выросло и в 1933 г. достигло 17 млн человек, что составляло 25% всего трудоспособного населения. Не получая помощи от государства, при отсутствии в США социального страхования большинство безработных оказалось в очень тяжелом положении. Вкладчики

обанкротившихся банков потеряли свои сбережения. Около 2,5 млн человек остались без жилья. На окраинах городов стали возникать поселки, построенные из ящиков и строительных отходов, в которых размещались бездомные.

Действующий президент, республиканец Г. Гувер являлся сторонником индивидуализма и выступал против использования государства для регулирования экономических процессов. Он не поддержал предоставление пособий безработным. Но развитие кризиса заставило правительство предпринять ряд мер для его преодоления, которые не имели существенного положительного эффекта. С 25 до 65% возросли налоги на богатство.

В 1929 г. Гувер создал Американскую сельскохозяйственную сбытовую организацию, которая, скупая аграрную продукцию, должна была не допустить падения цен, но через небольшой промежуток времени цены все равно резко снизились. В 1930 г. был принят протекционистский закон, который увеличил пошлины на импортные товары на 40%. Другие страны в ответ повысили тарифы на продукцию из США. Пострадали традиционные экспортные отрасли американской промышленности — автомобильная, металлургическая, химическая. Американские фермеры потеряли третью часть рынков сбыта своей продукции [2].

Для поддержки экономики в январе 1932 г. была создана государственная организация — Реконструкционная финансовая корпорация, с помощью денежных вливаний она должна была воздействовать на наиболее важные области экономики. Но направленные правительством через Национальную кредитную корпорацию и Реконструктивную финансовую корпорацию средства оказались недостаточными для прекращения кризисных явлений. Для успешного проведения антикризисных мероприятий требовались дополнительные бюджетные деньги. Экономический кризис привел к резкому падению налоговых поступлений. Мнение о поддержании малодефицитного бюджета взяло верх. Правительство не решилось увеличить расходы.

В 1932 г. Демократическая партия завоевала большинство мест в обеих палатах конгресса. Ее кандидат Франклин Рузвельт был избран президентом. Программа Рузвельта по преодолению кризиса получила название «Новый курс». Она заключалась в том, чтобы вывести страну из

депрессии при помощи государственного регулирования экономических процессов. Президент отмечал: «... в такое трудное время частное предпринимательство нельзя оставлять без помощи и разумных ограничений, иначе оно разрушит не только само себя, но и жизненные процессы нашей цивилизации» [3, с. 74].

Преобразования новый глава государства начал с мероприятий по спасению банковской системы. 5 марта 1933 г. Рузвельт на четыре дня, с 6 по 10 марта, объявил «банковские каникулы». На это время все американские банковские учреждения перестали работать. 9 марта Конгресс утвердил Закон о чрезвычайной помощи банкам. Данный документ давал президенту право осуществлять реорганизацию банков и предусматривал срочную эмиссию в размере 2 млрд долл. 12 марта в обращении к американцам по радио Ф. Рузвельт заявил: «Мы не хотим и не допустим новой эпидемии разорения банков» [3, с. 28]. Разрешение на открытие получили только самые жизнеспособные банки (Федеральная резервная система за счет эмиссионных средств предоставила им кредиты), а часть банков так и не возобновила свою деятельность.

Также был принят Закон о разграничении инвестиционных и коммерческих банков. Коммерческим банкам запрещалось заниматься операциями с акциями, потому что такие операции ставили под угрозу сохранность средств вкладчиков. Инвестиционные банки могли осуществлять эмиссию акций для промышленных корпораций и торговать ими, но не могли принимать вклады.

ФРС получила дополнительные права контроля над банками, которым было запрещено выплачивать проценты по текущим счетам, а для размера процентов по срочным вкладам были установлены определенные лимиты. Это значительно ограничило действия банкиров, готовых обещать высокие проценты ради выгодных спекуляций. Регулированию подвергся биржевой кредит, сыгравший отрицательную роль в биржевом крахе 1929 г.

Устанавливалась система страхования вкладов: были созданы Федеральная корпорация страхования депозитов и общенациональная система защиты вкладчиков. Создавался страховой фонд и банки были обязаны отчислять в него определенный процент вклада. Если банк становился банкротом, вкладчикам из этого фонда гарантировалось возмещение в установленных

законом пределах. Это заметно повысило доверие к банкам со стороны населения. Свободный обмен бумажных денег на золото отменялся [3, с. 40, 60], а проведенная девальвация уменьшила золотое содержание доллара.

В мае 1933 г. вступил в силу закон, устанавливающий строгую ответственность компаний, выпускающих на рынок свои ценные бумаги, за полноту и достоверность информации о ее состоянии и делах. Со временем была выработана система законодательства и создана на федеральном уровне Комиссия по ценным бумагам и биржам.

С июня 1933 г. стал действовать Закон о восстановлении национальной промышленности (NIRA). Он устанавливал практику государственного регулирования индустриального производства. Вся промышленность была разделена на 17 групп. Объединения предпринимателей выработали 557 основных и 189 дополнительных «кодексов честной конкуренции». Эти документы, охватывавшие практически всю промышленность, определяли объемы производства, минимальный уровень цен, рынки сбыта. После утверждения «кодексов» президентом они становились обязательными для исполнения. NIRA также включал в себя положения о реформировании трудовых отношений. Предприниматели фиксировали в кодексах максимальную продолжительность рабочей недели и минимальный уровень заработной платы. Устанавливалась единая заработная плата для рабочих одной категории в разных отраслях.

В июне 1933 г. была создана Национальная администрация восстановления. Ей предстояло стать посредником между предпринимателями каждой отрасли и работниками. Трудящиеся получили право на создание профсоюзов и заключение коллективных договоров [3, с. 36, 48, 49, 50, 51, 58, 77, 78]. Кодексы «честной конкуренции» действовали до лета 1935 г.

Правительство Ф. Рузвельта оказывало поддержку безработным. Была организована система общественных работ — молодые американцы направлялись в трудовые лагеря, где в течение 6 месяцев занимались возведением различных объектов инфраструктуры. Они находились на полном государственном обеспечении и ежемесячно получали 30 долл., из которых 25 должны были отправлять своей семье [3, с. 35, 46]. В результате в США были созданы тысячи километров новых дорог, построены 77 тыс. мостов, 285 аэродромов, 122 тыс. общественных зданий, включая школы

и больницы. Строились плотины, осуществлялась электрификация, проводились ирригационные мероприятия. Ежегодно 2,5–3 млн американцев получали работу.

В мае 1933 г. был принят Закон о восстановлении сельского хозяйства (AAA). В соответствии с ним фермеры, сократившие посевные площади и поголовье в животноводстве, получали государственную компенсацию. Фермерская ипотечная задолженность сокращалась — снижались проценты по кредитам, удлинялись сроки погашения долгов. Фермерам выдавались дополнительные кредиты на выгодных условиях [3, с. 36, 47].

Важной частью «Нового курса» стали социальные реформы. Летом 1935 г. начал действовать Закон о трудовых отношениях (закон Вагнера). Он закрепил за рабочими право на создание профсоюзов и заключение коллективных договоров, на проведение забастовок и пикетирования. Предприниматели лишались возможности преследовать рабочих за участие в профсоюзных организациях и стачках. Одновременно с законом Вагнера конгресс США одобрил Закон о социальном страховании, который предусматривал предоставление пенсий рабочим, достигшим 65-летнего возраста, устанавливал выплаты пособий безработным, инвалидам, сиротам и вдовам. В 1938 г. вступил в силу Закон о минимальной заработной плате и максимальной продолжительности рабочей недели. Он запрещал труд детей до 16 лет, оплата сверхурочных работ устанавливалась в полуторном размере. Повысив ставки налогов на сверхдоходы, государство реформировало систему налогообложения.

К 1937 г. экономические показатели США достигли уровня 1929 г. Проведение «Нового курса» сопровождалось огромными расходами государственного бюджета. «Практика дефицитного финансирования социальных и иных расходов правительства» была возведена Ф. Рузвельтом в «теоретический постулат» [4]. За пять лет расходы на сельское хозяйство выросли почти в 5 раз, а на поддержание занятости — в 7 раз. Всего с 1933 по 1937 г. расходы федерального бюджета увеличились в 2,2 раза. Так как доходы не покрывали это увеличение, пришлось прибегнуть к большим внутренним займам. За четыре года государственный долг вырос с 22 до 36 млрд долл. Попытка сократить бюджетные расходы привела к новому кризису в 1937–1938 гг. Только начавшаяся Вторая мировая война и большие

государственные заказы для тяжелой промышленности и военных отраслей позволили американской экономике полностью преодолеть кризисные явления.

Важнейшим результатом антикризисных мероприятий, проводимых в США во второй половине 1930-х гг., можно считать приобретение опыта государственного регулирования рыночных механизмов. Ф. Рузвельт отмечал: «Совершенно неправильно называть принятые нами меры правительственным контролем над фермерским хозяйством, промышленностью или транспортом. Это, скорее, — партнерство между правительством и фермерами, между правительством и промышленностью, между правительством и транспортом. Партнерство не в смысле участия в прибылях, поскольку прибыли будут по-прежнему доставаться частным гражданам, а в смысле совместного планирования и проведения планов в жизнь» [3, с. 37–38].

Другим итогом «Нового курса» стало реформирование социальных отношений. Впервые в истории США была создана государственная система социального обеспечения (пенсии по старости и при потере кормильца), введены пособия по безработице, установлена единая минимальная заработная плата, запрещен детский труд. Широко применявшиеся во время преодоления экономического спада общественные работы позволили значительно улучшить инфраструктуру страны.

Литература

1. История США/ под ред. Г. Н. Севастьянова. В 4-х т. М., 1983–1987. Т. 3. С. 94–95.
2. Грин Л. Е. Великая депрессия 1929–1933 гг. // *Философия и общество*. 2009. № 2. С. 195–197.
3. Франклин Делано Рузвельт. Беседы у камин. М., 2003.
4. Согрин В. В. Новый курс Ф. Д. Рузвельта: единство слова и дела // <http://www.r-reforms.ru>.

Достижения и «заблуждения» политики «Нового курса» Франклина Делано Рузвельта

АРЕФЬЕВ ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ

канд. экон. наук, доцент кафедры «Макроэкономика» Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: Arefyev2001@mail.ru

Аннотация. Великая депрессия представляла собой сложный общемировой кризис, справиться с которым было очень непросто. Рузвельт и другие деятели «Нового курса» действовали в очень жестких политических и экономических условиях. Невозможно с уверенностью утверждать, что если бы Рузвельт снизил налоги и таможенные пошлины, как обещал в ходе предвыборной кампании, то он в том же или следующем году покончил бы с Великой депрессией; но вполне возможно, что в этом случае он не смог бы предотвратить «революцию отчаяния». Наследием «Нового курса» стало, с одной стороны, расширение федерального правительства, с другой стороны (и в этом главная заслуга «Нового курса»), – снижение социальной дифференциации и увеличение доли среднего класса. Возможно, меры, принятые Ф. Д. Рузвельтом в рамках «Нового курса», привели к замедлению экономического роста, однако они, несомненно, способствовали устойчивому развитию экономики США.

Ключевые слова: великая депрессия, «Новый курс», социальная дифференциация, безработица, инфляция, занятость, экономическая мысль, неолиберализм, кейнсианство, экономический рост, налоги, государственные расходы, бизнес, государство.

Achievements and delusions of the «New Deal» policies of Franklin Delano Roosevelt

AREFYEV PETR VLADIMIROVICH

Candidate of Science in Economy, Assistant Professor to the Chair «Macroeconomics», Financial University

Annotation. It is preferable to learn from the mistakes of other countries. Therefore the article on the lessons that the United States learned out of the Great Depression, to this day does not lose its relevance. The Great Depression is a complex, global crisis, not easy to cope with. Roosevelt and other leaders of the «New Deal» operated under severe political and economic conditions. It is impossible to say with certainty whether it would have done away with the Great Depression in the same or next year if Roosevelt had lowered the taxes and duties, as promised during the election campaign, but it is possible that in this case he would not be able to prevent the «revolution of despair». On the one hand, the legacy of the «New Deal» has been the expansion of the federal government, on the other hand, the main achievement of the «New Deal» is the reduction of social differentiation and increasing the share of the middle class. Perhaps the measures taken by the F. D. Roosevelt as part of a «new era» led to a slowdown in economic growth, but they have certainly contributed to the sustainable development of the U.S. economy.

Keywords. The Great Depression, the New Deal, social differentiation, unemployment, Inflation, employment, economic thought, neo-liberalism, Keynesian economics, economic growth, taxes, government spending, business, government.

Перед Ф. Д. Рузвельтом с самых первых дней его президентства стояла чрезвычайно трудная задача. Объявление о банковских каникулах, отмена золотого стандарта, чтобы остановить вывоз золота, и другие срочные меры, пред-

принятые в самом начале его правления, и по сей день не оспариваются представителями господствующей экономической мысли [1].

Казалось, в первый срок президентства Франклина Рузвельта «Новый курс» себя оправдывал.

Уровень безработицы в США ежегодно с 1933 по 1937 г. понемногу снижался, что свидетельствует о некоторых успехах в борьбе с депрессией: безработица составляла 25,2% в 1933 г., 22% в 1934-м, 20,3% в 1935-м, 17% в 1936-м и 14,3% в 1937 г.

Однако следует заметить, что «Новый курс» далеко не свободен от критических оценок.

В конце второго срока президентства Франклина Рузвельта Лига Наций собирала в США и многих других странах статистические данные о том, как шел процесс восстановления экономики. Большая часть этих материалов свидетельствует о том, что «Новый курс» Рузвельта создал в экономике атмосферу непредсказуемости и оказался *исключительно неудачным* планом восстановления. С ноября 1937 по август 1939 г. уровень безработицы все время колебался в пределах от 17 до 21%. Налоги на предпринимательскую деятельность были также выше, чем в любой предыдущий период в истории США. Ставки подоходного налога росли, доходы федерального правительства неуклонно падали. Ставки акциза для граждан со средними и низкими доходами также достигли исторического максимума.

В феврале 1938 г. президент США получил письмо от английского экономиста Дж. М. Кейнса, который отмечал, что подъем середины 1930-х гг. вызвал слишком много неоправданных надежд. В своем письме он настаивал на расширении общественных работ и других государственных расходов, без которых нельзя будет обеспечить дальнейший экономический рост. Идеи Дж. М. Кейнса обретали популярность в США, и его рекомендации были приняты [2].

В конце 1938 г. в экономике США наметилось некоторое улучшение, но в начале 1939 г. восстановление снова замедлилось. К маю 1939 г. промышленное производство упало на 10% по сравнению с уровнем начала года. Непредсказуемость в отношениях государства с бизнесом во время второго президентского срока Рузвельта во многом свела на нет достижения первого срока.

По мнению большинства историков, ключевым событием, покончившим с Великой депрессией, стало вступление Америки во Вторую мировую войну. 12 млн американских солдат ушли на фронт, еще миллионы граждан были мобилизованы на работу на заводы, производившие военную технику, в результате чего существенно возросли федеральные расходы. Резко сократилась

безработица, и, как утверждают историки, Великая депрессия наконец-то отступила.

На всем протяжении своего президентства Рузвельт стремился повышать прогрессию подоходного налога, но до конца 1930-х гг. он не решался втягивать экономику в крупные компенсирующие государственные расходы, достаточные для того, чтобы вернуть ее на уровень, предшествовавший Великой депрессии, не говоря уже о ее расширении [3]. Именно война вытаскала США из кошмара Великой депрессии. Затраты на вооружение подтвердили тезис Дж. М. Кейнса о том, что рост государственных расходов способен обеспечить процветание.

Гораздо позже президентства Ф. Д. Рузвельта Дж. Ф. Кеннеди и Р. Рейган снизили ставки подоходного налога для всех доходных групп. При Кеннеди максимальная ставка снизилась до 70%, а при Рейгане — даже до 28%. В обоих случаях после снижения налогов (согласно кривой Лаффера) поступления в бюджет резко возросли, увеличивались инвестиции, а 1980-е гг., когда появились факсы, компьютеры, видеомагнитофоны, компакт-диски, плееры и мобильные телефоны, вообще стали одним из самых инновационных десятилетий в истории США. Потом начался обратный процесс: при президенте Джордже Буше-ст. максимальная ставка выросла до 31%, при президенте Клинтоне — до 39%. После этого рост поступлений от подоходного налога приостановился, хотя конец 1990-х был периодом процветания. Джордж Буш-мл. вернул максимальную ставку подоходного налога в 35%, при Клинтоне и Джордже Буше-мл. был снижен и налог на прирост капитала. В результате этих мер поступления в бюджет от подоходного налога и продажи ценных бумаг увеличились. Все это, несомненно, доказывает, что если бизнес душить налогами, как это было при Ф. Д. Рузвельте, то сокращается валовой национальный доход, а следовательно, налогооблагаемая база и доходы бюджета.

Согласно мнению многих американских экономистов либерального направления, Рузвельт действовал «не совсем» правильно: вместо расширения программ Гувера и добавления многих собственных программ Рузвельт должен был сдерживать свои обещания и сразу же сократить государственные расходы, снизить налоги и таможенные пошлины, предусматривавшиеся законом Смута — Хоули [4].

Ф. Д. Рузвельт, безусловно, понимал, что снижение налогов приведет к росту инвестиций в бизнес. Во время предвыборной кампании он говорил: «Налоги оплачены тяжким трудом каждого работающего, потому что они ложатся бременем на производство и уплачиваются через производство. Если они оказываются чрезмерно высокими, то останавливаются заводы, продаются в счет долгов по налогам предприятия, на улицы выходят толпы голодных людей, безнадежно пытающихся найти работу». В Су-Сити, штат Айова, Рузвельт заявил, что если его выберут президентом, он намерен «использовать эту высокую должность, чтобы везде и всюду, в любой точке страны и в любое время года отстаивать необходимость снижения налогов, повышения эффективности работы правительства, ликвидации «подлеска» вокруг наших правительственных структур, необходимость того, чтобы каждый доллар, уплаченный в виде налога, наилучшим образом служил обществу». И добавил: «Заверяю вас в этом и считаю, что в сказанном мною в ходе кампании нет ничего более важного, чем эта договоренность с налогоплательщиками Соединенных Штатов» [5]. Описывая эту «договоренность», Рузвельт часто делал разъяснения. Он заявлял, что «сократит расходы на текущие операции федерального правительства на 25%». Ф. Д. Рузвельт отмечал, что «при составлении бюджета он исключит все новые пункты, которые не направлены на облегчение положения безработных» [6].

Если бы Рузвельт в качестве президента употребил свое влияние для сокращения государственных расходов и снижения ставки налогов на высокие доходы с 63 примерно до 30%, то это, возможно, стимулировало бы инвесторов вкладывать капитал в новые предприятия. Возможно, если бы Рузвельт снизил налоговые ставки, многие американцы направляли бы больше средств на благотворительность, а администрации штатов и городов могли бы обращаться за пожертвованиями на помощь малоимущим к магнатам. И в долгосрочном периоде рыночный механизм расставил бы все по своим местам. Однако вспомним, что, как иронически утверждал Дж. М. Кейнс, «в долгосрочном периоде — мы все мертвы».

Экономисты неолиберального направления забывают о том, что Ф. Д. Рузвельт проводил политику «Нового курса» в условиях обострения социальных противоречий и усиления рабочего

движения в США [7]. Соответственно «Новый курс» явился не актом милосердия, а острой социальной необходимостью перед угрозой общенациональной забастовки и как следствие «паралича» национальной экономики.

Сейчас, по прошествии 70–80 лет, мы можем посмотреть историческую статистику и с удивлением обнаружить, что многие страны Лиги Наций (например, Великобритания) выходили быстрее из Великой депрессии, нежели США. Представители либерального направления часто используют этот факт в полемике с кейнсианцами. Однако в этой связи целесообразно, в качестве «взгляда со стороны», рассмотреть анализ, который проводили советские ученые того времени.

В 1936 г. экономист С. Далин пишет, что анализ мероприятий правительства Рузвельта показывает: его социальное маневрирование ни в какой мере не противоречит интересам финансового капитала; как только рабочее движение угрожало этим интересам, правительство Рузвельта становилось на защиту интересов финансового капитала. Так было в отношении компанийских союзов, принудительного арбитража, «эластичности» максимума часов работы и минимума заработной платы, оплаты труда на общественных работах по ставкам более низким, чем на частных капиталистических предприятиях, и установления принудительного труда по этим низким ставкам на общественных работах и т. д. Однако, несмотря на все это, рабочее законодательство правительства Рузвельта подверглось самым ожесточенным нападкам со стороны финансового капитала. Более того, именно все это законодательство явилось главной причиной борьбы финансового капитала против «Нового курса». Объясняется это тем, что, хотя мероприятия правительства Рузвельта не противоречили коренным интересам финансового капитала, они, тем не менее, содержали в себе действительно некоторые элементы, продиктованные обострением рабочего движения и соображениями социального маневрирования. Речь идет о таких институтах, как формальное установление системы коллективных договоров, формальное признание прав профсоюзов, сокращение рабочего времени без соответствующего снижения номинальной заработной платы и даже при повышении этого номинала для отдельных слоев рабочих или отдельных отраслей промышленности, частичное запрещение

детского труда и, наконец, попытка ввести систему социального страхования.

Процитируем С. Далина: *«Английская буржуазия уже давно пошла гораздо дальше американской в отношении профсоюзов, коллективных договоров, системы социального страхования и т. д. Однако все эти мероприятия английского правительства были в общем одобрены финансовым капиталом. И если американский финансовый капитал так яростно боролся против рабочего законодательства правительства Рузвельта, то это объясняется отнюдь не тем, что Рузвельт «много дал» рабочим; благодаря своей реакционности и политической малоподвижности представители финансового капитала США считали излишними даже те ничтожные уступки рабочему классу, которые были сделаны Рузвельтом. Прodelав всю историю капитализма без массовых профсоюзов на основе «желтых собачьих контрактов», американский финансовый капитал трактовал как «революцию» установление системы коллективных договоров и формальное признание права профсоюзов на заключение этих договоров. Такова общая причина борьбы решающих групп финансового капитала против рабочего законодательства правительства Рузвельта» [8].*

У С. Далина также показано, что, кроме этой общей причины, имеется и целый ряд конкретных причин, вызвавших недовольство финансового капитала политикой NRA. Часть американской буржуазии, представителем которой являлся сенатор Роберт Вагнер, стремилась в борьбе против «революции отчаяния» опереться на рабочую аристократию и аппарат Американской федерации труда. Однако решающие группы американской финансовой элиты являлись противниками этого плана и сторонниками компанийских союзов. Эти группы буржуазии являлись также противниками государственного арбитража, потому что в условиях огромной безработицы рабочему можно навязать любые условия труда. Они являлись противниками запрещения детского труда, так как это наиболее дешевый труд. Они являлись противниками общественных работ из боязни инфляции и из боязни того, что строящиеся гидроэлектростанции будут конкурировать с незагруженными частными электропредприятиями или же что строящиеся автомобильные дороги будут конкурировать с железными дорогами. Все это вместе взятое явилось главной причиной бешеной борьбы

решающих групп финансового капитала против NRA. Под давлением этих групп финансового капитала правительство Рузвельта в июне 1935 г. отменило закон о максимуме часов работы и минимуме заработной платы.

Отмена NRA означала бы прежде всего рост безработицы вследствие удлинения рабочего дня, сокращение заработной платы и, под флагом оздоровления государственного бюджета, свертывание общественных работ. Нетрудно догадаться, к каким последствиям могли привести дальнейшая поляризация доходов и бесправие необеспеченных слоев населения, если бы Ф. Д. Рузвельт не запустил механизмы государственного перераспределения и не ввел налоги на сверхдоходы.

Однако, как отметил С. Далин в 1936 г., даже Американская федерация труда (АФТ) вынуждена признать провал «новой эры» в отношении ликвидации безработицы. Поэтому АФТ выступала с новой панацеей в виде требования установления 30-часовой рабочей недели при сохранении прежней заработной платы, то есть с требованием расширения системы полубезработицы. Но, во-первых, полубезработица не есть ликвидация безработицы, а лишь ее видоизмененная форма, во-вторых, такое сокращение рабочей недели до 30 часов вызвало бы новую рационализацию и повышение выработки на одном рабочем. Так что ликвидировать безработицу 30-часовой неделей не удалось бы. Эти положения настолько бесспорны, что их были вынуждены признать даже представители Американской федерации труда: «Эта новая аппаратура (новая рационализация) увеличит производительную силу рабочего и заменит труд; тогда необходимо будет дальнейшее сокращение часов работы в целях обеспечения работой всех даже в том случае, если промышленность вернется к нормальному положению» [9]. Таким образом, отрицая невозможность ликвидации безработицы в рамках капитализма, Американская федерация труда выступала с планами расширения системы полубезработицы, т. е. замены одной формы безработицы другой.

Несмотря на то что Ф. Д. Рузвельт, согласно рекомендациям Дж. М. Кейнса, принял решение о существенном увеличении госрасходов в 1938–1939 гг., постоянное увеличение налогового бремени на протяжении первого и второго его президентства привело к вытеснению частных

инвестиций, а поэтому оказало лишь несущественное влияние на макроэкономические показатели. Поэтому вряд ли можно было бы говорить об *экономических* успехах «Нового курса», если бы не вступление США во Вторую мировую войну.

«Новый курс» продолжает жить и после смерти Ф. Д. Рузвельта. Многие программы «Нового курса» стали частью политической структуры жизни последующих поколений американцев. Некоторые из этих проектов, такие, например, как Программа фермерских субсидий, требуют миллиардных затрат и не приносят никакой реальной выгоды. Но, естественно, как только появляется та или иная федеральная программа, пусть даже и абсурдная, занятые в ней чиновники встают на ее защиту; стремятся сохранить ее и те, кому программа предоставляет блага или льготы.

Таким образом, наследием «Нового курса» стало, с одной стороны, расширение федерального правительства; с другой стороны, снижение социальной дифференциации и увеличение доли среднего класса. Возможно, меры, предпринятые Ф. Д. Рузвельтом в рамках «новой эры», привели к замедлению экономического роста, но, несомненно, способствовали устойчивому развитию экономики США.

Литература

1. Сивачев Н. В. Франклин Рузвельт — президент действия и политический реалист (к 100-летию со дня рождения) // США — экономика, политика, идеология. 1982. № 1. С. 20–33.
2. Королькова Е. «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта: предпосылки, логика, результаты // Вопросы экономики. 1992 № 11. С. 72–81
3. Уткин А. И. Ф. Д. Рузвельт. М.: Издательская корпорация «Логос», 2000.
4. Рузвельт Ф. Д. Первая инаугурационная речь // Сайт: «История США в документах» // <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/fdr-pervaya-inauguracionnaya-rech.php>.
5. Samuel I. Rosenman, ed., The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt (New York) Random House, 1938), I, 760, 798
6. Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина // http://sharakshane.narod.ru/Roosevelt_page.htm
7. Мальков В. Л. Великий Рузвельт. М.: Эксмо, 2012. Гл. 4.
8. Далин С. Экономическая политика Рузвельта. М.: Государственное социально-экономическое издание, 1936.
9. «Monthly Survey of Business of the AFT». March 1935.

21st Century Global Economic Crisis: Relevance to the New Deal

SALEEM M. KHAN

E-mail: skhan@bloomu.edu

Operational practices of the 21st Century global economic crisis are grounded in constantly changing economic and political landscapes. Added to this climate are some elements of confusion and voracity of internal and external special interests. Another key factor in this episode is the current management of globalization, being conducted within the approaches of free trade and free markets. Modern macro-economic knowledge, and some of its theories, instruments and policies, applied in managing the complex situations are relatively new and untested, therefore, are not effective.

The current global economic crisis has to be examined in the light of the new challenges and changed economic and political climates over the past seven decades, since the crisis of the 1930s. In the new setup of political and business governance, combined with the power of internal and external interest, economic management has been subdued by myriad influences undermining the mechanics and power of market forces. Consequently, we have at our hands not only a one time crisis but a specter of perpetuity of economic shocks, especially without any prior warnings. My thoughts in this paper are organized in the sphere of economic and political analysis. The sequence is the following: return of the nineteenth century economic liberalism; New Deal, 1933–41, and its impact; Crash of 1929 and the Great Depression; 21st Century economic/financial crisis; and Summary and conclusion.

Nineteenth Century Economic Liberalism

Since the end of the Cold War, a concerted effort has been waged to transform the world economic order into a capitalistic globalization one, with special focus on the road map of free trade and a free market. Nobel Laureate economist Joseph Stiglitz has characterized it as a market fundamentalism. This trajectory is on the model of 19th century economic liberalism, a doctrine of free trade and economic freedoms; neo-liberalism is its new face. To tackle

the modern day economic crisis using the strategies of neo-liberalism, the instrument of free trade, privatization and deregulations have been applied. Reintroductions of the old remedies of the classical doctrine and its intellectual orientation have given in not only to the ancient mercantilist spirit but also to a new creed of materialism. Under the neo-liberal programs and policies due to the economic dominance of special interests, gains from free trade and the free market are not being fully realized. Notwithstanding the lessons of the Crash of 1929 and the Great Depression of 1930s that had brought the capitalist world to an abyss, it is ironic that the same old strategies have been rehabilitated. A new era of lopsided distribution of growth gains and rising inequalities point to the return of the gilded age.

Crash of 1929 and Great Depression

On October 29, 1929, the American Stock Market crashed. Its impact was of an historic event termed «Black Tuesday». This economic shock plunged the U.S. economy into a serious downturn and engulfed the world into a chronic slump. This was obvious from the interdependence of the global market system and its strong ripple effects turning the Crash into an international phenomenon and Great Depression. Both the people and the world economy were caught up in a stubborn spiral of economic slump and poverty.

The early period of capitalism and its success in the U.S. owed to capital investment activities of the entrepreneurial elite of the Rockefellers, Fords, Carnegies and colonial exploits. Shared private and public investment in development infrastructure, industry, and modernization of agriculture paved economic foundations of the U.S. economy. The same approach was also pursued in promoting human capital formation, and R&D. The result was rapid growth and enormous wealth creation. North America, Europe and Japan benefited from the shared investment efforts in both economic and social arenas. (Note 1) The emerging economic prosperity inspired interest in freedoms and knowledge.

The advent of economic renaissance and enlightenment energized peoples' political impulses and their struggle for liberty and freedoms came in the open. The evolving system of institution building, responsible governance and economic prosperity laid the foundations for rule of law and accountability in political governance. The revolutionary initiatives of economic foundations and social democracies required even more wealth. Additional wealth came from distant lands. In contrast to the revolutionary politico-economic changes in the empires, no significant events of democracy and economic foundations were obvious in the colonies. The developments at home did not go as planned either. The pillars of the gilded age strengthened as income disparities widened. Democratic aspirations were choked by the power of special interests and rising influences of lobbying regimes.

The discipline of economics was also changing. Innovations, advances and sophistication in modern economics were transforming it into a science parallel to natural sciences. This development in economic discipline prompted, as well as promoted, the beliefs in positive analysis (focus on the facts). From this professional-centered obsession the discipline remained deprived of normative values (value judgment). In this process purely materialistic pursuits and free market orientation have often depreciated the key goals of shared prosperity and social democracy. The ideals such as justice, fairness and prosperity under such pressures have been pushed back. This road map has encouraged «accumulation». Market trained economists and policymakers especially in the developing world fell into market mindset and even today continue to claim the ownership of this model. However, they have seen weakening market discipline, less convincing development outcomes and strengthening material mindset.

The much promised new world order of 21st century of democracy and freedom could not be realized because the material mindset has found strong allies among the elites of the politics, banking and finance. At this time two other events of significance were at work, deregulation and globalization. The deregulatory regime, which I will profile later in the paper, had exploded business mergers, and had helped establish «too big to fail» financial enterprises. The contemporary phase of globalization supported free trade under which export promotion thrived. This event created a glut of international savings and supply of cheap money, dragging interest rates down

to a low level of liquidity trap. Inflow of huge sums of money from surplus countries enabled the U.S. banks to take risks by investing it in more complex and less understood financial instruments. Financial investments in untested markets failed to make quick profits. Professor Annat Admati, Stanford University, makes a forceful argument that «the corruption associated with «too big to fail» guarantees are best handled by high equity requirements which force banks to face the full consequences of their decisions' (FT. Jan 20th, 2011). This was the beginning of the 21st century financial crisis and Great Recession, 2007–10.

New Deal, 1933–41 and Impact

The New Deal, 1933–40, of President Roosevelt is cited as a dynamic initiative that saved the day for the U.S. economy by most economists. It also pulled the world economy out of the Great Depression during the 1930s. Over the years there has been a continuous and significant debate, especially among professional economists, whether the New Deal was a major vehicle in the rescue of the world economy and in offering relief to the people affected by the Great Depression. The reviews reflect the ideological biases among the economists. There is a new debate whether remedies similar to the New Deal can guard the «new economy» from reoccurring global economic crises, present and future.

It is not unusual to expect from any economic shock, however big or small, that the people and economies often get affected. The Great Depression and the New Deal were big factors. Roosevelt wasted no time in facing the gigantic challenge of his presidency in March 1933. His immediate action was to rescue the people from misery and suffering, as his 1938 speech is emphatic in support of citizen-centered strategies.

In the words of President Roosevelt, in his address to the Congress in 1938:

Government has a final responsibility for the well-being of its citizenship. If private co-operative endeavor fails to work for the willing hands and relief for the unfortunate, those suffering hardship from no fault of their own have a right to call upon the government for aid; and a government worthy of its name must make fitting response.» (Polenburg, 2000).

Soon after taking oath in March 1933, to put his words into action, Roosevelt declared a four day

bank holiday. To free the U.S. from the constraints of international agreements, in April he opted out America from the interwar gold exchange standard. Several other measures were also taken to revive the financial sector and to stabilize it in the coming years. Three among them were particularly noteworthy. First was the intensification of activity of the Reconstruction Finance Corporation to supply large sums of needed liquidity. Second was the creation of deposit insurance to stop runs on banks (some 9,000 American banks failed between 1929 crash and the establishment of the FDIC in 1933). Third was the Securities Exchange Act of 1934 which established margin requirements. (Parker, 2007).

Other key steps taken to revive the economy were, i) The National Industrial Recovery Act (NIRA) enacted on June 6, 1933. It was designed to raise prices and wages to combat deflation. ii) The Agricultural Adjustment Act was enacted in 1933. Its goal was to reduce yield and raise prices in the farming sector. Other measures, iii) the Tennessee Development Authority, iv) the Public Works Administration, and v) the Federal Emergency Relief Administration and grants to states were adopted. There were additional steps taken such as enacting the Social Security Act and the National Labor Relations Act between 1933 and 1935. These Acts were considered central to job creation and to provide relief to the suffering citizens. It is widely recognized that these steps would reflect the Keynesian reconstruct of the macroeconomic thought enshrined in *The General Theory*, published in 1936. A combined package of economic programs, policies, and financial reforms are milestones of the New Deal. The New Deal was recognized as being hugely effective.

Professor Parker's review of research cited in his book, *The Economics of Great Depression*, confirms some of these conclusions:

The NBER business cycle chronology shows continuous growth from March 1933 until May 1937, at which time a 13-month recession hit the economy. The business cycle rebound in June 1938 and continued on its upward march to and through the beginning of the United States' involvement in World War 11. The recovery that started in 1833 was a welcome economic reversal with real GNP experiencing annual rates of growth around 10 percent between 1933 and December 1941, excluding the recession of 1937–38 (Romer, 1993).

Successive economic programs with social orientations, fiscal initiatives and banking/financial regulatory reforms were commissioned and sustained for over four decades. The longevity of economic health, economic performance and relief to citizenry that were achieved during the president's tenure were largely due to the economic relief package. Another key factor which came to prominence was the political will and presidential leadership of the successive U.S. administrations. The specific programs launched by «President Franklin Roosevelt's New Deal, President Harry Truman's Fair Deal, President John F. Kennedy's New Frontier, President Lyndon Johnson's Great Society, (and I must add President Jimmy Carter's Job Creation policies) and defended by President Bill Clinton, sharply limited the negative effects of economic downturns and poverty (De-Long, 2013).

Twenty First Century Economic/ Financial Crisis

Origins of the «Great Recession,» 2007–2010, can be traced to a number of political decisions by the U. S. Congress and fast moving economic events. Most instrumental among them were a chain of hastily enacted deregulations during the period between 1980 and 1999; accelerated pace of globalization; poor governance; and scandalous corporate behavior. The deregulatory period that started with the Monetary Act of 1980 ended with the Financial Services Modernizing Act of October 22, 1999. This process of deregulation scratched Regulation Q, cancelled the Glass-Steagall Act of 1933. A voided Glass-Steagall Act resulted in removing restrictions on the integration of banking, insurance and stock trading. The Glass-Steagall Act was one of the central pillars of Roosevelt's New Deal. Overall, holes in corporate governance and lack of official oversight are largely to blame.

Inadvertently the Congress had removed many restrictions from the financial institutions. In the wake of the Monetary Act of 1980 the U. S. Government had to deal with a massive Savings and Loan Crisis in 1982. Public funds over 200 billion dollars were paid to bail out U.S. banking industry to cover its huge losses and bad loans. Globalization's fast-tracked export-led expansion ((derive))) and increase in commodity prices led to massive surpluses for some countries and consequently to a glut of savings in the international markets. Party-based federal governance opened the doors for political

gridlock delaying or slowing critical economic decisions. A lax oversight allowed corporate excesses emerging in the accounting scandals in the early 2000s and the financial crises of the late 2000s (note 2). Under the U. S. Treasury's Troubled Assets Relief Fund (TARF) and Fed's Quantitative Easing (QE) program both the institutions used over two trillion dollars of tax payers' money to stimulate the economy and to rescue car industry, banks and Wall Street.

The questions currently being debated among the economists and policymakers are «what about the future?» Only determined political action of the kind exhibited by President Roosevelt in the New Deal initiatives that created economic relief programs and reconstruction of macroeconomic thought (Keynes) and reconstruction of economic and financial institutions can insure the long-term dynamism and stability of the U.S. economy, and protection to the citizenry against the loss of employment and income.

Before I draw my own conclusions on the crisis, its aftermath, and workable responses, I would like to quote several reputed macro economists and monetarists on the Subject. Professors Joseph Stiglitz and Paul Krugman are macroeconomists. Both of them are Nobel Laureates and strong supporters of economic stimulus and recommend policymakers to do much more in the way of fiscal expansion. Stiglitz had predicted the financial crisis and had forewarned of its adverse effects on the economy and the people. He is a critic of management of globalization and concerned about its potential of creating future crises. Krugman is a major rethinker of economic knowledge. His stance, in addition to fiscal expansion, is that currently the U.S. economy is in a liquidity trap and many of the rules of economics are in abeyance as long as the trap lasts. He argues that when the economy is in a monetary trap and ((sustained budget deficits))), for example, these conditions don't drive up interest rates and create inflation. Moreover, reducing government spending during the recession has negative effects on income and employment.

Paul Volcker and Alan Blinder are both monetarists. Paul Volcker, former Chairman of the Federal Reserve System, is credited for taming inflation in 1980s by using the instruments of tight monetary policy. He had brought inflation under control in 1980s and has recommended strong remedies for the current and future financial crises. He has argued that speculative activity played a key role in the

financial crisis. He is the author of the Paul Volcker Rule. The rule recommends a ban on proprietary trading by commercial banks, whereby deposits are used to trade on the bank's own account. This rule restricts the U.S. banks from making certain kinds of speculative investments that don't benefit their clients and can be instrumental in preventing the future financial crisis.

Alan S. Blinder is another well-known monetarist. In his recent book «After the Music Stopped» he has made detailed analysis and recommendations for financial reform:

In «After the Music Stopped: The Financial Crisis, the Response, and the Work Ahead, reviewed by Professor DeLong in Foreign Affairs,» Blinder frames his recommendation for reform in 10 commandments: three are addressed to the government and seven are addressed to financiers. The first set urges policy makers to remember that the cycle of profit, speculation, exuberance, crash, bankruptcy, panic, and depression has been a constant feature of industrial market economies since at least 1825; that self-regulations by financiers is a disaster; and that financiers should have very strong incentives not to walk up to the edge of defrauding the public. The second set of commandments exhorts financiers to remember that their shareholders are their real bosses, that managing and limiting risk are essential, that excessive borrowing is dangerous, that complex financial instruments are equally dangerous, that trading should be carried out using standardized securities in public markets, that the balance sheet is a picture of a firm's position and not a toy, and, finally that perverse compensation systems must be fixed... Mindful that his prescriptions might not take hold and that another calamity could well befall the economy. Blinder concludes his book by suggesting policymakers ought to act during the next crisis: they must focus on heading off risks before they materialize, communicate their policies clearly, make sure to distribute pain fairly, and never promise that there will be less pain than there will be (DeLong, 2013).

Two more concerned professionals have their take on the on-going economic and financial crises. Professor James Galbraith drawing on meticulous academic research comments on rising inequality. Financial analyst Gillian Tett of Financial Times cautions on the role of free marketers:

Galbraith maintains that the main source of growing inequality across the world in recent years has been not industrial change, educational reforms, or geopolitical shift but the financialization of the modern world. Gillian Tett, US Managing Editor of the Financial Times (Foreign Affairs, 2012), alerts that to pay homage to free markets in their political rhetoric, US policy makers must ensure that markets are truly free in the sense of being open and competitive. That means making finance dramatically more transparent and simple and ensuring financial institutions are small and self-contained enough to fail without bringing the entire system down. Without such market discipline, it is impossible to have efficient market system. Above all else, policymakers must prevent powerful cliques of bankers and banks from dominating the system for their own ends, skimming off outside margins because nobody else can work out what they are doing or because the barriers to entry are too high for anyone else to compete. And last but not least, governments should make sure the banks pay for the risk they pose to the system, or recognize the cost they could potentially pose, by imposing taxes or fees (Tett, 2012).

Summary and Conclusion

Romanticizing with the 19th contrary (century?) economic liberalism and considering it an effective remedy for the economic ills of modern economies, are off the mark as answers to the current challenges. Today's complicated economic relations, not so transparent business activities, citizen's activism and rising expectations of justice and fairness demand creative ideas and innovative approaches to today's challenges. In this regard, voices of the people, economists and social scientists should be the part of national debate and of official deliberations. The lessons learned from the New Deal and from the subsequent economic programs introduced by various administrations should be serious lessons. The making of the twenty first century world order, as was publicized and popularized in the last quarter of twentieth century pronouncements in statesmen's speeches, public forum discussions, media reporting must be allowed to become a reality.

The responsibility for change requires team work and a universal effort. In the edicts of the realpolitik and in the arena of democratic order, people are the bosses and have the duty of holding elected politicians accountable. In the corporate world

shareholders must assert their rights of ownership and direct the managers, those who work for them, to carry out the policies and tasks of the enterprise as dictated. Consumers have the power to control market forces through their inherent mastery of the market as Adam Smith has shown through «consumer's sovereignty.» It is obvious that if collective responsibility is not exercised then the game to bring needed change is seriously weakened. The democracies have so frequently experienced these effects.

To stabilize economies and put them on the path of sustained growth, high employment and incomes, poverty reduction programs, and to respect freedoms and fairness the following framework of short-term and long-term policies and programs can reinforce the current efforts:

First, reconstruction of the macroeconomic thought and institutional restructuring are critical to tackle complex economic problems. In this context an effort and boldness at the level exhibited by John Maynard Keynes in 1936 is an example worth emulating by the economists today. This is an effective way to counter stubborn constraints and to bring about a worthwhile socio-economic change.

Second, without a clear vision of the future and its challenges, all efforts end up in an «Alice in Wonderland» syndrome. A politician's horizon is short-termism and a politician's preoccupation with winning elections engages them in political manipulations. Managing the complex societal tasks and economic organization require a long view of the challenges and programs. Long-term approaches provide a clear view and plenty of time for rethink and deliberations.

Third, economic and financial regulatory reforms are critical, but they need fresh ideas and expert review. Experts should carefully evaluate the relevance and benefits of the existing rules and change them if redundant, outdated or resulting in high cost to the industry. New and efficient regulations should be enacted for each industry and economic activity. In making new regulations, politicians should proceed with caution and prudence. Good examples in this context are to pursue Paul Volcker rules and relatively high capital requirements by the commercial banks.

Fourth, an effective legal framework is a fundamental requirement for the efficient functioning of a market economy. In its absence or lax, enforcement of market's rules of the game and lack of government

oversight opens the doors of malpractices such as accounting scandals and inside-trading (Hubbard and O'Brian, 2010). In an effective legal framework regime, the world economy would have continued to grow fast and recent financial crisis and economic slowdown could have been avoided.

Fifth, a comprehensive social program for the young and the old and the unemployed is a pride of the modern societies. This is essential not only to preserve democratic ideals of human respect and dignity but also for the realization of a greater economic potential by a society. Adam Smith in *Moral Sentiments* has warned against injustice and social ills as damaging for the health of a society and economic growth.

Last, an efficient and responsible system of governance is must to create a healthy political and economic climate. The reigns of governance need to be freed from the tight grips of special interests and lobbyists. Responsible governance strengthens participatory political systems, holds the supremacy of the rule of law, and evolves social harmony. These ingredients indeed deliver a strong and stable economy and a happy and contented people.

Note:

1. The entrepreneurial success is a shared phenomenon between private and public investments. Early on the development efforts were waged in the today's industrially advanced countries by building development infrastructure in social and physical areas. In both these areas government played a key role in direct research and generous funding. In North America public investments in education, health services, energy and railroad were significant. In Europe these investments continue to date. Japan invested heavily in both areas starting in early 19th century. South Korea, Malaysia and China had a late start in this field and their economies are rapidly converging with the other developed countries. Recent history of the entrepreneurial success in the U.S. is due to government funding

R&D. Private business success would have been impossible without the active role of the government. For example, «The armed forces pioneered the internet, GPS positioning and voice activated «virtual assistants.» These inventions led to today's consumer-electronics revolution. Development of the Apple's smartphones became possible because of research in defense labs. Google's search algorithm was finance by a grant from the National Science Foundation. Pharmaceutical industry is a big beneficiary of state research and funding leading to many of the new age drugs (The Economist, August 31st 2013).

2. In the early 2000s, the top managers of the several large and well-known firms, including Enron, an energy trading firm, and WorldCom, a communications firm, were shown to have falsified the firm's financial statements in order to mislead investors about how profitable the firms actually were. Beginning in 2007 and lasting into 2009, the U.S. economy suffered the worst financial crisis since the Great Depression of 1930s. At the heart of the crisis was a problem in the market for home mortgages (Hubbard and O'Brian, 2010). Surplus supply of money in the world markets pushed down interest rates to their lowest, less than two percent and borrowing for all purposes increased.

References

1. DeLong, Bradford, (2013), *The Second Great Depression*, Foreign Affairs, July/August.
2. Financial Times, (2013), New York.
3. Hubbard Glen and Anthony O'Brian (2010). *Macroeconomics*, Prentice Hall, New York.
4. Parker, Randall (2007). «The Economics of the Great Depression». Edward Elgar, Cheltenham, UK.
5. Polenburg, R. (2000), *The Era of Franklin D. Roosevelt, 1933–1945*, Bedford/St. Martin's, Boston.
6. Romer, C.D. (1993), *The Nation in Depression*, Journal of Economic Perspectives, Spring.

«Новый курс» Рузвельта: способ преодоления великой депрессии или ее продления?

СТАНОВОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

аспирант кафедры «Инвестиции и инновации» Финансового университета

E-mail: stanovova17@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики «Нового курса». Анализируется влияние идей Кейнса на реформы Рузвельта. Приводятся взгляды различных авторов по поводу эффективности «Нового курса» и сделан вывод о том, что данная политика в целом все же способствовала восстановлению экономики США после Великой депрессии.

Ключевые слова: «Новый курс», Великая депрессия, государственное регулирование, инвестиции.

New course «Roosevelt: ways to overcome the Great Depression and its prolongation

STANOVOVA NATALIYA NIKOLAEVNA

Assistant to Chair «Investment and innovation» Financial University

Abstract. The article contains the main characteristics of the «New Deal». The author also analyses how Keynes's ideas influenced Roosevelt's reforms. The article considers scientists' outlooks about efficiency of the «New Deal». It is concluded that this policy helped to reconstruct of the USA's economy after the Great Depression. The author analyses how Russian government uses the experience of the reforms of the «New Deal».

Keywords: the «New Deal», the Great Depression, government regulation, investments.

Как известно, в 1930-е гг. США пришлось столкнуться с глобальным кризисом, одним из самых известнейших в экономической истории, — Великой депрессией. Кризис охватил всю экономическую систему США, и она оказалась в ужасающем положении: спад производства, инфляция, массовая безработица, крах фондового рынка и банковской системы. Необходимы были решительные действия, направленные на восстановление экономики страны, достижение докризисного уровня развития. Такие действия были разработаны и осуществлены в США в 1933–1936 гг. президентом Ф. Д. Рузвельтом. Проводимая Рузвельтом политика впоследствии получила наименование «Новый курс». Данный курс включал в себя комплекс реформ, направленных на восстановление различных сфер народного хозяйства — банковской, промышленности, сельского хозяйства, сферы занятости, бюджетной политики. Многие экономисты при рассмотрении теоретических основ «Нового курса» под-

черкивают влияние идей кейнсианской теории на политику американского президента. Хотя в то время, когда началось осуществление мероприятий правительства Рузвельта, основной труд Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» еще не был опубликован, многие положения его теории уже нашли свое воплощение в построении экономической системы США в 1930-е гг. В период проведения реформ «Нового курса» получила практическое применение идея о необходимости государственного регулирования экономики, являющаяся одним из центральных моментов в кейнсианской теории.

До появления теории Кейнса в основополагающих экономических учениях не придавали столь большого значения государственному регулированию экономики, считалось, что экономическая система обладает возможностью самостоятельного регулирования и восстановления за счет действия рыночных механизмов и экономических законов. Однако в теории кейнсианства было доказано, что

экономика страны не обладает всеми механизмами, способными справиться с возникающими трудностями в период спада. «Невидимая рука рынка» не всегда работает. Классический принцип невмешательства государства в экономику является неэффективным в период депрессии. В условиях кризисной ситуации государственное регулирование экономических процессов приобретает определяющее значение, поскольку от мер оказанной поддержки зависит не только скорость восстановления экономической системы страны, но и величина возможных потерь в результате кризиса.

Существуют различные точки зрения ученых на предмет того, насколько теория кейнсианства повлияла на реформы, осуществленные Рузвельтом. Одни считают, что американский президент полностью опирался на идеи данного учения. По мнению других, проводимая Рузвельтом политика во многом расходилась со взглядами ортодоксального кейнсианства, а в определенных моментах даже прямо противоречила ему. Некоторые ученые указывают на различия между теоретическими взглядами Рузвельта и теорией Кейнса по вопросу о необходимости государственного вмешательства в экономические процессы [1, с. 44].

Кейнс подчеркивает важность осуществления государственного регулирования экономики в период кризиса с целью преодоления ее депрессивного состояния. Правительство Рузвельта в период проведения политики «Нового курса» осуществляло непрерывное вмешательство в экономические процессы. Это было необходимо для преодоления негативных последствий, возникших в период Великой депрессии. Правительство США осуществляло особенно строгий контроль за деятельностью крупных корпораций. Целью данного контроля было предотвращение появления новых монополий. Рузвельт, вслед за Кейнсом, видел в распространении монополий одну из главных причин возникновения Великой депрессии. Правительство США разработало «кодексы честной конкуренции», предусматривающие правила деятельности в различных отраслях народного хозяйства. Данные кодексы позволили создать определенные правила деятельности организаций, обязывающие их соблюдать товарную и ценовую политику, обязательные нормативы, уровень обеспечения занятости.

Другая не менее важная идея кейнсианства — о необходимости обеспечения всеобщей занятости населения — также нашла свое практическое воплощение в реформах «Нового курса». Был создан ряд

трудовых лагерей, занимавшихся общественными работами, куда направлялись все безработные. В этот период получило значительное развитие социальное законодательство. В 1935 г., впервые в истории США, на федеральном уровне был принят закон о социальном обеспечении, в котором была разработана система пенсий и пособий по безработице. Для поддержки рабочего класса был принят закон Вагнера, регулирующий деятельность профсоюзов. Мероприятия в социальной сфере были направлены на снижение напряженности в стране и улучшение условий жизни наименее защищенных слоев населения.

В реформах «Нового курса» была практически осуществлена идея кейнсианской теории о необходимости стимулирования совокупного спроса населения посредством расширения объема государственных инвестиций. Кейнс подчеркивал необходимость увеличения государственных инвестиций с целью стимулирования экономической активности в стране, поскольку общий объем частных инвестиций после событий Великой депрессии был сравнительно мал для того, чтобы восстановить экономику страны [1, с. 45]. В результате осуществления инвестиционных вложений со стороны американского правительства в рамках политики «Нового курса» в стране было построено за счет государственных средств значительное количество объектов инфраструктуры, среди которых 480 аэропортов, 78 тыс. мостов, 780 больниц, 572 тыс. миль магистральных путей, а также свыше 15 тыс. школ, зданий суда и других общественных учреждений [2].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что такие основные идеи кейнсианства, как необходимость государственного вмешательства в экономику и регулирование происходящих в ней процессов, обеспечение всеобщей занятости населения, увеличение государственных инвестиций с целью стимулирования экономического развития страны, нашли свое отражение в политике американского президента и были проведены на практике.

Реформы в рамках «Нового курса» не были подготовлены заранее. Они осуществлялись в ответ на события Великой депрессии в целях недопущения дальнейшего развития кризиса в США. В разработке мероприятий приняла участие группа ученых Колумбийского университета, которая была сформирована Рузвельтом в те времена, когда он был губернатором штата Нью-Йорк. Эта группа получила неофициальное название «мозговой трест» [3].

В настоящее время нет единого мнения ученых по вопросу эффективности мероприятий «Нового

курса», их роли в преодолении последствий Великой депрессии. Некоторые экономисты придерживаются мнения, что политика Рузвельта несколько не способствовала восстановлению экономики страны, а наоборот, еще сильнее усугубила и без того затяжной кризис. В качестве примера можно привести результаты опроса 180 экономистов, проведенного в 1980-е гг. американским исследователем Р. Уэпплом: половина опрошенных поддерживали мнение о том, что «Новый курс» явился причиной увеличения периода Великой депрессии в США [1, с. 45]. Экономисты Х. Коул и Л. Оханиан, занимавшиеся исследованиями причин возникновения и развития Великой депрессии, пришли к выводу, что если бы администрация Рузвельта не предпринимала меры по сдерживанию конкуренции, то экономика США достигла бы уровня восстановления 1939 г. на пять лет раньше.

Джим Пауэлл, старший научный сотрудник Института Катона, подчеркивает неэффективность политики американского президента, показывая негативные последствия проведенных реформ, и считает, что осуществленные мероприятия привели к дальнейшему усугублению кризисной ситуации и полной разрухе в стране. Он обвиняет правительство Рузвельта в допущении банкротства крупнейших банков, увеличении масштабов безработицы, застое сельского хозяйства и невозможности осуществления свободной предпринимательской деятельности вследствие принятия ограничительных мер [4].

Б. Фолсом в своем исследовании также стремится показать несостоятельность мероприятий «Нового курса» Рузвельта, их несогласованность между собой. Он считает необоснованным увеличение государственных инвестиций и одновременное увеличение объемов налогообложения в стране [5]. Таким образом, многие исследователи Великой депрессии, в том числе американцы, приходят к выводу о том, что «Новый курс» способствовал увеличению продолжительности кризиса, и многие реформы этого курса оказались провальными.

Рузвельт получил значительное количество обвинений в том, что его правительство слишком жестко регулировало деятельность крупных корпораций, ограничивая возможность осуществления их действий с целью предотвращения монополий. Его критиковали за попытки осуществления полного контроля за банковской системой страны, а также за расходование значительного объема государственных средств с целью поддержки безработных и малоимущих слоев населения. Рузвельта, а вместе с ним и Кейнса, многие подозревали в приверженности социализму.

Российские исследователи при рассмотрении итогов проведения мероприятий правительства Рузвельта в большей степени стараются выделить их положительные результаты и найти возможность применения разработанных американским президентом рецептов для стимулирования развития экономики нашей страны. Например, В. Г. Наймушин рассматривает политику «Нового курса» как эффективное средство спасения экономики США от разрушительных последствий Великой депрессии, а также считает, что Рузвельт создал экономическую базу, необходимую для дальнейшего развития демократических институтов США [1, с. 48].

Несмотря на обозначенные выше критические высказывания ученых о мероприятиях «Нового курса», необходимо отметить, что полученные результаты способствовали восстановлению экономики США, пусть и не очень быстрыми темпами. Реформы коснулись практически каждой сферы хозяйствования, были направлены на устранение существующих проблем, мешающих устойчивому развитию страны. Правительство США предоставило значительный объем заимствований из федеральной резервной системы для наиболее крупных и устойчивых банков. Также были проведены мероприятия по девальвации национальной валюты с помощью курсовых разниц в цене закупаемого золота, обеспечено государственное страхование вкладов. Данные мероприятия помогли восстановить кредитную систему страны, избежать банкротства банков, массового изъятия вкладов. Восстановлению аграрного сектора экономики способствовало принятие в 1933 г. закона о регулировании сельского хозяйства, который ввел меры стимулирования для небольших крестьянских хозяйств, поощряя сокращение посевных площадей и уменьшение поголовья скота. Применение этого закона позволило стабилизировать цены на сельскохозяйственную продукцию, а также избежать массового разорения фермерских хозяйств.

Правительством Рузвельта также были осуществлены мероприятия, направленные на решение проблем, существовавших задолго до возникновения Великой депрессии, в частности проблемы расизма. В результате на афроамериканцев стала распространяться часть правительственных программ. Хотя проблема расизма не была решена полностью, принятые меры способствовали снятию социальной напряженности в обществе.

Комплекс реформ, охвативших практически все существующие в то время сферы хозяйствования и учитывающих особенности конкретной страны

(в частности, это касается реформ для афроамериканцев и реформ по восстановлению промышленности, обеспечению существования «кодекса честной конкуренции») в сочетании с грамотным регулированием происходящих процессов со стороны государства привел США на путь восстановления экономики. Реформы, осуществленные Рузвельтом в рамках «Нового курса», помогли экономике США если не справиться с трудностями Великой депрессии, то обрести некую почву, фундамент для развития экономики страны после кризиса.

Восстановление американской экономики происходило в течение нескольких лет. Длительный срок восстановления не означает неэффективность политики «Нового курса». Проведенные в рамках данной политики реформы были направлены на решение ключевых экономических, социальных и политических проблем, а также помогли избежать наиболее опасных последствий депрессии, таких как коллапс кредитной системы, разрушение аграрного сектора, забастовки, массовая безработица и голод, истощение производительных сил и разрушение производственных отношений в стране. Учитывая всеобъемлющий характер реформ правительства Рузвельта, которые охватили практически все сферы экономики, необходимо также отметить социальную направленность политики американского президента. Именно в период осуществления «Нового курса» произошел небывалый прорыв в сфере социального законодательства, и в результате законодательную поддержку получили беднейшие и наиболее угнетенные слои населения страны.

Великая депрессия была внезапной болезнью, поразившей всю экономику, как поражает всякий масштабный кризис. В данном случае не имеет существенного значения то, насколько быстро произойдет восстановление экономической системы страны. Важно, чтобы восстановительные процедуры были тщательно разработаны, связанные с ними риски оценены и устранены. В политике Рузвельта все действия были продуманы до мелочей, несмотря на то что это не был заранее тщательно спланированный комплекс мероприятий. Все реформы были оперативно подготовлены и внедрены в различные сферы экономики, государственный контроль за происходящими процессами в экономике способствовал ее наиболее быстрому выздоровлению.

В настоящее время все большее число экономистов и историков проявляют интерес к реформам «Нового курса» Рузвельта, а также к лежащим в их

основе идеям кейнсианской теории. Экономические кризисы, которые произошли в различных странах после событий Великой депрессии в США, показали неспособность правительств этих стран справиться с возникающими экономическими трудностями. В качестве примеров можно привести банковские кризисы в Латинской Америке 1980-х гг., дефляционный кризис в Японии, события которого во многом схожи с событиями во времена Великой депрессии в США, а также кризис в США в 2007 г., в результате которого произошли крах американского ипотечного рынка и падение фондового рынка. Эти события поразили всю мировую экономическую систему и повлекли за собой падение производства, массовую безработицу, банкротство крупнейших банковских структур в США, и многие экономисты в поисках выхода из кризисной ситуации обратились к опыту правительства Рузвельта.

Таким образом, в начале XXI в. снова приобрели актуальность вопросы о необходимости вмешательства государства в происходящие в экономике процессы, о расширении государственных инвестиций, о проведении реформ различных сфер хозяйствования для стимулирования развития экономики. Например, в 2008–2009 гг. в качестве антикризисных мероприятий правительством России была осуществлена поддержка ряда крупнейших банков страны, введена система страхования вкладов населения. Эти меры способствовали сохранению банковской системы страны, а определяющую роль в преодолении трудностей депрессии снова взяло на себя государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наймушин В. Г. Уроки Великой депрессии для современной России // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). 2009. Т. 7. № 2.
2. Roubini N., Mihm S. Crisis economics: a crash course in the future of finance / Allen Lane. Penguin Books Ltd., 2010. С. 161.
3. 100 человек, которые изменили ход истории // Де Агостини. 2009. Вып. № 86. С. 20.
4. Powell J. How FDR Prolonged the Great Depression // Cato Policy Report. 2003. July – August.
5. Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию / пер. с англ. А. Плисецкой под науч. ред. А. Куряева. М.: Мысль, 2012. С. 22.

Роль личности и «команды» в борьбе с мировым экономическим кризисом

КСЕНЗОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

канд. ист. наук, доцент Белорусского государственного экономического университета, Минск, Республика Беларусь
E-mail: sksenzov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются примеры комплексной антикризисной политики в разные периоды новейшего времени в России и США. При характеристике деятельности С. Ю. Витте с целью недопущения углубления кризиса 1900–1903 гг. проводится анализ причин усиления контроля за банковской системой России. Изучен вклад Ф. Д. Рузвельта и его «мозгового треста» в противодействие Великой депрессии в 1930-е гг. Действия администрации Барака Обамы в 2009 г. исследуются с учетом использования им предыдущего опыта. При сравнении трех примеров антикризисной политики сделан вывод об их общих чертах и о специфике каждого из них.

Ключевые слова: антикризисная политика, антикризисное регулирование, экономический кризис, финансовый кризис.

The role of person and «command» in the struggle against the world economic crisis

SERGEY VLADIMIROVICH KSENZOV

Candidate of Science in History, Associate Professor, Belarus State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. We analyze Mr. Vitte's anti-recessionary policy aimed at preventing the deepening of the 1900–1903 economic crisis and the reasons for strengthening of the control over Russia's bank system. Further on, we review Mr. Roosevelt's personal contribution and that of his «Brain Trust» to the anti-recessionary regulation of the Great Depression. 2009 actions of Mr. Obama's administration are investigated from the perspective of the previous experience. We emphasize the totality of the recent approach to crisis, which translates into the realization that the previous experience is heavily relied on and is being used in the modern practice of anti-recessionary regulation.

Keywords: anti-recessionary policy, anti-recessionary regulation, economic crisis, finance crisis.

Роли личности в истории посвящены многочисленные исследования, в которых присутствуют два противоположных подхода. Субъективный подход превозносит личностный фактор, смакует те или иные яркие эпизоды поведения лидера, теоретика, ученого. Объективный подход, напротив, рассматривает деятельность личности всесторонне, отмечая различные обстоятельства, на которые даже самая выдающаяся личность не смогла бы повлиять, и подчеркивая то, что она реально сделала. Следует признать, что в оценке личности всегда будет присутствовать субъективизм, но объективный подход должен

доминировать, если ученый хочет приблизиться к истине.

В данной статье на основе объективного подхода будет проанализирована роль трех личностей в новейшей экономической истории — Сергея Витте, Франклина Делано Рузвельта и Барака Обамы. Мы сконцентрируем внимание на эпизодах, связанных с борьбой этих лидеров с мировыми экономическими кризисами 1900–1903, 1929–1933 и 2008–2009 гг. Как короля делает свита, так и министра или президента «делает» его окружение в лице работников государственного аппарата и личных советников. В данном случае

нас интересуют «команды» их экономических советников, которые разрабатывали антикризисные программы.

С. Ю. Витте – незаслуженно забытый реформатор

Деятельность С. Ю. Витте оказалась во многом заслоненной реформами П. А. Столыпина. Однако работа Витте хотя и не сравнима по своему значению со столыпинскими институциональными изменениями, однако определенно заслуживает внимания историков-экономистов¹.

Летом 1899 г. в России разразился финансовый кризис. Банкротство многих предприятий повлекло за собой серьезные убытки ряда банков. Вместе с тем возрос спрос на деньги вкладчиков. Банки стали воздерживаться от кредитования предприятий, в том числе промышленных, повсеместно начал ощущаться недостаток свободных денежных средств. Напряжение на денежном рынке продолжало усиливаться и к концу 1899 г. стало особенно острым. Кредит резко вздорожал, Государственный банк поднял учетную ставку, курсы акций на бирже стали падать.

В начале XX в. только в Петербурге «ввиду полной несостоятельности» закрылись банкирские конторы С. А. Никитина, «Печенкиной и К^о», «Наследников А. П. Андреева», Шнакенбурга, Грабовского, Зингера, Де-ла-Фара, Альванга, Кутузова, Блокка, Трапезникова, Озерова, Климова, Полуэктова и др. Причиной большинства банкротств была неудачная спекулятивная игра на бирже [11]. Массовые банкротства начала 1900-х гг. были несомненным следствием начала мирового экономического кризиса, причем впервые в истории эпицентр кризиса находился в России. Бурный экономический рост России «перегрел» ее экономику.

Во многом перегреву российской экономики способствовал спекулятивный капитал, сформировавшийся в ходе послереформенного развития.

¹ Деятельность С. Ю. Витте в период 1900–1903 гг. рассматривается в работах Б. В. Ананьича, И. Ф. Гиндина, А. П. Корелина, В. Д. Лебедева, П. В. Лизунова, А. А. Фурсенко [1–3, 14, 5–12]. Интересны — при критическом подходе к их использованию — также мемуары В. Гурко и Н. Врангеля. В качестве первоисточника предмета исследования можно было бы использовать «Воспоминания» С. Ю. Витте [13], но мемуарист практически не затронул вопросы своей борьбы с экономическим кризисом 1900–1903 гг., сосредоточившись на описании интриг царского двора. Вследствие этого более глубокий интерес представляют доклады С. Ю. Витте царю в период кризиса [14–16].

Для С. Ю. Витте как министра финансов России наибольшие проблемы создали спекуляции не мелких банкиров, перечисленных выше, а крупных. Наибольший резонанс антикризисная деятельность С. Ю. Витте получила в ходе санации банкирского дома Лазаря Полякова.

Выходец из Орши Л. С. Поляков к 1900 г. создал промышленно-торговую банковскую систему, ключевая роль в которой принадлежала его московским банкам. Крах системы начался с финансовых проблем Товарищества промышленности и торговли в Персии и Средней Азии. Убытки Товарищества покрыл Московский международный торговый банк, а затем в процесс покрытия долгов были втянуты предприятия и банки не только Лазаря Полякова, но и его братьев Самуила и Якова. Снежный ком финансовых проблем накрыл империю братьев Поляковых в конце XIX в. Л. С. Поляков обратился за помощью к Государственному банку, прося о выдаче ему от 4 до 6 млн руб. под акции Московского международного торгового, Южно-Русского Промышленного, Орловского Коммерческого и Петербургско-Московского банков [1, с. 86–92].

Эти события привлекли внимание Министерства финансов и самого С. Ю. Витте к банкирскому дому и предприятиям Л. С. Полякова. Летом 1900 г. Витте докладывал Николаю II о «весьма шатком положении банкиров Поляковых» и о своем беспокойстве за судьбу их банков. В связи с начавшимся резким колебанием цен ценных бумаг на петербургской бирже Министерство финансов 20 октября 1899 г. образовало синдикат из крупных банков и банкирских домов для вмешательства в биржевую конъюнктуру и регулирования цен во главе с Государственным банком с капиталом в 5,5 млн руб. [18].

Осенью 1901 г. С. Ю. Витте подготовил специальный доклад Николаю II о необходимости принятия мер к спасению банков Поляковых. По его сведениям, задолженность Л. С. Полякова к 1901 г. составляла по векселям и ссудам около 41 млн руб. и под недвижимость 2 млн руб. Все имевшиеся у Полякова ценные бумаги были заложены, а в личности оставались только бумаги, не имевшие цены. «Всякое более или менее крупное требование кредиторов о сокращении задолженностей» могло «привести Полякова к банкротству». «Хотя в числе этих кредиторов, — писал Витте Николаю II, — есть вкладчики, доверившие Полякову до 3,3 млн руб., тем не менее я считаю недопустимую

выдачу Полякову средств для расчета с кредиторами или для поддержания принадлежащих ему промышленных предприятий, так как подобная выдача угрожала бы серьезными убытками Государственному банку» [16, с. 213]. По мнению министра финансов, приостановка платежей банками Л. С. Полякова не только разорила бы множество вкладчиков, разбросанных по всей России, но и нанесла бы сильный удар всему частному кредиту, подорвав и без того пошатнувшееся доверие к частным банкам. Витте считал, что неспособность банков выплачивать дивиденды в прежнем размере и сокращение доходов Полякова как главного акционера неминуемо должны были повлечь за собой приостановку ими платежей.

Тем не менее С. Ю. Витте принял решение открыть банкам Л. С. Полякова чрезвычайный кредит и ввести вплоть до 1904 г. в состав их правлений представителей Министерства финансов. Это решение поддержать в период кризиса крупнейшие банки России, которые принадлежали еврейскому капиталу, далось С. Ю. Витте нелегко. Хорошо ориентируясь в придворных интригах и зная об антисемитизме Николая II, он занимал осторожную позицию. При этом он испытывал серьезное давление как со стороны антисемитского окружения царя, так и со стороны еврейских банкиров, включая крупнейших американских банкиров и французских Ротшильдов. Именно это давление плюс понимание макроэкономических последствий крушения крупных банков и привело Витте к выводу о необходимости санации банков Полякова.

Несколько иной характер носила деятельность С. Ю. Витте в деле санации Харьковского земельного банка — первого ипотечного банка в России. 7 мая 1901 г. владелец этого банка А. К. Алчевский бросился под поезд. Человек, еще вчера считавшийся миллионером, «оставил после себя имущества на 150 тыс. при задолженности в 19 млн» [1, с. 113]. 13 июня 1901 г., в день завершения ревизии Харьковского земельного банка, министр финансов подготовил представление в Комитет министров об упорядочении дел банка. В нем Витте подчеркивал, что средства Земельного банка (не только свободные, но и те, что были необходимы для погашения его срочных обязательств по оплате купонов и вышедших в тираж закладных листов) в общей сумме почти на 5,5 млн руб. были помещены в Харьковском торговом банке, оказавшемся несостоятельным. Харьковский земельный

банк понес убытки по своим обычным операциям в размере 785 475 руб. По подсчетам министра финансов, разница между обязательствами банка и его средствами определялась в сумме до 7,5 млн руб. Однако, поскольку предстоял «перевод одной краткосрочной ссуды, числившейся на большом земельном имуществе, из Харьковского земельного банка в Государственный банк» с выдачей под это имущество промышленной ссуды в размере 1 млн 500 тыс. руб. с процентами, то Витте считал недостаточным открыть Харьковскому земельному банку кредит в размере 6 млн руб., чтобы он мог рассчитаться по своим срочным обязательствам [1, с. 113–114].

Министерство финансов и Комитет министров проявили завидную оперативность, вытаскивая из кризиса Харьковский земельный банк, хотя всего за месяц до этого не пошевелили пальцем, чтобы спасти его от несостоятельности, отказав в поддержке А. К. Алчевскому. Заявление С. Ю. Витте о готовности финансировать новое правление банка было связано с тем, что после санации Харьковский земельный банк передавался в руки влиятельного московского торгового дома братьев Рябушинских. Передав банк в руки вызывавших доверие старообрядцев Рябушинских, Министерство финансов последовательно продолжало оказывать им необходимую помощь. Уже к середине 1902 г. Харьковский земельный банк вышел из кризиса и начал заниматься регулярными операциями.

Как таковой «команды», формировавшей российскую антикризисную программу, у С. Ю. Витте не было. Да и продуманной программы тоже не было. Виттевская борьба с экономическим кризисом — это набор действий на основе прагматичного анализа конкретных проблем. Известно, что С. Ю. Витте принимал решения в основном на основе советов Адольфа Ротштейна, который вместе с Витте был одним из главных теоретиков денежной реформы. Первоначально экономическим советником Витте был профессор политической экономии Киевского университета Афиноген Яковлевич Антонович (1848–1917), который стоял за развитие торговли и промышленности посредством увеличения количества денежных знаков, обращающихся в стране. Для этого Антоновичем был переработан устав Государственного банка, согласно которому банку предлагалось значительно расширить свою деятельность в области выдачи ссуд как крупной, так и мелкой

промышленности. Однако, едва устав получил силу закона, Витте изменил свое отношение как к вопросу о кредитном денежном обращении, так и к самому защитнику бумажных денег Антоновичу. Именно здесь проявились в полной мере финансовые способности Витте. Он необычайно быстро разобрался в мало знакомой ему до тех пор области и не остановился перед решительным изменением своей первоначальной политики, причем расстался с Антоновичем. Последнего в качестве советника по финансовым вопросам заменил А. Ротштейн.

Рассказывая о методах работы министра финансов, один из авторов аграрной реформы 1906 г. В. И. Гурко отмечает, что «... Витте был в апогее своей власти и не стеснялся осуществлять задуманные им меры вопреки всем и вся с нарушением нормального порядка, путем использования неограниченной власти самодержца. Способ этот для самого Витте был отнюдь не безопасный, так как не только возлагал всю ответственность за принятые решения на него одного, но и возбуждал против него весьма влиятельные круги. Надо отдать справедливость Витте, перед этой опасностью он не останавливался, рискуя тем самым подорвать и даже утратить свое положение. Но в то время власть для Витте была не целью, а лишь способом осуществления своих творческих замыслов, полем для приложения своих недюжинных сил» [18].

Роль А. Ротштейна при С. Ю. Витте чем-то напоминает положение Б. Березовского при Б. Ельцине. Министр часто прибегал к его советам, так как не разбирался в конкретике банковского дела и финансового рынка. При этом банкир использовал свое положение советника в личных целях. Крупный российский предприниматель Н. Врангель в мемуарах так охарактеризовал А. Ротштейна: «Мне редко приходилось встречать столь умного человека. Русского языка он не понимал, России не знал, о русских законах не имел понятия, но чутьем отлично постигал промышленные нужды страны и, не откладывая в долгий ящик, действовал. Людей он видел насквозь и умел, смотря по человеку, обходиться с ним: с одними был нахален и дерзок до бесстыдства, с другими — изысканно вежлив и добродушен... Ротштейновские парадные обеды славились в Петербурге. Они напоминали табльдоты Лондона и Парижа. Тут были и министры, и посланники, и разные дельцы, и государственные люди, и известные

европейские банкиры, и мужчины, и дамы, никому не ведомые» [19].

При С. Ю. Витте государственное вмешательство в экономическую и финансовую жизнь страны возросло. Проведенная Витте реформа Государственного банка превратила его в один из важнейших органов контроля над денежным обращением и всей кредитной системой страны. Витте настоял на предоставлении Министерству финансов права надзора за банками и, в зависимости от результатов надзора, права применять в отношении них необходимые меры. Министерство финансов получило право запрашивать банкирские заведения о состоянии дел и в случаях, когда представленные ими объяснения были недостаточными, проводить ревизии и на их основании запрещать те или иные операции.

Таким образом, меры, предпринятые С. Ю. Витте до кризиса 1900–1903 гг., помогли российской экономике перенести его достаточно легко. Финансовый сектор пострадал больше всего. Во многом это связано с тем, что мелкие и крупные банки на фоне благоприятной конъюнктуры получали сверхприбыли за счет биржевой игры. Но кризис быстро все расставил по своим местам. Мелкие спекулятивные банки разорились, а крупным банкам, допустившим убытки по причине спекуляции ценными бумагами, государство оказало поддержку. Причем именно Витте инициировал оказание государственной помощи банкам, так как это позволяло сохранить банковскую систему и не допустить сильного спада в реальном секторе экономики.

Ф. Д. Рузвельт — самый успешный реформатор

Ф. Д. Рузвельт, который приступил к исполнению президентских обязанностей в 1933 г., стал символом экономической политики, известной как «Новый курс». Мероприятия этой политики носили эмпирический и прагматический характер и опирались на банковские и финансовые реформы. Финансовые реформы администрации Рузвельта были нацелены на сокращение государственных расходов и рост доходов. Государственное предпринимательство было связано с управлением проектом долины реки Теннесси для строительства каскада ГЭС. Государство профинансировало фермерскую задолженность, а также стало активно кредитовать сельскохозяйственных производителей. Кроме того, прекра-

щались продажа разорившихся ферм с аукциона, проводилась организация общественных работ и трудовых лагерей.

Важную роль в разработке программы антикризисного регулирования сыграла команда экспертов президента Ф. Д. Рузвельта, которую составляли профессор Колумбийского университета Рэймон Моли, Рексфорд Тагвелл и Эйдольф Бёрли. Теоретические разработки этой группы, больше известной как «мозговой трест» («*Brain Trust*»), не только легли в основание реформистского ядра идеологии «Нового курса», но и заложили традиции американского и мирового административно-политического консультирования и антикризисного управления.

Сформировав весьма основательную идеологическую и социально-экономическую концепцию программ «Нового курса», Тагвелл и Бёрли сумели провести глубокие по содержанию аналитические исследования, результаты которых и были использованы Рузвельтом при принятии решения о начале «Нового курса». Благодаря модернизации идеологической концепции американского либерализма, консультанты создали позитивное диалоговое поле между своим заказчиком и общественностью. Именно это укрепило благожелательное отношение к Рузвельту со стороны большинства американцев. Отношение Рузвельта и профессоров Колумбийского университета к существовавшим в то время антикризисным концепциям (в частности, теории Чейза—Дагласа и позднее появившейся кейнсианской доктрине) определялось прагматическим подходом — возможностью использовать идеи данных теорий при создании «трестовской» антикризисной программы.

С началом выхода из кризиса прямое вмешательство государства в экономику сокращается, но в 1935 г. принимается Закон о социальном страховании, который вводит обязательные пенсии по старости и пособия по безработице. Страховые фонды формируются за счет отчислений с прибыли предприятий и заработной платы работников. Полностью восстановить экономику США накануне войны не удалось, поскольку этому помешал кризис 1937 г. Осуществление программ экономического и социального регулирования потребовало существенного роста государственных расходов. Это, в свою очередь, вызвало резкий рост налогообложения. Несмотря на то что прямое государственное

вмешательство в экономику США больше не повторялось в подобных масштабах, роль государства в регулировании экономических процессов уже никогда не сократится до того минимального уровня, каким оно было в эпоху свободной конкуренции.

Идеологическое обеспечение «Нового курса» Рузвельт провел мастерски. В комнате на первом этаже Белого дома, где был камин, президент сидел перед микрофонами ведущих радиостанций и начинал беседу. Он умел создавать убеждение у слушателей, что относится к ним как к своим друзьям, говорил простым, понятным языком, не скрывая трудностей. Его слушали десятки миллионов американцев. Они воспринимали слова президента как обращение к ним персонально и как к нации в целом.

С 1933 г. по 6 января 1945 г. Рузвельт 31 раз выступал по радио. По свидетельству очевидцев, беседам предшествовала тщательная подготовка — регулярное знакомство с письмами американцев, отслеживание реакции прессы. Выступления по радио позже составили сборник «Беседы у камина» [19]. В них говорилось о конкретных законах по реализации «Нового курса», а также о действиях США в ходе Второй мировой войны. У Рузвельта сложились открытые отношения с прессой. Он не уходил от поставленных вопросов, проявлял знание обстановки и объяснял подоплеку принятых решений, умел пошутить, быстро найти остроумный ответ. Ни по количеству, ни по качеству пресс-конференций с ним не мог сравниться ни один из его предшественников.

«Беседы у камина» показывают, какие трудности возникали при осуществлении «Нового курса» — и в Конгрессе, и в Верховном суде, и со стороны бизнеса, и внутри демократической партии, и во внешней политике. Но у Франклина Делано Рузвельта было сильное «оружие» — деловое и откровенное общение с народом. Он создавал стойкое убеждение, что его правительство не противостоит народу, а выполняет его волю, отзывается практическими делами на нужды и заботы людей. Такая политика коренным образом изменяла взгляды американцев на роль правительства, звала к сотрудничеству, к совместным действиям. В этом отношении личностный фактор Рузвельта сыграл в антикризисной борьбе ключевую роль, это сильно отличает его политику от аналогичных действий Витте и Обамы.

Барак Обама – современный реформатор

Администрация Барака Обамы пришла к власти в период, когда кризис в США, начавшийся как ипотечный, а затем финансовый, не только «перетек» в реальный сектор, но и стал глобальным. Многие эксперты стали сравнивать его с Великой депрессией. И хотя такое сравнение по многим параметрам некорректно, кризис 2008–2009 гг. является наиболее сильным за послевоенный период.

Кризис спровоцировала спекуляция на ипотечном рынке. Руководство банка «Леман Бразерс» (*Lehman Brothers*) начало переговоры с американскими властями с предложением национализировать банк, чтобы спасти его от разорения. Однако ни ФРС, ни Государственное казначейство США не захотели этого делать, как это накануне было проделано с ипотечными фирмами «Фэнни Мэй» (*Fannie Mae*) и «Фредди Мак» (*Freddie Mac*). Таким образом американские чиновники решили проучить топ-менеджеров, которые надеялись, что любые свои ошибки смогут исправить за счет государственной поддержки. Разорение должно было заставить остальных работать более ответственно. Многие агентства и газеты цитировали слова министра финансов США Генри Полсона: «Для формирования дисциплины на рынке и эффективного сдерживания рисков мы должны позволить финансовым компаниям разоряться. Набор наших инструментов сейчас ограничен». Совершенно очевиден и личный конфликт между президентом «Леман Бразерс» Ричардом Фалдом и министром Полсоном.

Из программ восстановления финансовой стабильности администрации Обамы следует отметить план выкупа плохих активов, для чего совместно с частными инвесторами государством был создан ряд инвестиционных фондов. США пошли на такой шаг, как проверка балансов крупнейших банков с активами более 100 млрд долл., получивших государственную помощь. Открытое заключение о состоянии этих банков помогло успокоить инвесторов.

Основным столпом антикризисного плана Б. Обамы стало принятие Закона о восстановлении экономики и реинвестировании (*American Recovery and Reinvestment Act of 2009*) [21]. В нем первоочередными задачами финансируемых программ являются стимулирование спроса и создание новых рабочих мест. Важным направлением считается обеспечение инвестиционного процесса с целью

роста эффективности путем стимулирования технологического прогресса. Инвестирование в инфраструктурные проекты также выделено в акте в виде приоритета. Стабилизация государственного и местных бюджетов и предотвращение роста налогов стали еще одной задачей администрации Обамы, согласно акту 2009 г. В документе подчеркивается, что президент и правительство должны разумно использовать предоставляемые средства так быстро, насколько это возможно [21].

Социально-экономическая программа Обамы, объявленная как антикризисная, тем не менее ориентирована на среднесрочные временные рамки. В ней применен комплексный подход, усовершенствованный со времен Ф. Д. Рузвельта. Кроме собственно финансовых мер по спасению банковской системы, в акте 2009 г. задекларированы меры по финансированию сельского хозяйства, науки, торговли, энергетического сектора, оборонных отраслей, транспорта и городского хозяйства, защиты окружающей среды, образования, здравоохранения, помощи ветеранам войн, безработным, медицинского страхования.

Главными идеологами и организаторами исследований при разработке «плана Обамы» выступили Лоуренс Саммерс, Тимоти Гайтнер, Кристина Ромер и Мелоди Барнз. Министру финансов Т. Гайтнеру досталась роль громоздкого, аккумулятора всестороннего недовольства финансово-экономической политикой администрации. Он имеет репутацию «человека Уолл-Стрит», тесно связанного с финансовыми кругами. Гайтнер уравнивал в «мозговом тресте» Обамы когорту академических экономистов, которым президент отдал посты в совещательных и консультативных органах. Как это ни парадоксально звучит, Гайтнер был призван обеспечить определенную преемственность в экономических стратегиях администрации Буша и администрации Обамы. «Я искал лидеров, которые могут предложить как здравые суждения, так и нестандартный взгляд на вещи; как глубину опыта, так и изобилие новых смелых идей; а главное, тех, кто разделяет мое фундаментальное убеждение, что не бывает процветающей Уолл-стрит без процветания Мэйн-стрит, что в этой стране мы поднимаемся и падаем как одна нация, как единый народ» [22], — так Б. Обама объяснил свое кредо президента, представляя экономическую команду администрации.

Говорить о поддержке американской общественностью плана Обамы трудно, так как процесс

еще не закончился. Протесты по поводу траты денег налогоплательщиков на спасение банков и финансовых компаний раздавались, но в целом общество восприняло антикризисную программу спокойно. Согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного службой Гэллапа по следам первых шагов реализации плана спасения экономики, большинство опрошенных дали негативные оценки работе руководства компании *AIG* (80%), Конгрессу (65%) и Т. Гайтнеру (54%). Лишь президент Обама остался в политическом плюсе — его деятельность в 2009 г. получила одобрение 54% опрошенных [23]. Стабилизация ситуации на рынках труда и недвижимости позволила Б. Обаме говорить об успехе его политики.

Общие выводы

В начальный период борьбы с экономическим кризисом С. Ю. Витте, Ф. Д. Рузвельт и Б. Обама действовали идентично. На основе рекомендаций специалистов в финансовой сфере предпринимались меры по спасению крупных банков с использованием средств из государственных резервов. Субъективный фактор при этом существенно влиял на избирательность финансовой помощи. Банкротство банка А. К. Алчевского в России начала XX в. и «Леман Бразерс» в США начала XXI в. убедительно об этом свидетельствует. Избирательность адресов государственной поддержки в период кризиса во многом связана как с личным фактором авторов политики, так и с необходимостью дать сигнал другим крупным участникам финансового рынка о новых подходах и возможности банкротства. Примечательно, что банк Алчевского, как и «Леман Бразерс», специализировался на ипотечных операциях.

Вслед за мероприятиями по оздоровлению финансового сектора следовали другие важные антикризисные меры. У Витте это была стимуляция развития промышленности и транспорта. Рузвельт инициировал государственное предпринимательство, поддержку сельскохозяйственных производителей, регулирование цен на промышленную продукцию, организацию общественных работ. Обама одобрил стимулирование спроса и создание новых рабочих мест, инвестиции в процесс технологического прогресса и в инфраструктурные проекты, программу расширения медицинского страхования.

Личность С. Ю. Витте выделяется на фоне трех описываемых лидеров. Фактически без «команды»

разработать и осуществить антикризисную программу — это выдающееся достижение. На основе личных воспоминаний С. Ю. Витте, мемуаров В. И. Гурко и Н. Врангеля можно говорить о том, что человек, спасший экономику России в 1900–1903 гг., был «высочкой-одиначкой», не имевшим поддержки как в государственном аппарате, так и в обществе. Аппарат министерства выполнял распоряжения Витте не потому, что они были подготовлены группой компетентных и авторитетных специалистов, а потому, что автор пользовался расположением царской семьи. Достаточно часто С. Ю. Витте приходилось прибегать к следующему приему: когда Государственный Совет в очередной раз отказывался утвердить «революционный» проект, Витте обращался к государю и проводил документ царским указом.

Неоспоримо влияние еврейских финансовых кругов на Витте. Взяв в экономические советники А. Ротштейна, Сергей Юльевич получил в свое распоряжение банковского и финансового аналитика, связанного с семьей Ротшильдов. Минусом этого решения было то, что Ротштейн преследовал в первую очередь личные и клановые интересы и не смог создать «команды» со стратегическим государственным мышлением. В результате антикризисные мероприятия Витте ограничились спасением крупных банков и стимулированием развития промышленности и транспорта. Вне поля его внимания остались аграрный сектор и социальная политика. Когда В. И. Гурко подготовил для Столыпина проект аграрной реформы, то Витте заявил, что он украл его идею. Но что мешало самому Витте начать освобождать крестьян от общины уже в 1900 г.? Манифест Николая II от 17 октября 1905 г. во многом содержит идеи С. Ю. Витте. Это говорит о том, что он уже в начале XX в. был готов к радикальным политическим, экономическим и социальным реформам. Почему же он этого не сделал? Основными причинами были противодействие со стороны государственного аппарата и отсутствие поддержки общества, состоявшего на 90% из крестьян.

Ф. Д. Рузвельту с помощью его «мозгового треста» удалось не только провести финансовую санацию экономики, но и осуществить комплекс мероприятий по оздоровлению промышленности и сельского хозяйства. Социальные мероприятия администрации Рузвельта носили выборочный характер. Личная роль Рузвельта велика. Именно он взял на себя ответственность как в принятии трудных «революционных» решений, так и в организации поддержки

общественного мнения США. Его «Беседы у камина», в которых он доходчиво разъяснял все нюансы антикризисных программ, пронизаны любовью и уважением к американскому народу. Рузвельт не допустил паники, идеологически обеспечив общественную поддержку «Нового курса». Этим Рузвельт разительно отличается от Витте и Обамы.

Таким образом, отчет практики активного вмешательства государства в процесс регулирования финансового кризиса можно начинать с 1900 г. С. Ю. Витте и Министерство финансов России осознанно осуществляли государственную помощь крупным банкам с целью недопущения углубления кризиса. Государственные органы под руководством С. Ю. Витте именно в ходе мирового кризиса 1900–1903 гг. усилили контроль за банковской системой, вплоть до производства ревизий и введения запрета на операции. Администрация Рузвельта выдавала разрешение на ведение финансовых операций только крупным банкам, ввела государственное страхование депозитов. Государство профинансировало фермерскую задолженность и стало активно кредитовать сельскохозяйственных производителей. Кодексы честной конкуренции, Закон о помощи безработным также предполагали активное вмешательство государства в экономику. Безусловно, Ф. Д. Рузвельту удалось добиться прекращения Великой депрессии. Действия администрации Барака Обамы в 2009 г. являются примером использования и развития опыта регулирования финансового кризиса Ф. Д. Рузвельтом. Комплексный характер мероприятий Б. Обамы — мероприятия по финансовой стабилизации сопровождаются программами стимулирования реального сектора, совокупного спроса и социальными программами — говорит о том, что предшествующий опыт был глубоко осмыслен. Если бы правительство С. Ю. Витте проводило подобную комплексную политику, то, вполне возможно, удалось бы избежать социального взрыва в России 1905–1907 гг.

Литература

1. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. — Ленинград: Наука, 1991. 200 с.
2. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 430 с.
3. Гиндин И. Ф. Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. № 1; С. 100–124; № 3. С. 95–120; № 9. С. 62–96.

4. Корелин А. П. С. Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX — начала XX века // Отечественная история. 1999. № 3. С. 42–64.
5. Корелин А. П. Реформы С. Ю. Витте и модернизация в России // Россия в XIX–XX вв.: матер. II науч. чтений памяти проф. В. И. Бovyкина, Москва, МГУ, 22 янв. 2002 г. М.: РОССПЭН, 2002. С. 21–34.
6. Корелин А. П. Сергей Юльевич Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 8–47.
7. Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат (Портреты). М.: Терра, 1998. 464 с.
8. Лебедев В. Д. Формирование экономической политики С. Ю. Витте (конец XIX — начало XX вв.) // Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист. М.: Институт экономики РАН, 1999. Ч. 1. С. 209–242.
9. Лебедев Н. А. Русские экономисты XIX века о протекционизме и свободе торговли (таможенная политика). М.: Институт экономики РАН, 2000. 335 с.
10. Лизунов П. В. Биржевая реформа 1901 г. С. Ю. Витте // Исторический ежегодник. 1999. Омск, 2000. С. 63–73.
11. Лизунов П. В. Банкирские заведения Петербурга и биржевая спекуляция в начале XX в. URL: <http://www.hist.msu.ru/Banks/papers/lizunovbankispekul.htm>
12. Фурсенко А. А. С. Ю. Витте и экономическое развитие России в конце XIX — начале XX в. // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 3–17.
13. Витте С. Ю. Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1–3.
14. Витте С. Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г., не позднее февраля // Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист. К столетию со дня рождения / отв. ред. Н. К. Фигуровская, А. Д. Степанский. М.: Институт экономики РАН, 1999, Ч. 2. С. 177–199.
15. Витте С. Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов о положении нашей промышлен-

- ленности. Февраль 1900 г. // Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист. К столетию со дня рождения / отв. ред. Н. К. Фигуровская, А. Д. Степанский. М.: Институт экономики РАН, 1999, ч.2. С. 200–212.
16. Витте С. Ю. Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте о принятии особых мер в отношении некоторых частных банков. Не позднее 9 сентября 1901 г. // Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист. К столетию со дня рождения / отв. ред. Н. К. Фигуровская, А. Д. Степанский. М.: Институт экономики РАН, 1999, ч.2. С. 212–215.
 17. Романов Б. Мировой кризис 1900–1903 годов. URL: <http://www.belrussia.ru/page-id-277.html>.
 18. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. URL: <http://www.historichka.ru/istoshniki/gurko/>
 19. Врангель Н. Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М.: Новое литературное обозрение, 2003. URL: <http://www.dk1868.ru/history/vrang.htm>
 20. Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. М.: ИТПК, 2003. URL: http://sharakshane.narod.ru/Roosevelt_page.htm
 21. American Recovery and Reinvestment Act of 2009. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-111hr1enr/pdf/BILLS-111hr1enr.pdf>
 22. Barack Obama's economic team: full speech. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/>
 23. AIG, Congress, Geithner Target of Bonus Backlash. URL: <http://www.gallup.com/poll/117061/AIG-Congress-Geithner-Target-Bonus-Backlash>.

Многогранный гений

СКИБИЦКИЙ МАРК МИХАЙЛОВИЧ

д-р философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета

E-mail: *philos.fa@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу многосторонней деятельности тридцать второго президента США в различных сферах жизнедеятельности американского общества и мировой политики. Рассматривается создание Рузвельтом знаменитого «Нового курса», что позволило сформировать новую модель рыночного хозяйства с опорой на мощь государственного регулирования. Автор предпринимает подход к оценке реформ «100 дней» с позиций современной научной методологии. В статье раскрывается деятельность Рузвельта в условиях назревания и в ходе Второй мировой войны, в сфере организации науки, при строительстве Манхэттенского инженерного округа. Автор делает вывод о фундаментальном значении в настоящее время наследия Великого президента.

Ключевые слова: Великая депрессия; режим с обострением; «Новый курс»; «100 дней»; реформа; «нравственное начало»; атомное оружие; наука; методология.

Multifaceted genius

MARK MIKHAYLOVICH SKIBITSKIY

PhD. of Philosophy, Professor of the Chair «Philosophy», Financial University

Abstract. This article analyzes the multilateral activities of the thirty-second President of the United States in various spheres of American society and world politics. We consider the creation of Roosevelt's famous «New Deal», which allowed to form a new model of the market economy, drawing on the power of government regulation. The author makes an approach to the assessment of the «hundred days» of reforms in terms of modern scientific methodology. The article reveals Roosevelt's activity facing the brewing of and actual campaign of the Second World War, in the sphere of science, in the construction of the Manhattan Engineering District. The author concludes that nowadays the heritage of Grand President holds the fundamental importance.

Keywords: Great Depression; blow-up regime, «New Deal», «hundred days»; reform; «moral principle»; atomic weapons, science, methodology.

Гений Франклина Делано Рузвельта, Великого президента, реализовался во всех сферах жизнедеятельности общества: социальной, экономической, политической, духовной, военной. Тридцать второй Президент США приступил к выполнению своих обязанностей в крайне тяжелое для страны время. Ведь процветание в 1925–1929 гг. казалось устойчивым, ничто не предвещало будущую катастрофу. Но это была квазистационарная стадия. Подспудно имели место усиливающиеся разрушительные нелинейные экономические процессы. Как отмечают Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев, «перегрев экономики был очень высоким, переоцененность активов дошла до максимума, перенапряженность

финансового рынка чувствовалась явственно, кредитная экспансия была очень активной...» [1, с. 128–129]. В результате наступила Великая депрессия 1929–1933 гг., начали развиваться режим с обострением, стадия сверхбыстрого нарастания разрушительных процессов, особенно в финансово-экономической и социальных сферах. Рухнул фондовый рынок, сократилось в два раза промышленное производство, разорались банки, количество безработных составляло в октябре 1932 г. 11 млн человек, одну десятую часть всего населения страны. Меры, предпринятые президентом Гувером, носили половинчатый, несистематический характер, они были явно недостаточны для преодоления кризиса. 4 марта

1933 г. в стране закрылись все кредитные организации. Именно в этот день состоялось торжественное введение Рузвельта в должность президента.

Часто Великую депрессию сравнивают с кризисом 2008–2009 гг. Думается, это сравнение неправомерно. Экономическая теория рассматривает циклический характер развития капиталистической экономики. В науке известны среднесрочные (7–11 лет) жюгляровские циклы и длинные долгосрочные кондратьевские циклы колебаний порядка 50 лет. Название этим циклам дал Й. Шумпетер в честь французского экономиста и историка кризисов К. Жюгляра и выдающегося российского социолога и экономиста Н. Д. Кондратьева [1, с. 10]. Важно отметить, что в 2008–2009 гг. разразился первый системный финансово-экономический кризис уже глобализирующейся экономики, в условиях значительного усиления взаимосвязи экономики разных государств, высокой нестабильности всей мировой социально-экономической системы. Эта нестабильность обусловлена рядом разрушительных нелинейных процессов: виртуализация экономики (огромный рост производных финансовых инструментов); передел современного мира посредством геоэкономического расслоения; превращение финансовой сферы в самодовлеющий фактор; создание хищнической экономики («штабная» и «трофейная»); увеличение географии слаборазвитости; офшоризация; безудержная погоня мирового спекулятивного капитала за сверхприбылью при игнорировании опасности неоправданных рисков; формирование рыночных сверхпузырей (огромная завышенность некоторых активов).

Важная особенность этих нелинейных процессов состоит в их синхронизированности, своего рода отрицательной когерентности, что придает им особую разрушительную силу, отрицательный синергетический эффект. Представляется, что мы имеем дело не с традиционным, хотя и специфическим циклом, а с новым явлением в развитии капитализма: началось саморазрушение мировой социально-экономической системы. Но огромные финансовые вливания в экономику со стороны государств задерживают переход к режиму с обострением, стадию сверхбыстрого нарастания разрушительных процессов.

Вернемся к Рузвельту, ставшему президентом. В его время не было еще современной научной

методологии исследования общества в кризисных ситуациях: системного подхода, синергетической парадигмы, формулировки первого закона Дж. Форрестера о функционировании сложных систем. Но гений Рузвельта интуитивно находил эффективные подходы к решению всех острейших проблем. Исключительное бесстрашие Рузвельта, его решимость действовать, уверенность в победе над депрессией вызывали доверие у измученного Великой депрессией народа. Президент выдвигает «Новый курс», считая его творением народа. Американское общество рассматривается как сверхсложная система, целостность и функции которой необходимо было восстановить. За короткий исторический период «100 дней», март — июнь 1933 г., были приняты почти одновременно важнейшие законы, охватившие все сферы жизнедеятельности общества, изменившие его структуру, традиции, экономику и политику. Кооперативное, когерентное взаимодействие этих законов, как бы налагающих друг на друга, дало мощный синергетический эффект. Далее, существует закон, сформулированный известным американским ученым Дж. Форрестером. Согласно этому закону, «в любой сложной системе воздействие на один ее элемент или признак, каким бы обдуманным оно ни было, как правило, ухудшает параметры системы как единого целого» [2]. Интуитивно Рузвельт действовал в духе этого закона: он улучшал параметры сверхсложной общественной системы США по всем основным направлениям — санация банковской системы; борьба с безработицей путем обширной программы общественных работ (строительство школ, стадионов, мостов, больниц, прокладка дорог); закон о стабилизации цен на сельскохозяйственные товары и другие законы о кредитовании сельского хозяйства; закон о восстановлении национальной промышленности. «Новый курс» носил ярко выраженный социальный характер: была сокращена продолжительность рабочего дня, установлен минимальный размер заработной платы, выработаны единые правила честной конкуренции, представители трудящихся были допущены к обсуждению коллективных договоров, участию в выработке законов о труде [3, с. 158–159]. Рузвельт осуществил радикальный вклад в реформирование американского общества при сохранении его базовых основ — частной собственности, рыночных отношений.

Преодолевав жесточайшую оппозицию финансовых магнатов, Рузвельт спас страну от социально-экономической катастрофы, тяжелых политических потрясений. Была разработана и проведена в жизнь новая модель рыночного хозяйства, спецификой которой является опора на мощное государственное регулирование, в первую очередь в сферах экономики и социального законодательства. Важным итогом реформ было нарушение «равновесия между полномочиями государства и штатов в пользу федерального правительства [3, с. 160].

Важную роль в разработке идей «Нового курса» и их реализации сыграл «мозговой центр», команда талантливых управленцев, сложившаяся вокруг Рузвельта. В «мозговой центр» вошли не преуспевающие бизнесмены с зашоренными от успехов глазами и способные лишь к традиционным решениям, а университетские профессора, способные к работе в команде и выдвижению нестандартных решений эвристических проблем в условиях дефицита времени.

Сам Рузвельт проявил себя великим управленцем. Он глубоко осознавал свою колоссальную ответственность перед находящейся в критическом состоянии страной, правильно выбирал стратегические цели для деятельности и исключительно эффективно распоряжался имевшейся у него огромной властью. Это был удивительный стиль работы: любой американец мог позвонить специальному помощнику президента, а более ста человек звонили Рузвельту в любое время и по любому поводу [4].

Есть точка зрения, что существует «первый Новый курс» и «второй Новый курс», последний датируется 1935 г. Можно соглашаться с Г. И. Чернявским, что такое разграничение не имеет оснований. Чернявский показал, что Рузвельт проводил социальные реформы в течение всех тридцатых годов, причем с 1935 г. акцент делался на долговременных планах изменения в социальной сфере: создание Администрации трудового прогресса, принятие закона о социальном обеспечении, введение федеральной системы компенсаций по безработице, пособий по болезни и инвалидности детям из малоимущих семей, матерям, находящимся на иждивении детей.

К оценке «Нового курса» существуют различные подходы: от крайне негативных до эклектических. Так, М. Н. Ротбард утверждает, что «Гувер, а не Франклин Рузвельт, стал основателем

политики «Нового курса»... Рузвельт лишь придал этому размах, но первопроходцем был Гувер» [1, с. 133]. Считая такой подход преувеличением, Л. Е. Гранин и А. В. Коротяев развивают как бы промежуточную, а фактически эклектическую позицию. Суть ее состоит в следующем. Мнение, что Гувер ничего не сделал для спасения экономики США, заблуждение. Гувер предпринял меры, которые частью помогли экономике и отсрочили банковский кризис, а частью указали Рузвельту более правильный путь. Далее они выдвигают очень странное утверждение, что «Новый курс» осуществлялся уже на излете кризиса, притом якобы его многие отрицательные тенденции начинают исчерпываться частью сами собой, а частью в результате усилий общества и государства.

Авторы данного подхода признают систематичность, решительность, последовательность, прагматичность предпринятых Рузвельтом мер. Они формулируют два очень важных положения. Он смело преодолевал имеющиеся идеологические догмы и думал в первую очередь о смягчении последствий кризиса для простых американцев. Президент использовал для борьбы с ужасами безработицы самые неординарные меры, прежде всего всю мощь государства [1, с. 138–139]. Представляется, что рассматриваемый подход имеет недостатки. Известно, что Гувер считал необходимым максимально избегать вмешательства государства в экономику.

Непонятно утверждение, что Рузвельт начал свое правление уже на излете кризиса. Закрытие всех кредитных организаций в США — разве это излет кризиса?! Рузвельт начал спасать экономику США, когда, выражаясь языком синергетики, установился (или уже продолжался — в данном случае) режим с обострением, стадия сверхбыстрого нарастания разрушительных процессов.

Попытки показать несостоятельность политики Рузвельта имеются и в настоящее время. Бертран Фолсом, американский историк либерального толка, профессор истории в Хиллсдейл-колледже, выпустил объемную книгу, в которой стремится развенчать все мероприятия, проведенные в период «100 дней» и показать их отрицательное влияние на дальнейшее развитие экономики США.

Не анализируя всю аргументацию Б. Фолсома, следует указать на сформулированные им

причины Великой депрессии. Первая причина — уклонение европейских стран от выплаты США долговых обязательств, образовавшихся в результате Первой мировой войны. Вторая причина — закон Смута—Хоули, который поднял налоги на импорт до рекордного уровня за всю историю США, что вызвало ответную реакцию европейских стран. Третья причина — ошибки Федерального резерва, который в течение 1928–1929 гг. четыре раза повышал процентные ставки с 3 до 6%, и это привело к тому, что предприятиям стало труднее заимствовать деньги для инвестиций [5]. Конечно, эти причины имели значение, но вне поля зрения Б. Фолсома оказались главные факторы, о которых уже говорилось ранее. Книга Фолсома издана в Фонде либеральной миссии, и это уже о многом говорит.

При проведении реформ Рузвельт придавал большое значение нравственному началу. Он считал, что президентство — это не только административное место, а в первую очередь место, откуда истекает моральное руководство [6, с. 369]. Он стремился постоянно поддерживать связь с народом. В конце лета 1942 г. Рузвельт «поддался внутреннему зову «поездить по стране» — зову столь же мощному для некоторых политиков, как инстинкт дикого гуся» [6, с. 277–280]. Президент хотел совершить путешествие и сам увидеть все, что возможно. Поездка Рузвельта не предавалась огласке до его возвращения в Вашингтон. За две недели было покрыто расстояние в 8754 мили. Президент выступал перед рабочими заводов: мужчинами и женщинами. Президент установил постоянную связь с народом, проводя по радио «семейные беседы у камелька». Все американцы знали: президент завтракает на 19 центов.

Главнокомандующий Вооруженными силами армии и флота Рузвельт стоял во главе неподготовленного к войне, демобилизованного общества. В стране очень сильны были позиции сторонников изоляционизма. Медленно и упорно Рузвельт преодолевал изоляционизм. Президент считал: нельзя выжить, если начать готовиться к войне после нападения врага. Он прозорливо видел приближение новой мировой войны, усиление агрессивности фашистской Германии и милитаристской Японии. Президент добивался от Конгресса увеличения ассигнований на нужды армии и флота, считал Англию передним рубежом обороны Америки. Занимаясь все более

активно организацией военной экономики, Рузвельт в начале 1937 г. дал секретное указание о накоплении стратегических материалов, военные заказы распределялись на частных заводах. После нападения фашистской Германии на Польшу Рузвельт настоял на объявлении Англией и Францией войны агрессору, пригрозив им в противном случае лишением американской помощи. 24 июня 1941 г. Рузвельт заявил о поддержке СССР в связи с нападением на него фашистской Германии. 7 ноября того же года на СССР был распространен закон о ленд-лизе. Рузвельт стоял у истоков антигитлеровской коалиции.

Рузвельт осознавал предупреждения известных ученых и политиков об опасности успехов германских физиков Отто Ганна и Фрица Штрассмана в опытах расщепления атомов урана. 15 июня 1940 г. было отдано распоряжение о начале работ над атомным оружием. Был учрежден Национальный комитет по научным исследованиям в области обороны, привлечены научные светила из Гарвардского университета и Института технологии в Массачусетсе. В инженерных войсках создавались специальные подразделения по руководству строительством ядерных установок и секретных атомных городков. В августе 1942 г. началось строительство Манхэттенского инженерного округа для создания атомного оружия.

Рузвельт торопился: по данным разведки, немцы опережали Америку и Англию в создании атомной бомбы приблизительно на один год. Президент понимал огромное значение науки в жизни общества, особенно фундаментальной, которой в Америке не было до Второй мировой войны. В 1935 г. был принят закон, который разрешал корпорациям исключать из облагаемых налогами доходов 5% на образование и науку. По мнению наших ученых, этот закон был чрезвычайно важным. Он способствовал формированию сети «благотворительных» фондов, которые стали одним из источников финансирования образования и науки. После Второй мировой войны окончательно сложилась система «филантропических» фондов. Они выполняют в настоящее время роль посредника между частным сектором, наукой и государством [7, с. 59].

В известном письме Ванневару Бушу от 17 ноября 1944 г. Рузвельт поставил четыре задачи: 1) быстрое рассекречивание результатов военных исследовательских разработок; 2) необходимость

разработки программы поддержки исследований медицинской и здравоохранной направленности; 3) условия, на которых правительство могло бы оказывать помощь исследовательской деятельности в общественных и частных учреждениях; 4) возможность создания специальной программы поиска научных талантов и обеспечения их развития [7, с. 62].

Поразительно, как такой тяжелобольной человек, фактически инвалид, в течение длительного времени стоял у руля страны и мировой политики! Министр труда в правительстве Рузвельта Ф. Перкинс, проработавшая с ним все 12 лет его президентства, писала, что ему «совершенно определенно нравилось быть президентом. Это дело занимало все его время, энергию, способности. Нелегко было найти кого-нибудь, кто был бы так же счастлив, полностью отдаваясь своей работе. Его радовало даже то, что проблемы громоздились одна на другую, достигая горизонта» [8]. В преодолении трудностей Рузвельт черпал вдохновение.

Фундаментальное наследие президента, его личность изучаются учеными, политиками, писателями. Это наследие имеет огромное значение сейчас для нашего нестабильного, противоречивого, безумного мира. С полным правом можно сказать: ныне началась вторая жизнь Великого президента.

Литература

1. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Лигурга до Алана Гринспена. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
2. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М.: Прогресс-Пангея, 1991. С. 185.
3. Ремонд Р. История Соединенных Штатов Америки. М.: АСТ: Астрель, 2006.
4. Литвак Б. Г. Великие управленцы. Практические занятия. М.: Экономика, 2003. С. 354–358.
5. Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012. С. 45–48.
6. Бейнс Джеймс Макгрегор. Франклин Рузвельт. Человек и политик. М.: Центрполиграф, 2004.
7. Авдулов А. Н., Кулькин А. М. Системы государственной поддержки научно-технической деятельности в России и США: Процессы и основные этапы их формирования. М.: ИНИОН, 2003.
8. Чернявский Г. И. Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 339.

Ф. Д. Рузвельт как патриот и практик

БУДКЕВИЧ ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

канд. экон. наук, доцент кафедры «Макроэкономика» Финансового университета

E-mail: papirus7@mail.ru

Аннотация. Прочность и жизнеспособность системы зависит от количества связей между ее элементами. Именно эти связи были заложены Ф. Рузвельтом в основу дальнейшего поступательного развития американской экономики последующих периодов. Для создания условий выхода из рецессионного спада американский президент выбрал единственно правильный путь – всестороннее государственное регулирование. Практические меры Рузвельта чаще всего предварялись аналитическим обоснованием. В результате он понял, что для поступательного развития американской экономики необходима инфраструктура в широком понимании. Как патриот и практик Ф. Рузвельт проекты подкреплял развития «трудной» инфраструктуры страны «мягкими» мерами – социальной программой поддержки простых американцев и программой создания рабочих мест. При формировании «Нового курса» Ф. Рузвельт заложил в него христианский принцип восстановления связей и доверия при взаимодействии субъектов американской экономической системы, формируя тем самым условия долговременной прочности экономики США.

Ключевые слова: государственное регулирование, кризис перепроизводства, либеральные традиции, антимонопольное законодательство, процесс реструктуризации экономики, инвестиционные проекты, практические меры; аналитическое обоснование, «Кодекс честной конкуренции», «Банковский праздник», организация общественных работ, «Гармония интересов».

F. D. Roosevelt: a patriot and an expert

BUDKEVICH GALINA VASILYEVNA

Candidate of Science in Economics, Assistant Professor of the Chair «Macroeconomics», Financial University

Abstract. Durability and lifetime of the system depends on the number of connections between its elements. F. Roosevelt's «New Deal» furnished exactly these connections for the further progressive development of the American economy in the following periods. To create conditions for the overcoming of recession American president chose the only right track: across-the-board public regulation. Practical measures were more often preceded by analytic grounds. As a result it was concluded that for the progressive development of USA's economy the broad infrastructure is necessary. Being a patriot and an expert and aiming to resurrect the American culture he backed projects of development of «hard» infrastructure with «easy» measures: social program of supporting average Americans and program providing employment. During the formulation of the «New Deal» F. Roosevelt put into it a Christian principle: recapturing of connections and confidence in the cooperation between the subjects of the American economic system, formulating the conditions of long term stability of USA's economy.

Keywords. public regulation; overproduction crisis; liberal traditions; competition legislation; process of the economy restructuring; investment projects; practical measures; analytic foundation; «The code of fair competition»; «Banking holiday»; Organization of social works; «Harmony of the interests».

За 1920-е гг., обеспечив подъем экономики, США стали мировым центром – объем выпуска составил 44% промышленной продукции всего мира (без СССР), и заняли первое место в общем обороте внешней торговли. В США активно развивалась автомобильная промышленность, служившая одной из основ подъема;

машиностроительная, электротехническая, химическая, авиационная отрасли; новые перспективы наметились в связи с внедрением в массовое потребление таких достижений науки, как радио, телефоны. Все вместе взятое потребовало развитой инфраструктуры. К 1929 г. в стране насчитывалось около 1 млн км шоссейных дорог,

100 тыс. авторемонтных мастерских и станций обслуживания вместе с тремя сотнями тысяч бензозаправочных станций, служивших основанием для формирования нового типа модели экономического роста в долгосрочном периоде. К 1929 г. индекс Доу-Джонса достиг пиковой высоты в 381 пункт, обеспечив четырехкратный рост за последние 5 лет.

Это был первый яркий пример финансового «пузыря», как называли его Самуэльсон и Нордхаус. Другими словами, перегрев экономики был очень высок, завышение оценки активов дошло до максимума, перенапряжение финансового рынка и кредитная экспансия были чрезвычайными.

Результат не заставил себя долго ждать. 24 октября 1929 г. наступил всем известный «черный вторник». Курсы начали обваливаться, достигнув дна до 40 пунктов, что означало спад рынка ценных бумаг на 87%. Промышленное производство падало катастрофически, едва составив половину от докризисного уровня (54%). Национальный доход снизился вдвое. Обанкротились, закрылись и разорились более 110 тыс. компаний, 54 тыс. банков, 900 тыс. ферм. Наступил кризис 1929–1933 гг., получивший название «Великая депрессия» и ставший первым глобальным кризисом, изменившим экономические и политические тенденции мировой экономики и ее последующее развитие в XX в.

В этих условиях американским президентом становится Ф. Рузвельт, церемония инаугурации которого состоялась 4 марта 1933 г. Это было время, когда спад производства достиг своего дна и страна находилась в полосе затяжной депрессии. Реформы, проведенные администрацией Ф. Рузвельта, стали крупнейшим рубежом в истории США XX в., определив преобладающие тенденции в эволюции социально-экономической и политической структуры современного общества.

По мнению Рузвельта, принятое ранее анти-трестовское законодательство, запрещающее существование крупных корпораций (монополий) в экономике США, оказалось бессмысленным, поскольку они были вызваны к жизни эволюцией самих экономических процессов. При этом Рузвельт недвусмысленно возложил ответственность за экономический кризис на монополии, на эту экономическую олигархию, которая сконцентрировала в своих руках более половины

производственных мощностей нации, утвердила максимально высокие, недоступные большинству народа цены на товары, следствием чего стали кризис перепроизводства, остановка предприятий, безработица. Однако он подчеркивал, что историческое развитие Америки идет по пути неуклонного расширения либеральной традиции и прогрессивного приспособления рынка к потребностям общественного развития. Для реализации реальных антимонополистических мер он выбрал единственно правильный путь: всестороннее государственное регулирование. Для этого президент страны возглавил процесс реструктуризации экономики и возрождения нации с помощью новых методов государственного управления. Эти методы обеспечили возможность появления на свет великих проектов инфраструктуры, реформ в промышленности, сельском хозяйстве, банковской сфере, финансах, в сфере трудовых отношений и социальном обеспечении [1].

Новый американский президент, возглавив страну, понимал, что без решения проблемы единства нации нельзя совершить все необходимые инвестиционные проекты. Важным мотивом идеологии и практики «Нового курса» стал поворот к «забытому человеку», т. е. к десяткам миллионов простых американцев, которые составляли не менее одной трети нации. Как патриот своей страны, он хотел обеспечить право каждого американца на благосостояние. Поэтому последовал призыв к простым американцам: поддержите реформы, проводимые сверху в интересах забытого человека, давлением снизу, ибо только это и может гарантировать успех. Призыв к народу был услышан, что способствовало формированию в ходе «Нового курса» широкой либерально-демократической коалиции, которую поддержали представители среднего класса, фермерство и рабочие.

Практические меры Рузвельта чаще всего предварялись аналитическим обоснованием, шедшим от требований жизни. Например, чтобы противодействовать доминирующей в сознании американской элиты идее «невидимой руки» рынка, автор «Нового курса» убедил американский конгресс предоставить ему чрезвычайные полномочия. Именно таким образом Рузвельту удалось разрубить гордиев узел противоречий между конституционными ограничениями и требованиями реальной жизни.

Как патриот своей страны, для достижения цели возрождения американской нации, в которой царили пессимизм и неверие в будущее Америки, основатель «Нового курса» выдвинул грандиозные задачи, поставив в центр правительственной политики задачу поддержания предпринимательской активности промышленного производства. Рузвельт предложил целый комплекс мер активного государственного влияния на экономику. Основными в экономической системе «Нового курса» являлись следующие мероприятия:

- государственное регулирование уровня промышленного производства;
- введение отраслевых «кодексов честной конкуренции», определявших единую политику цен, фиксируя размеры производства, распределяющих рынки сбыта, рекомендуя уровень заработной платы;
- принудительное картелирование промышленных предприятий;
- оказание поддержки финансово-банковской системе и промышленным и торговым предприятиям при помощи крупных государственных займов и субсидий;
- стимулирование частных инвестиций при помощи налоговых льгот;
- стабилизация падающих цен путем девальвации доллара и допущения усиления инфляционных тенденций.

Он понимал, что для достижения этих планов надо создать реальные условия их реализации. В своих действиях Рузвельт исходил из принципа Макиавелли: в чрезвычайных условиях самые трудные решения должны быть исполнены быстро. Поэтому он в четырехдневный срок объявил «банковский праздник», которым всю американскую банковскую систему поставил через регулирующую реорганизацию банкротств под правительственный контроль. В результате были ликвидированы 40% мелких банков, оставшиеся банки разделены на депозитные и инвестиционные (это деление действует до сих пор). Через несколько дней был принят чрезвычайный закон о банковской деятельности, который предоставлял президенту исключительные полномочия в области кредитной политики, принципов наличного денежного обращения и монетарных операций с золотом и серебром. На основе этого закона устойчивые банки получили разрешение продолжать операции под

контролем специальных государственных уполномоченных.

После создания финансовой базы для реализации поставленных задач был принят закон об оздоровлении промышленности, учреждающий Национальную администрацию по оздоровлению промышленности. Согласно этому закону правительство наделялось полномочиями регулирования зарплаты, цен, продолжительности рабочего времени, а также процесса конкуренции в промышленности. На основе этого закона была создана Администрация общественных работ, основной целью которой стало создание новых рабочих мест для обеспечения социального консенсуса между всеми слоями общества. В дополнение был учрежден Гражданский корпус содействия охране и восстановлению лесов в качестве меры для снижения безработицы среди городской молодежи. Этот орган ведал обеспечением федеральных работ по строительству дорог, лесонасаждениям, гидромелиорации, обустройству национальных парков и т. п.

Реальный сектор экономики включает в себя промышленность, сельское хозяйство и транспорт. Поэтому следующим шагом Ф. Рузвельта на пути реализации поставленных задач стало принятие закона о регулировании сельского хозяйства, призванного обеспечить соответствующий уровень цен на определенные категории сельскохозяйственных товаров и предоставление субсидий фермерам. Была создана Администрация кредитования фермеров с целью объединения разрозненных агентств по предоставлению различных услуг. Это решение оформлено законодательно конгрессом с добавлением процедур, облегчающих условия получения фермерами кредитов. Чрезвычайный закон о железнодорожном транспорте упорядочил управление мощностями и предоставление транспортных услуг реальному сектору экономики в упрощенной форме с целью устранения дублирования.

Законодательно была учреждена Федеральная администрация чрезвычайной помощи, которая занималась распределением средств федеральной программы в объеме 500 млн долл. Половина ресурсов этой программы передавалась штатам непосредственно. Вторая половина предоставлялась по принципу: 1 долл. федеральных средств выделялся в дополнение к каждому 3 долл., которые правительства штатов и местные

органы власти выделяли на меры по снижению безработицы.

Закон о ценных бумагах требовал обеспечения всей полноты информации о предлагаемых к публичному размещению новых выпусках ценных бумаг. Для осуществления контрольных функций на рынке ценных бумаг Конгресс учредил Комиссию по ценным бумагам и биржам.

В период «Нового курса» Рузвельта разработано примерно 50 тыс. проектов инфраструктуры, способствующих развитию экономики страны. Наилучшим примером действий администрации Ф. Рузвельта была организация общественных работ в долине Теннесси. Ее курировал непосредственно сам Ф. Рузвельт, предложив поставить развитие обширного региона из семи штатов под единое руководство. Предусматривалась постройка «плотин многоцелевого назначения», которые обеспечили бы регулирование потока воды, навигацию по реке и выработку электроэнергии плюс производство удобрений. Ф. Рузвельт хотел, чтобы электроэнергия продавалась дешево, для того чтобы, с одной стороны, сбить цены монополий, а с другой стороны, сократить издержки производителей, обеспечивая таким образом конкурентоспособность американских товаров и услуг.

«Теннесси» стал своего рода «проектом-лоцманом» для всего «Нового курса». За несколько лет в США построили 20 многоцелевых плотин, воздвигли мощные заводы и фабрики удобрений. Вырабатывалась в большом количестве дешевая электроэнергия. Проект преобразовал регион с 3-миллионным населением. Не стало разливов рек, так как было обеспечено регулирование потоков воды, навигация. Фермы обновились, бурно развивалась обрабатывающая промышленность, выросли заработки. Молодежь района осталась на месте, так как она получила возможность работать и учиться. Люди почувствовали, что такое повышение уровня жизни, и это стало возможным благодаря реализации проекта «Гармония интересов» между рабочими, фермерами и предпринимателями.

В этой связи можно вспомнить некоторые российские проблемы: развитие северных территорий, Сибири, Дальнего Востока и Приамурья, полоса среднего Нечерноземья со всей неустроенностью, брошенными территориями и природными катаклизмами, обрушившимися на районы в последние годы. Развитие этих территорий

могло бы стать таким же форпостом реиндустриализации экономического развития страны, как Долина Теннесси в США, обеспечивая занятость, мобильность трудовых ресурсов и благосостояние этих неблагополучных регионов.

Перечисленные важнейшие решения, принятые только за первые 100 дней пребывания у власти администрации Рузвельта, заложили фундамент системы государственного регулирования экономики США.

Ф. Рузвельта три раза избирали на пост президента — это беспрецедентный случай в истории США. Политическая воля Ф. Рузвельта как патриота и практика позволила ему предпринимать действия, не всегда поддерживаемые всеми слоями общества. Однако масштабы этих решений, их характер способствовали переходу американской экономики к оздоровлению. Важно подчеркнуть, что решительная и динамичная политика администрации американского президента генерировала чувство уверенности американского народа в том, что правительство владеет ситуацией и усиливает свое позитивное влияние на экономическую жизнь общества. И хотя период 1930-х гг. принес еще целый ряд трудностей и испытаний для экономики США, первоначальный потенциал преобразований, заложенный в «Новом курсе» Ф. Рузвельта, позволил в итоге успешно преодолеть их и вывести экономику США на более высокий уровень развития.

Таким образом, можно сделать вывод, что «Новый курс» обеспечил переход США через «точку бифуркации», пройдя которую, система уже никогда не возвращается в прежнее состояние. Как известно, прочность и жизнеспособность системы зависят от количества связей между ее элементами. Именно эти связи были заложены Ф. Рузвельтом для дальнейшего поступательного развития американской экономики, несмотря на все препятствия и тернии последующих периодов.

Уменьшение связей (т. е. упрощение системы) чревато их разрушением, что в определенной степени наблюдается сегодня в российской экономике. Следует отметить, что Дж. Сорос в работе «Новая парадигма финансовых рынков» утверждает, что кризисы последних 25 лет являются результатом неверной предпосылки — рыночного фундаментализма (носившего в XIX в. название «*laissez-faire*»), согласно которому рынки должны быть максимально свободными

от стороннего управления, обеспечивая тем самым неправильное направление существующего тренда. Нынешний кризис подтвердил данный вывод, став поворотной точкой, после прохождения которой тренд и основные предпосылки развития рыночной экономики требуют своего изменения [2]. Другими словами, мы подошли к необходимости решения проблемы формирования эволюционной системообразующей основы развития экономики России как цивилизационной общности современного мира в условиях развития мирового рыночного хозяйства.

В современном мире трансформационные процессы социально-экономической и политической среды происходят с нарастающей скоростью. Изучение нелинейной динамики таких процессов в каждой отдельно взятой стране вызывает особый интерес, требуя разработки и принятия решений, основывающихся на определенном подходе, который может отразить различные аспекты изучаемых сложных систем и процессов, происходящих в них. Для изучения такой сложной социально-экономической системы, как РФ в условиях ее депрессивного развития на современном этапе, по нашему мнению, наиболее перспективным является синергетический подход к анализу формирования механизма ее дальнейшего развития.

Синергетика различает три типа факторов, порождающих переход системы в неустойчивое состояние.

1. Превышение основными параметрами системы уровня порога устойчивости (И. Пригожин) [3].

2. Без радикальных изменений ведущих параметров саморазвития возникают разные структуры, выступающие в качестве аттракторов переструктурирования среды — ее усложнения или деградации (С. Курдюмов).

3. Если система приходит в сверхбыстрое развитие, то решающим фактором его становится объемная нелинейная положительная обратная связь, т. е. режим автокатализатора, но в этой зоне случайность приобретает определенную степень динамического детерминизма (С. Курдюмов).

Обратимся к первому фактору. Известно, что в условиях трансформации российской экономики выделился финансовый капитал, который включил в себя все разновидности капитала. Обеспечение финансовому капиталу приоритетного статуса в формировании

рыночной экономики связано с тем, что он является якобы системообразующей и самообновляющей современное общество диссипативной структурой. Финансовому капиталу была отведена роль аттрактора на стадии макробифуркации рынка Российской Федерации. Но в период с 2000 по 2008 г. вложения в финансовые активы увеличились до 80% всех инвестиционных ресурсов, поступивших в экономику страны, в то время как обновление основных фондов снизилось с 40% общего объема инвестиций до 20%, т. е. упало вдвое. Структурный перекоп в распределении ресурсов основного аттрактора системы не выполнил своих функций, приведя страну лишь к оттоку 80% иностранных финансовых инвестиций и к вывозу капитала (на 01.09.2013 г. — 48,1 млрд долл.), что сегодня является причиной превышения порога устойчивости экономики Российской Федерации [4, с. 55–56].

Говоря о втором факторе, следует напомнить, что причиной наметившейся негативной тенденции развития российской экономики является то, что в стране все еще не сформулирована и не положена в основу ее функционирования эклектичная концепция, объединяющая интересы всех субъектов рынка.

С точки зрения синергетики, оптимальность и повышение степени эффективности воздействия государственных решений на общественную систему зависит не от силы их давления, а от уровня соответствия направленности их действий как внутренним, так и внешним тенденциям эволюции как социальной системы, так и социальной среды. Поэтому не самые сильнодействующие, а малые, но правильно организованные (резонансные) воздействия на эту систему и среду оказываются, как правило, более эффективными. Особенно это важно на фазовой стадии рецессии с необходимым переходом общества в новое качество конкурентной индустриально-инновационной стратегии. Именно на этом этапе должна проявиться стратегическая прозорливость государства, его способность увидеть среди множества возможных путей и разнонаправленных флуктуаций общественной среды ведущие флуктуации прогрессивного характера. Если будет обеспечено оперативное принятие оптимальных решений и особенно мер по их реализации, то некоторые из них могут превратиться в аттракторы структурирования и упорядочивания обновленной экономической

системы, которые будут соответствовать вектору выхода из кризиса. Следует вспомнить опыт экономического развития Германии, Японии и ряда стран ЮВА, где результатом быстрого экономического роста на базе самоорганизационных и организационных начал стало формирование наукоемких отраслей с демократизацией общественных отношений. Таким образом, не только положительная обратная связь (третий фактор), но и усиление созидательного резонансного взаимодействия двух определяющих сред этих стран способствовали структурной перестройке экономики и быстрому экономическому росту этих стран. Следовательно, самоорганизацию общества следует понимать не в абсолютном смысле ее самодавления, а как динамический процесс действия факторов спонтанной самоорганизации (рынок) и факторов организационного управления (государство).

В рыночной системе ее основные звенья всегда будут руководствоваться исключительно соображениями собственного интереса, т. е. каждый из участников рынка узурпирует определенную форму власти (максимальная прибыль, максимальная полезность, государственная рента), которая разъединяет их. Следовательно, ее необходимо разрушить с помощью радикальных мер, воздействующих на «корни» властных позиций каждого из перечисленных звеньев. Возможным условием достижения этой цели может стать создание таких «правил игры», которые получат единодушное признание и перед которыми все будут равны, обеспечивая жизнеспособность и экономическую стабильность каждого члена общества и системы в целом. Следует вспомнить, что единодушное одобрение лежит в основе принципа распределения доходов по Парето. Ведь любой субъект экономики примет условия, при которых он достигает оптимального уровня благосостояния. При этом государству необходимо проводить политику «адаптивной эффективности». Ведь принцип Парето работает только в экономике с прочным институциональным «оформлением», обеспечивающим его стабильную и долговременную жизнеспособность при помощи увеличения инвестиций в образование, профессиональное обучение, переподготовку «синих воротничков», а также расширение бесплатной необходимой медицинской помощи.

Российская Федерация — наследница тысячелетнего существования российского государства,

которая весь этот период была одной из великих держав, что стало результатом защиты целостности страны и ее национальных интересов. Все «смуты» начинались, если государство переставало думать о развитии страны в целом, т. е. о своем народе. Сегодня проявление заботы государства об эволюции российской экономики — это забота о создании условий взаимодействия субъектов рыночной системы. При этом страна должна найти «российское решение» данной назревшей проблемы. Безусловно, при этом мы должны координировать свои решения с мировыми тенденциями, но при условии, что эта координация будет отвечать на вопросы долгосрочных национальных интересов страны.

Что же может стать основой такой стратегии? Вариант развития страны — в долгосрочной перспективе, возвращающий ей статус великой державы, что является сущностью ответа на поставленный вопрос. Для этого необходимо обеспечить «всего лишь» технологический прорыв и соответствующий современным условиям уровень жизнеобеспечения основных субъектов.

Что для этого нужно? Возможность, желание и политическая воля руководства страны. Для обеспечения «возможности» государство должно вступить в равноправный диалог с основным фактором рыночной экономики — с предпринимательством, условием которого в рыночной экономике является соответствующая финансовая база государства. Поэтому государство, кроме использования возможностей фискальной политики, должно стать собственником унитарных предприятий и естественных монополий, что обеспечит финансовую базу для выполнения роли посредника в реструктуризации экономики.

«Желание и политическая воля»? Видимо, придется согласиться с мыслью, что нам необходим опыт такой развитой в экономическом отношении страны, как США. Ее основы успеха были заложены президентом Ф. Рузвельтом, когда Америка имела почти те же проблемы, что и Россия сегодня. Благодаря Рузвельту в США в результате сочетания силы государства с общенациональными интересами удалось создать стартовые условия для дальнейшего перспективного развития страны.

Конечно, сегодня мир в целом (и Россия в частности) находится в иных условиях. Однако замедление экономического развития и неустойчивые прорывы оживления российской экономики

являются следствием внутренних причин. Следовательно, и рецепты выхода из сложившейся ситуации следует искать и формировать исходя из собственных реалий, соотнося становление российской модели дальнейшего развития страны с конкретным содержанием американского опыта «Нового курса» Ф. Рузвельта.

Для создания условий выхода из рецессионного спада американский президент выбрал единственно правильный путь — всестороннее государственное регулирование. Как известно, рынок предполагает определенное ограничение государственного вмешательства в экономику, так как оно ограничивает конкуренцию. Но рыночная конкуренция — это «не дикое, а культурное растение», за которым нужно постоянно ухаживать. Эту функцию в российской практике на стадии макробифуркационного скачка следует передать государству. В условиях депрессивного развития российской экономики прогрессивная направленность деятельности государства должна обеспечить оптимальное соотношение между дирижизмом и либерализмом на уровне заботы о формировании национальной модели развития рыночной экономики. Государству необходимо создавать условия для позитивного изменения структуры производства, обеспечивая паритет между добывающей и обрабатывающей промышленностью, максимальное технологическое развитие приоритетных отраслей, работающих на внутренний и внешний рынки, в том числе за счет стартовых государственных вложений в венчурные инвестиционные проекты высоких технологий.

Единственно правильный путь решения назревших проблем для России сегодня — это государственно-частное партнерство (ГЧП) и государственные инвестиции в развитие приоритетных отраслей высоких технологий, которые могут стать возможностью согласования экономических интересов всех субъектов экономики, обеспечивая их взаимодействие и оживление экономики. Ведь сегодня выстраивание продуктивных отношений государства с бизнесом приобретает стратегическое значение, потому что может обеспечить индустриально-инновационный тип экономического роста, характерный для неинституциональной экономики. Государственно-частное партнерство — это привлечение частного бизнеса для более эффективного и качественного исполнения поставленных задач

Новой стратегией-2020 на условиях софинансирования для разделения внутренних рисков, обязательств и компетенций. В конечном итоге данное взаимодействие обеспечит превращение бюджетных ресурсов в инвестиционные проекты с перспективой их дальнейшего долгосрочного использования. Именно государство должно определить, какими станут взаимоотношения основных субъектов и будут ли они партнерскими. Для этого в стране должны быть публично обозначены промышленные приоритеты и направлены государственные инвестиции на формирование корпоративного уклада в национальной экономике.

Взаимодействие корпоративного предпринимательства и власти вызовет устойчивые темпы экономического роста и придаст ему новое качество. Если этот рост будет таким, как сегодня (т. е. инерционный), то он приведет нас только в технологическое захолустье по отношению к развитым западным экономикам. Сегодня в стране узкое товарное предложение — везде импорт. Чтобы обеспечить его замещение, необходимо озаботиться инвестиционным климатом в стране, снижая налоговое бремя на долгосрочные инвестиции национального бизнес-сообщества, включая малый и средний бизнес.

Для развития ГЧП необходима развитая инфраструктура в широком понимании. Ф. Рузвельт проекты развития «трудной» инфраструктуры страны подкреплял «мягкими» мерами — социальной программой поддержки и программой создания рабочих мест. Он писал: «Что народ Америки хочет больше всего? Две вещи: работу, работу со всеми моральными и духовными ценностями, которые связаны с ней. А с работой — разумную меру обеспеченности для себя, своих жен и детей. Работа и обеспеченность являются духовными ценностями... которые должны руководить нашими усилиями». При этом Рузвельт добавил: «... знание — это есть образование в своем истинном смысле... есть лучшая защита от глупости, предубеждений и панического страха, независимо от того, порождается ли он специальными группами людей, имеющими общий интерес или ограниченным меньшинством». В результате в его первый президентский срок уровень безработицы снизился более чем на 5 млн человек.

К началу XXI в. в США доля занятых преимущественно умственным трудом («белых воротничков») достигла 60%, а к концу первого десятилетия

века самые высокие темпы роста занятости (118%) наблюдались по использованию информационных баз данных, компьютерных программистов и системных аналитиков. Чтобы России избежать бесперспективной «гонки за лидером», в нашей стране должно быть обеспечено развитие отраслей, производящих товары и услуги с высокой долей интеллектуального труда, превращение российской экономики в экономику, производящую знания. Но для этого нужно внедрение в рыночную экономику реальной социальной составляющей, для которой необходима материальная база. Вспомним, что если до Ф. Д. Рузвельта бюджет США составлял всего 5–7% ВВП, то при нем он достиг 40–50% ВВП и никогда больше не сокращался [4, с. 93].

Существует признанное в международной практике положение, что заработная плата ниже 3 долл. в час в современных условиях не обеспечивает даже простого воспроизводства рабочей силы и с неизбежностью ведет к деградации трудового потенциала общества. В России этот показатель составляет в среднем 1,7 долл. Такая ситуация требует неотлагательного государственного вмешательства, так как это свидетельствует об убывании (как в количественном, так и качественном отношении) основного фактора производства, именуемого «трудом» [5]. Крупные российские компании сформировали свой высокодоходный бизнес на «льготных условиях по использованию богатства государства российского», с одной стороны, а с другой — на использовании природной ренты, принадлежащей нации в целом. Следуя за «рецептами» «Нового курса» Ф. Рузвельта, можно считать объективно обоснованным их материальное участие в социальной политике РФ. Другими словами, все социальные выплаты по всем направлениям, включая пенсии, необходимо перенести на плечи работодателей в зависимости от уровня их капитализации. Для этого уровень процентного соответствия по всем направлениям трансфертов следует определить на государственном уровне.

Компенсацию потерь корпоративному бизнесу можно обеспечить через утверждение государством ставок по ускоренной амортизации (этот институт почти не используется в России), что будет стимулировать обновление основного капитала, а также за счет льгот по арендным платежам государственного землепользования. Вместе взятые, эти решения могут обеспечить режим накопления труда и капитала, решить проблему социальной напряженности в российском обществе, обеспечить перспективную безопасность как самого крупного бизнеса, так и рыночных преобразований в направлении развития ГЧП в России в целом.

При формировании «Нового курса» Ф. Рузвельт заложил в него христианский принцип: «Мы пытаемся, чтобы правительство не было механическим устройством, надо дать ему резонирующий персональный характер, чтобы оно было воплощением человеческого милосердия. Это и есть таинственный круг человеческих событий». Реализация «таинственного круга» может обеспечить восстановление связей и взаимодействие при формировании доверия между субъектами российской экономической системы, формируя условия долговременной прочности на «российском грунте».

Литература

1. Бринкли А. Наследие «Нового курса» Ф. Рузвельта // США и Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 8.
2. Сорос Дж. Новая парадигма финансовых рынков М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. С. 11.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог с природой. М.: КомКнига/URRS, 2005. С. 162–165.
4. Супян В. Б. Американская экономика: новые реальности и приоритеты XXI века. М.: Анкил, 2001. Гл. 13.
5. Введение в институциональную экономику / под ред. Д. С. Львова. М.: Экономика, 2005.

Фактор гуманизма как основа «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта

МАХАМАТОВА САИДА ТАИРОВНА

канд. экон. наук, ассистент кафедры «Макроэкономика» Финансового университета

E-mail: mahamatova@mail.ru

Аннотация. В статье фактор гуманизма рассматривается как один из основных принципов реформ «Нового курса», который прослеживается в проведении политики Ф. Д. Рузвельта. Данный фактор можно считать эффективным политическим ходом. С одной стороны, он спасал рабочий класс от бедственного положения, а с другой стороны, не забывались и интересы предпринимателей. Итоги «Нового курса» абсолютно противоречивы.

Ключевые слова: гуманизм, экономика гуманизма, Закон Вагнера, экономические реформы, «Новый курс», рабочий класс, рыночное хозяйство, предприниматели.

Factor of humanism as a basis for the «New Deal» of F. D. Roosevelt

SAIDA T. MAKHAMATOVA

Candidate of Science in Economics, Assistant at the Department «Macroeconomics», Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes factor of humanism as the main factor of the «New Deal» reforms, which can be followed in carrying out the policy of Roosevelt. This factor can be considered an effective political move. On the one hand, the working class was saved from the plight, and on the other hand, the interests of the business were also not forgotten. Results of the «New Deal» are contradictory. At the moment, there are both supporters and opponents of Roosevelt's reforms.

Keywords: humanism, humanist economics, Wagner Act, the «New Deal» reforms, the working class, the market, business.

Рузвельт пришел к власти на фоне Великой депрессии, когда партия республиканцев под руководством президента Г. Гувера уже не справлялась с создавшейся ситуацией в стране. На фоне острейшего экономического кризиса полное игнорирование бедственного положения народа предопределило ход предвыборной компании не в пользу республиканцев. Одним из главных факторов победы Ф. Д. Рузвельта на президентских выборах 1932 г. стала его предвыборная программа, получившая название «Новый курс», нацеленная на выход из экономического кризиса и направленная прежде всего на улучшение материального положения простого народа. В своей предвыборной речи кандидат в президенты США Франклин Делано Рузвельт дал обещание вернуться к «забытому человеку» и реализовать программу «Нового курса». Легендарные слова «забытый человек» отражают сущность «Нового курса», основанного на гуманизме и принципе справедливости.

«Экономика гуманизма с необходимостью должна строиться на принципах эффективного хозяйства», — пишет В. И. Оноприенко, — поскольку наличие или отсутствие гуманизма в данном обществе (стране) обуславливается способностью экономически обеспечить нужды защиты и активной обороны собственных граждан, населения и территории» [1, с. 4].

Сразу после победы на выборах президент Рузвельт приступил к выполнению программы «Нового курса», где ярко прослеживаются черты социал-либерализма. Конгрессом было принято 70 законодательных актов, которые направлялись на «оздоровление» экономики страны. Власть «экономических олигархов», из-за которых в сущности и произошла Великая депрессия, сменилась активным вмешательством государства в экономику. В соответствии с законом об оздоровлении национальной промышленности, принятым в июне 1933 г., была создана Национальная администрация восстановления промышленности

(NIRA), посредством которой государство стало осуществлять контроль над промышленностью. Данной структурой был разработан «Кодекс честной конкуренции», сущностью которого являлось установление жестких рамок для цен на продукцию и оплаты труда.

Известный экономист Дж. М. Кейнс так охарактеризовал данную систему: «частнокапиталистическое рыночное хозяйство утратило способность стихийного приспособления к потребностям производства, а значит, стало неизбежным вмешательство в рыночные отношения». Ядром «Кодекса честной конкуренции» было установление монополии на рынке, что является главным препятствием развития рыночной экономики, поскольку отсутствует главный ее элемент — конкуренция. Однако благодаря этому закону миллионы безработных получили поддержку в виде привлечения их на общественные работы, на которые правительство выделило более 10 млрд долл.

Президент Ф. Рузвельт обратил внимание и на такой человеческий фактор, как взаимоотношения работодателя с рабочим, вследствие чего было создано Национальное бюро труда. В своей политике проведения «Нового курса» Ф. Рузвельт *по мере возможности* учитывал один из главных факторов оздоровления экономики — фактор гуманизма. Правительством Рузвельта проводилась политика, направленная на социальную защиту населения: были созданы профсоюзы, организации по трудоустройству безработных, молодежные организации. Закон Вагнера 1935 г. существенно расширил права наемных работников (вплоть до права на проведение забастовок) и наделил профсоюзы свободой действий при приеме на работу. Как известно, повышение качества человеческой жизни считается объективной потребностью — это один из основных принципов современной развитой экономики. Например, один из исследователей данного принципа В. И. Оноприенко особо отмечает, что «нормальное развитие страны в рамках мировых хозяйственных процессов стало немислимо без удовлетворения быстро растущих материальных и социокультурных потребностей человека... Постепенно сформировалась ситуация, при которой повышение качества жизни превратилось в объективную потребность, условие дальнейшего прогресса экономики и общества в целом... Постепенно экономисты, прежде всего на Западе, начали осознавать ограниченность традиционного, по сути, «индустриального», понимания прогресса человека и общества. Речь шла о кризисе техногенной цивилизации с точки зрения человеческого измерения, об углублении противоречия между экономическим

и социальным развитием, между пониманием человека как фактора производства и гуманистическими принципами общественного прогресса» [1, с. 4].

С политической точки зрения «Новый курс», курс на гуманизацию экономики, ставил задачу не только улучшить положение рабочего класса, но и предотвратить приход к власти «левых» политиков. Это была одна из главных причин больших уступок рабочим. Успешный ход проведения «Нового курса» усилил позиции демократов и президентской власти.

Говоря о негативных сторонах «Нового курса», следует отметить, что реформы приводили к постоянной борьбе класса рабочих и класса буржуазии, столкновению интересов профсоюзов и корпораций. Много претензий вызывали, в частности, закон о восстановлении промышленности 1933 г., который поддерживал действия предпринимателей, и «Кодекс автомобильной промышленности», который ущемлял права профсоюзов и «развязывал руки» предпринимателям в вопросах найма и увольнения рабочих.

В итоге, помогая рабочему классу, Рузвельт не забывал и про предпринимателей, которые имели весомую власть в стране. Президент искусно маневрировал между двух огней, стараясь не навредить ни тем, ни другим. Ситуация в стране, назревшая к тому времени, буквально вынудила Рузвельта проводить реформы «Нового курса». Чуть позже Черчилль отметил, что «Рузвельт спас Америку от революции».

Американский историк Сидней Файн, изучавший рабочие движения того времени, пришел к следующему выводу: «История с принятием Кодекса автомобильной промышленности, несмотря на все разговоры о партнерстве правительства, промышленников и рабочих в осуществлении NIRA, рельефно выявила тот факт, что организованное рабочее движение там, где оно не имело достаточных сил бросить вызов союзам предпринимателей, было в лучшем случае партнером с ограниченными правами. С того момента, когда был составлен набросок кодекса автомобильной промышленности и до истечения срока его действия, президент Рузвельт в ходе любого конфликта, возникающего между рабочими и администрацией предприятий, становился на сторону предпринимателей» [2].

Несмотря на громкие заявления о «новом курсе», президент первое время держался в стороне от активных действий. Однако в ноябре 1933 г., благодаря Г. Гопкинсу, была создана Администрация гражданских работ (СВА) — «одно из самых популярных, хотя и недолговечных детищ «нового курса», целью которого было быстрое обеспечение 4 млн безработных

временной работой [3, с. 163]. «Ища спасение от голодных бунтов и взрывов массового недовольства, — пишет известный канадский исследователь истории «Нового курса» А. Шлезингер, — власти положили начало поистине уникальному в условиях США социальному эксперименту: в общей сложности было введено в действие примерно 400 тыс. объектов» [4, с. 262]. Вместе они составили гигантский государственный сектор экономики, приоткрытый клапан для сброса давления в паровом котле, буквально готовом взорваться. На местах СВА поощряла создание кооперативных предприятий самого различного профиля, функционирующих на началах рабочего самоуправления. В короткий период удалось трудоустроить и обеспечить пропитанием миллионы безработных, людей самых разных профессий — от лесорубов до писателей и художников. Одним своим существованием СВА наносила моральный урон системе частного предпринимательства, заставляя многих задумываться над вопросом о жизнеспособности последней и ее соответствии требованиям экономического прогресса [3, с. 163]. Что же можно назвать итогом «Нового курса», который до сих пор является объектом исследования многих современных экономистов?

Политику «Нового курса» можно назвать, скорее всего, политическим экспериментом. «Здравый смысл подсказывает, — говорил Рузвельт, — взять тот или иной метод и опробовать его. Если метод неудачный, надо честно признать это и пробовать другой. Но главное — что-то пробовать». Реформы «Нового курса» со многими своими противоречиями получили продолжение и в дальнейшей экономической политике США XX в. Они изменялись в соответствии с новыми требованиями, но суть оставалась та же — это улучшение состояния бедного слоя общества, нередко вопреки экономической логике.

В этой связи следует обратить особое внимание на закон о минимальной заработной плате, принятый во времена Великой депрессии. Как отметил экономист Томас Соуэлл, «работодатели готовы рисковать, принимая на работу и обучая молодых неквалифицированных работников, если это не требует больших затрат. Если же затраты оказываются большими, то работодатели либо механизмируют производственные процессы на своих предприятиях, либо нанимают меньшее количество работников, но с более высокой квалификацией. Таким образом, из-за установленного законом минимума заработной платы многие люди, не имеющие квалификации и опыта работы, лишаются возможности начать трудовую деятельность. Опрос, проведенный в 2000 г.

среди более чем 300 членов Американской ассоциации экономистов, выявил, что почти 75% из них либо полностью, либо частично согласны с тем, что «существование установленной минимальной заработной платы увеличивает безработицу в группе молодых и неквалифицированных работников». Однако даже сегодня поддержка этой программы «Нового курса» в обществе столь велика, что размеры минимальной заработной платы выросли с 5,15 долл. в 2007 г. до 7,25 долл. в 2009 г.» [5, с. 310].

Деятельность профсоюзов, начатая во времена «Нового курса» законом Вагнера, в последнее время заметно снизилась. К примеру, «численность профсоюза работников автомобильной промышленности сократилась почти на миллион человек, так как производители автомобилей в Японии, где минимальная заработная плата ниже, чем в США, выпускают машины все более высокого качества при более низких затратах. Конкуренция с иностранными производителями резко сократила численность профсоюзов в частном секторе. Но в государственном секторе численность профсоюзов со времен «Нового курса» существенно увеличилась благодаря тому, что с помощью закона они могут обеспечить себе монопольную прибыль и гарантировать ее получение» [5, с. 310].

Как показывает время, профсоюзы изжили себя как таковые. Они не приносят уже такой пользы, как во времена Великой депрессии, когда являлись чуть ли не главным элементом «Нового курса». В наши же дни, как заметил Б. Фолсом, «отрасли, в которых есть профсоюзы, уступают отраслям, не имеющим профсоюзов, по эффективности производства. В тех 22 штатах, где действует закон, запрещающий принимать на работу только членов профсоюза, в целом отмечается больший экономический рост, чем в группе из 28 штатов, в которых на работу принимают только членов профсоюзов» [5, с. 310]. Из этого можно сделать вывод: то, что было эффективно 70 лет назад, сегодня уже не актуально.

Интересно также рассмотреть еще один из проектов «Нового курса», который и сегодня продолжает действовать. Это программа финансовой помощи семьям с детьми-иждивенцами (AFDS). «Материодички получали прямую федеральную помощь на каждого ребенка до достижения им 18 лет. Размеры этих выплат росли, что стимулировало рождение детей вне брака. В 1960-х годах было изменено и законодательство. Верховный суд и Конгресс закрепили за матерями-одинокими право получать в полном объеме эти пособия и в случаях, если мать-одиночка состоит в гражданском браке или если она,

помимо пособия, имеет иные доходы. В результате, если в 1960 г. вне брака родился один ребенок из двадцати, то к 1995 г. — уже каждый третий ребенок. Но в 1996 г. система социального обеспечения была серьезно реформирована. Были сокращены списки женщин, получавших пособия, а также размеры самих пособий почти на треть» [5, с. 310]. Попытки модернизировать некоторые реформы «Нового курса» привели либо к их кардинальному изменению, либо к полной отмене. Некоторые историки считают, что Великую депрессию прекратил вовсе не «Новый курс», а вступление США во Вторую мировую войну. Миллионы американцев начали работать на военных заводах, благодаря чему и сократилась безработица. Уильям Лехтенберг, исследователь «Нового курса», пишет, что «реальным стимулом к восстановлению должно было стать быстрое и масштабное увеличение государственных расходов». Дэвид Кеннеди, также рассматривавший период Великой депрессии, отмечает: «Рузвельт не решался втягивать экономику в крупные компенсирующие государственные затраты, достаточные для того, чтобы вернуть ее на уровень, предшествовавший Великой депрессии, не говоря уже о ее расширении. Именно война открыла для американцев необъятные горизонты и вытаскила страну из кошмара Великой депрессии... Огромные затраты на вооружение подтвердили тезис Кейнса о том, что рост государственных расходов способен обеспечить процветание...» [5, с. 291].

Противоречивость «Нового курса» разделила исследователей на его сторонников и тех, кто негативно относится к данным реформам. Например, рассматривая «Новый курс» Ф. Рузвельта, А. В. Некипелов отмечает, что «цели и результаты «Нового курса» в отечественной историографии оцениваются положительно. В области экономики «Новый курс» ставил своей целью скорейшую ликвидацию кризиса и его последствий, а в отдаленной перспективе — общее оздоровление всей экономической системы. Главным средством достижения этой цели стал разработанный под влиянием идей английского экономиста Дж. М. Кейнса метод «заправки насоса», т. е. «вливания» государственных средств в частную экономику в надежде оживить и толкнуть ее вперед, ограничив и смягчив «крайности» анархии и конкурентной борьбы. Очень трудно судить о том, насколько успешным был «Новый курс». Этот вопрос по сей день остается спорным и трудным при формировании исторического суждения» [6, с. 102].

О множестве недостатков, просчетов и фальсификаций пишет американский ученый Б. Фолсом,

который приводит в своей книге слова знаменитого экономиста Ирвинга Фишера, написавшего Рузвельту: «Своим новым курсом Вы отсрочили восстановление экономики». Другие страны также выходили из последствий Великой депрессии, но более быстрыми темпами. «Одна из причин того, что восстановление после Великой депрессии в США шло медленнее, чем в других странах, состоит в стремлении Рузвельта увеличивать доходы бюджета преимущественно за счет роста акцизов. Как видно из материалов... исследования, проведенного Лигой Наций, рост доходов бюджета за счет акцизов происходил в США стремительнее, чем в любой другой стране. Огромный приток доходов в бюджет (в виде налоговых поступлений) в США (328%), отмечалось в исследовании, стал результатом существенных повышений ставок обложения. Поскольку основная часть этих налогов легла на плечи простых налогоплательщиков, малоимущих слоев населения, это замедлило выход экономики США из депрессии» [5, с. 296].

С точки зрения современных критиков, получается, что все реформы «Нового курса» были бесполезны, если не вредны. Возможно, это был чисто политический шаг, который укрепил Рузвельта у руля власти. Однако опыт экономической политики президента Рузвельта демонстрирует, что принцип гуманизма (как и принцип справедливости) является очень важным не только философским, но и экономическим принципом современного хозяйствования.

Литература

1. Оноприенко В. И. Экономика гуманизма в России. М.: Московский гуманитарный университет, 2004.
2. Fine S. President Roosevelt and the Automobile Code // Mississippi Valley Historical Review. Vol. XLV. № 1 (June 1958). P. 25.
3. Мальков В. Л. Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М.: Яуза; Эксмо, 2012.
4. Schlesinger A. M. Jr. The Coming of the New Deal. L.; Melbourne; Toronto, 1960. P. 262
5. Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию: пер. с англ. А. Плисецкой / под науч. ред. А. Куряева. М.: Мысль, 2012.
6. Некипелов А. В. Отечественная историография «Нового курса» президента Ф. Д. Рузвельта // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 102.